
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ, что бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Пешербургъ. Юля 3 дня, 1822 года.

Цензоръ Александръ Вируковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° XXVII.

АНТИКРИТИКА.

РАЗСМОТРѢНІЕ ЗАМѢЧАНІЙ НА НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ ФЕДРЫ, НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ VIII N° ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ *).

Замѣчанія сіи написаны Г. Псрвмб, котораго переводъ *Тераленова* *Разказа* критически разобранъ въ XIV N° *Благонамѣреннаго*. Признаюсь, что нѣкоторыя выраженія и даже мысли Г. Псрва кажутся мнѣ чрезвычайно удивительны; но съ одной стороны осужденіе Г. *Истовьмб* перевода его, а съ другой соперничество мое съ нимъ въ томъ же прудѣ—объясняютъ причину *оцѣнки* моего перевода.

Разсмотримъ эту спорную критику. Я возражаю противъ нее только для того, что бы объяснить нѣкоторыя употреблен-

*) Отвѣчаю такъ поздно на сію критику пошому, что на дняхъ только имѣлъ счастье увидѣть ее случайно. *Соз.*

ныя мною въ переводѣ и осуждаемыя Г. *Превѣ* слова и выраженія; опшвчашь же на колкосши и ошпрошы, разсѣваемыя обыкно-венно въ *строгихъ* кришикахъ, опшь коихъ ни одинъ въ свѣшѣ писашель не избѣжалъ, было бы — уподобилъсь Донъ-Кишошю, сражавшемуся со спадомъ барановъ!

Заглавіе (шакъ говоришь Г. *Превѣ* *): *отрывокъ изъ Расиновой Трагедіи: Федра, кажется мнѣ неправильнѣль. Переводная **)* *Федра тогда только можетъ назваться Расиновой, когда переводикъ, наполняясь духомъ превосходнаго оригинала, вполне выразитъ мысли, чувства и самыя слова дѣйствующихъ лицъ.* (Вѣрю!) *У Расина каждая мысль развернута, (А у Кришика моего здѣсь очень свернута, шакъ чшо я—признаюсь въ своемъ невѣжесшвѣ—не понимаю его) каждое чувство на своемъ мѣстѣ, (Чувство на мѣстѣ!—шакъ же не понимаю!) каждое слово усиливаетъ стихъ, (Каждое? — сомнѣваюсь!) и наконецъ*

*) Всѣ слова Г. *Прева* въ семъ возраженіи напечатаны для опличія косыми буквами. *Сот.*

**) *Переводная, перевозная, переносная*—и ш. п. значить порусски *ша*, копорую переводяшь, перевозяшь, переносяшь съ одного мѣста на другое. *Сот.*

каждый звукъ связанъ съ другими тѣсною гармоніей. (Звукъ связанъ со звуками гармоніей — и припомъ тѣсною!...не поспигаю!) Расинъ — есть заимодавецъ, которому должно не только заплатить долгъ сполна, но еще одинакими деньгами съ занятою суммою... Чувствую, что я произнесъ собственный свой приговоръ... — (Такъ, дѣйствительно приговоръ, состоящій въ томъ, что строгому кришику должно въ сужденіяхъ своихъ, по крайней мѣрѣ, выражаться ясно. Что разумѣешь здѣсь Г. Псрбъ подъ словомъ : заимодавецъ? Если то, что Расинъ предлагаетъ переводчику гошовья мысли, выраженія и слова; то сравненіе сіе весьма не вѣрно: ибо Расинъ, также какъ и всякій другой Авшоръ, предлагаетъ переводчику однѣ только мысли, а прочаго долженъ искашь сей послѣдній не въ кассѣ подлинника, но въ собственномъ своемъ карманѣ. Извѣстно, что значишь переводъ словъ. Но, можешь бышь, подъ названіемъ симъ разумѣль Г. Кришикъ то, что онъ самъ заимствоваль у Расина — предупредя всѣхъ прочихъ переводчиковъ — шаланшъ и духъ его, кошорыхъ исполнясь, надѣешься выразишь вполнѣ мысли, чувства и самыя слова подлинника.. прошивъ этого безмолвствую!) По крайней мѣрѣ меня никогда не ослѣпитъ на счетъ моего перевода похвала приятелей, (Чыхъ?) которымъ

Печальный каждый листъ бытъ кажешся святымъ;

равно и порицанія Гг. Истовыхъ не принудятъ оставить Расина. (Къ чему объясняется здѣсь Г. Кришикъ на счетъ какихъ-то приятелей? Къ чему говоритъ онъ, присупивъ уже къ разбору моего перевода, о Гг. Истовыхъ? Какую связь имѣешь Кришика его съ разборомъ Г. Истова? Изъ словъ Г. Перва: “я не для того сближаю сіи два происшествія (!) что бы оскорбить кого нибудь подозрѣняли; нѣтъ, Боже-сохрани!”, *) что должно заключить? И что сказать въ разсужденіи сего явнаго подозрѣнія? Истина была бы обидна для кого нибудь (какъ говоритъ Г. Кришикъ) а потому — молчу. Въ разсужденіи же порожественнаго объѣма его: не оставляютъ Расина, скажу старинную

*) Избави Богъ и насъ отъ эдакихъ подозрѣній! Сот.

Вотъ самое начало сей кришики: Въ 5 Но Благонамереннаго напечатанъ отрывокъ изъ перевода Федры Г-ль Чеславкиль, а въ XIV того журнала помѣщенъ весьма острый, весьма справедливый и совершенно безпристрастный разборъ моего перевода Тераменова разказа. Я не для того сближаю сіи два происшествія — и проч.

нашу пословицу: свой улыб Царь въ головѣ!)
 Можетъ быть, я никогда не кончу своего перевода, но никогда же и не перестану выправлять его. (Этимъ объявленіемъ хотѣлъ Г. Кришикъ но къ чему угадывать?)
 Строгость моя къ собственнымъ трудамъ даетъ мнѣ право говорить правду новоліу переводчику Федры. (Правду можешь говорить всякой; но чшобъ говоришь основательно, по для сего пребуешься не одной шолько строгости къ собственнымъ трудамъ.

Чтобы не утолить читателей — по словамъ Гна Пср, ва — выпискою всей Кришики, приведу шолько шѣ мѣста, кошорыя, шакъ сказать, разипельнѣе.)

Дѣйствіе I. Явленіе 3.

Нѣшъ, далѣ идиши я не могу; слабѣю:

Поддерживашъ себя силъ больше не имѣю.

О выраженіи: поддерживать себя, Г. Кришикъ говоришь, что оно переведено съ лексикона, буквально и притомъ весьма не вѣрно: Je ne me soutiens plus знатитъ: я едва стою. Порусски можно сказать: похвала приятелей инагда поддерживаетъ вялые стихи; но нельзя сказать, что изнемогающій теломъ не въ силахъ поддерживать себя. (Выра-

женіе: *«едва стою, или едва держу-ся на ногахъ,,—не по же ли въ проспомъ слогъ, что: «едва могу поддерживать себя,, въ высокому? Г. Пср. въ проспипъ мнѣ, что я не повѣрю ему, будшо порусски не лзя эпого сказаць. Многіе извѣстные Липператоры наши, копорымъ чипаль я переводъ свой, замѣшили мнѣ именно объ эпому глаголъ, что онъ никакимъ другимъ замѣненъ здѣсь бышь не можешъ, и что хошя выраженіе сіе не довольно еще упопробипельно въ языкѣ нашемъ, но оно можешъ бышь введено, ибо ни мало не пропивно свойству языка. Ишакъ я увѣренъ, что оспориваемое Г. Кришикомъ очень можно сказаць порусски, шакже какъ и слѣдующее: «несправедливый Кришикъ не въ соспояніи поддержать себя никакими колкосшями, если собспвенныя сужденія подавляюшь его.,,)*

О боги! для чего я не въ шѣннѣ дубравѣ!

Когда могу сквозь прахъ, несущійся клубами,

Зрѣшь колесницы бѣгъ — лепѣшь за ней очами?

Все тотъ же отрѣвистый слогъ! Могу—знагитъ настоящее, а смыслъ и грамматика требуютъ будущаго. (Не спорю о слогѣ; можешъ бышь, что онъ и дурень. Пущь судяшь объ эпому знашоки, болѣе или менѣе строгіе къ собственнымъ трудамъ; но къ чему эпошь рѣзкой чпонтъ? Развъ Г. Кри-

шикъ не можетъ ошибашся въ сужденіяхъ своихъ? — а при томъ, осмѣлюсь сказать, что смыслъ и Грамматики его прѣбуютъ здѣсь недѣльнаго. Всѣ Русскіе говорятъ: “когда могу я васъ видѣть?”, вмѣсто; *возмогу*, или *буду имѣть возможность*., — Когда *могу* я говоришь съ вами?, и п. п. Впрочемъ, можетъ быть, что оно дѣйствительно не совсемъ правильно и составляетъ большую погрѣшность въ глазахъ спрогихъ Грамматики, но при всемъ томъ употребительно — и по ясности и красоте своей позволено въ Спихотворствѣ. *) *Въ прахъ несущелся и несущелся клубами, кто узнаетъ Расиновъ надменный прахъ: noble roussière?* (Вошь образчикъ какъ должно переводить Расина: *надменный прахъ!* Въ одномъ изъ печатныхъ переводовъ *Федры* спо-

*) Самъ безпримѣрный, несравненный Расинъ употреблялъ иногда неправильности противъ языка, которыхъ по красоте своей составляютъ еще красоту. Напримѣръ въ извѣстномъ спихѣ Трагедіи: *Andromaque*:

Je t'aimois inconstant; qu'aurois je fait fidele?

правильно ли послѣднее выраженіе? — *Сог.*

ишь: благородный прахъ — еще почвѣ и ближе къ подлиннику. Не эпо ли значить, по словамъ Кришика моего, платить долѣб одинакими деньгами съ занятою суммою? Но примешъ ли здравый Вкусъ, сей спрогий Казнагой славы Расина, шакую уплану и не опшвергнешъ ли сихъ поддѣльныхъ денегъ какъ фальшивую монешу?)

Что сказала я?.... безумная!... гдѣ я?

Хотя слово: безумная, довольно стихотворно и возвышенно, но слово: поло-умная, было бы еще стихотворнѣе. (Какъ приняшь эшо? За насмѣшку, или за серьезное насшавленіе? — Последнее — Г. Пср.въ проститѣ мою откровенность! — кажется, вѣрояшнѣе. Ишакъ, благодаря душевно Г. Кришика, побуждаюеь сказашь, что напрасно онъ, шакъ щедръ на совѣшы, въ кошорыхъ я вовсе не имѣю нужды; пусшь бережешъ ихъ про себя.) Просвѣщенные титатели, кошорымѣ Расинова Федра коротко знакома, могутѣ видѣть, что я не выбираю дурные стихи, а сряду беру ихъ въ переводѣ. (Вопервыхъ: просвѣщенные чипашели скажущъ Г. Пср. ву, что о Трагедіи нельзя сказашь порусски: „намъ она коротко знакома., Вошпорыхъ: не шолько просвѣщенные, но просшо грамашные люди, умѣющіе чипашъ, могутѣ видѣть, что Г.

Кришикъ берешъ спихи въ переводъ моемъ сряду *), изволя называю ихъ дурными — безъ всякихъ доказательствъ.) *Чтобы уцелить ихъ выпискою **)* всего отрывка—Г. Чеславскій простиѣ мою откровенность! — я замѣчу еще нѣсколько стиховъ.

Престань испытывать: я слишкомъ объяснилась.

Второе полустихіе доказываетъ комическимъ Авторамъ, что и у насъ есть разговорный слогъ. (Что это значить? О комъ говоришь здѣсь Г. Кришикъ: у насъ? — Не думаю, въ обиду его, что онъ хотѣлъ сказать просто: у Русскихъ есть разговорный слогъ; ибо открывать подобныя истины — было бы очень забавно. Но, можешь быть, не желая слишкомъ объясняться, онъ далъ только почувствовать, что для Трагедіи ни въ какомъ случаѣ не приличенъ простой, разговорный слогъ. Не смѣю опровергать такого неопровергаемаго мнѣнія!)

*) Всякой благомыслящій читатель, если найдетъ кришику спующую вниманія, по захочетъ сличить ее съ кришикуемымъ сочиненіемъ. *Сог.*

**) Выпискою уцелиться могъ писатель, а читатели не могутъ. *Сог.*

Сей Князь . . . сынъ Скиелки . . . ты знаешь: . . .

Ты знаешь — новое доказательство. Въ этомъ словѣ заключается какая-то невинность, какая-то сельская простота, которая весьма похвальна въ Трагедіяхъ вообще, особливо въ Федрѣ. (Почему Г-ну Пср . вѣ не нравишься здѣсь выраженіе: ты знаешь? — Чшобъ лучше увидѣшь приличіе, или неприличіе его, приведемъ нѣсколько предыдущихъ стиховъ.

Энона.

Какъ! любишь ты?

Федра.

Любви шерзаңья всѣ шерплю!

Энона.

Кемъ спрасшна ты?

Федра.

Внимай. — и шрепещи. Люблю . . .

Ахъ! имя пагубно услышашъ ты желаешь

Люблю

Энона.

Кого ?

Федра.

Сей Князь . . . сынъ Скиелки . . . — ты знаешь:

Кшс всю жешшкосишъ несъ гонелья моего

Энона.

О боги! Исполнишь? —

Федра.

Ты назвала его!

Я вообще ничего, а особливо этого мѣста, не переводилъ рабски, но старался выразить мысли подлинника и выдержавъ данный Авшпоромъ характеръ Федры, которая до того ужасается пресупной любви своей, что не смѣетъ даже назвать виновника ея спраданій. Она опвѣхами своими даетъ только догадываться Энонѣ, намекаетъ ей, вынуждаетъ ее самую произнесши роковое имя — и для того, послѣ опривисшихъ, довольно уже ясныхъ намековъ: *Сей Князь . . . сынъ Скиаянки . . .* — заспавилъ я ее сказать съ нѣкоторою досадою на недогадливостъ Эноны и съ большею рѣшимостію: *ты знаешь, кто всю жестокость несѣ.* и проч. Здѣсь, кажется, не опспунилъ я и опъ подлинника:

tu connois ce fils de l'Amazone,

Ce prince, si longtems par moi-même opprimé . . .

Почему же, повторю, не нравишься это выраженіе Г. Пср. *вц*? Какую находишь онъ въ немъ *невинность* и *сельскую простоту*? —

Въ Трагедіи: *Димитрій Донской*, знаменитый
Озеровъ конечно погрѣшилъ, заспавивъ ска-
зашь *Димитрія*:

Ты войско наше зрѣлъ, рѣшимость нашу *знаешь*.

и въ другомъ мѣстѣ:

Здѣсь *видишь* храбрыхъ сонмъ —

также Тверскаго:

Не повторяй этого,
Что *знаютъ* ужь они ошь гнѣва моего.

Какъ! выраженія эпитетныя и тысячи подобныхъ
имъ, вспрѣчающихся въ лучшихъ Траге-
діяхъ нашихъ — слишкомъ просны, непо-
хвальны въ Трагедіяхъ? . . . Такія основатель-
ныя, справедливыя сужденія очень *похваль-
ны* въ Кришикѣ, вообще!

Спрямился мразь по мнѣ, и огнь меня палилъ.

Слово: палилъ такъ удачно, особенно въ концѣ
стиха, что приведетъ въ отчаяніе всѣхъ пе-
реводчиковъ Федры; слово: палилъ, не всякому
попадется! (Что худаго находить Г. Пср. въ
въ эпосѣ глаголѣ? Почему, напримѣръ, не
сказать: мщеніе *палитъ* сердце Кришика до
шого, что не могли объяснять мыслей сво-

ихъ, довольсѣвуешся онъ однѣми насмѣш-
ками!)

Искала въ ихъ чревахъ, разсудка заблужденна. *)

Опять *pes plus ultra* Поэзiи! Федра ищетъ раз-
судка заблужденна въ *тревѣ*, или брюхѣ жертвѣ.
(Вошь уже эпо подлинно *pes plus ultra* Кри-
шники. Ипакъ въ стихѣ Ломоносова:

Не мѣдь ли въ *тревѣ* Эпны ржепъ?

и Державина:

Какъ спрашна ночь надулась *треволд*.—

также въ выраженiи кореннаго нашего яз-
ка: “и копейными прободеньми просыпая
врагомъ *тревѣ*, вездѣ чрево значишь *брюхо*,
а не *внутренность*?—Прекрасно! и основыва-
ясь на семъ, Г. Кришникъ ушверждаетъ, что
Федра ищетъ заблужденнаго разсудка въ брю-
хѣ жершвѣ!...Неоспоримо! Только да позволе-
но будешь и мнѣ сказать со взаимною оп-
кровенносшiю: если кто хочеть кришико-
вашь чiю нибудь основашельно, шо пусть
ищетъ доказашельствѣ не въ одномъ своемъ
поняшiи; иначе—легко можеть, ошибишься.)

*) Стихъ подлинника:

Je cherchois dans leurs flancs ma raison égarée.

На гибель самъ Тезей въ сей градъ меня привезъ.

Слово привезъ, есть одно изъ тѣхъ словъ, которыми нельзя довольно украсить Трагедію; тѣмъ больше—тѣмъ лучше, и тѣмъ болѣе романтизма. (Нельзя ничего воображать, ибо нельзя ничего — понять.)

Но видя какъ близка къ кончинѣ жизнь моя.

Здѣсь вспомнишь Сонетъ Графа Знатова, изъ прекраснаго перевода Мизантропа: “конецъ дней съ жизнью смѣженъ., (Можетъ бытъ, что стихи мой дѣйствительно не хороши, и что найдется много подобныхъ. Но совѣшую Г. Пср.ву вспомнишь, что если я— по собственнымъ его словамъ—*требовалъ* благонамѣренныхъ замѣчаній на переводъ свой, то слѣдовательно признавалъ его самъ не довольно исправнымъ. Кришика, конечно, какъ бы ни была сстрога, не должна никого оскорблять и вообще весьма полезна для словесности, но только кришика благонамѣренная и основательная. Всѣ искусства и художества имѣютъ нужду въ покровительствѣ, а всѣ занимающіеся ими—въ снисхожденіи: ибо слабости и недоспадки вообще свойственны людямъ. Слишкомъ же сстрогое, рѣзкое осужденіе—во всѣхъ отношеніяхъ вредно и показываетъ въ произносящемъ оное непростительную самоувѣренность.)

О стихѣ:

Какой заразою ошравленъ чистый шокъ?

говоришь Г. Кришикъ: *токъ дней отравленъ и отравленъ заразой: темна вода!*... (Не спорю. Однако же можно и усумнишься, сполько ли еще темна какъ ему видится.)

Сей Амазонки сынъ, гордынею надменный.

Для слуха приятнѣе было бы надменностью надменный. (Гордыня и надменность—никогда не значили одно и шже. Но Г. Кришикъ и не споришь о томъ, шолько для слуха его приятнѣе выраженіе: *надменностью надменный!*—Видно, что и *слухъ* иногда не уступаетъ *зрѣнію*, хотя сіи два чувства обыкновенно бывають разносильны.)

Наконѣцъ привѣда стихи мои:

Какъ! возбуждають гнѣвъ въ тебѣ сіи мечты
На родъ швой, коего послѣдня ошрась ты?

Гнѣ *Пср.вб*, спрашивая въ недоразумѣніи:
родъ, или народъ? оканчиваешь свою криши-
ку слѣдующими словами:

“Не смѣю обвиняшь Г. Чеславскаго въ *небрежидсти*, или *скорости* перевода: *on fait ce qu’ on peut—**) а за невѣрность, кажешся,

*) Благодаря за снисхожденіе Г. *Пср.ва*, привѣду два стиха изъ шой же Комедіи Мизаншропъ. Самолюбивый Графъ Знаповъ хваспашь, что есоро пишешь стихи:

можно поручиться. Для чего же было ему говорить, что это переводъ Расиновой Федры; стоишь только вмѣсто Расина поставишь Прадона—и вся вина обрущится на оригиналь.,—Въ заключеніи семь, по крайней мѣрѣ, по хорошо, что оно смягчено словомъ: *кажется*. Прошивъ этого не возможно спорить! — Но что касается до послѣдней насмѣшки, по скажу только: не спѣшно ли прибѣгаешь къ такому непозвопительному средству для униженія пруда соперника своего! Какое жалкое усиліе! А припомъ дерзну замѣшивъ, въ опвѣтивъ Г. Крипику, что эта странная мысль: чтобы я переводъ свой назвалъ переводомъ Прадоновой Федры, не могла бы конечно войти ему въ голову, еслибъ онъ зналъ, что *Расинова* и *Прадонова* пѣсы столько же сходны между собою въ самомъ планѣ—хотя предметъ ихъ и пошь же — сколько мы съ нимъ сходны въ образѣ мыслей. Ипакъ сей послѣдній ударъ — *обрушенъ Г. Пср.вылиб не удачно.*

И. Чеславскій.

~~~~~

Я право, написалъ ихъ въ нѣсколько минушь.

А благоразумный Крушонъ опвѣчаетъ:

До времени, сударь, нѣшь надобности шупъ.

Т Е А Т Р Ъ .

Школа Женщинъ, Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, переведенная изъ соч. Мольера Н. И. *Хмельницкииъ*, и *Пурсоньякъ - Фалалей*, или *Рохусъ въ новомъ видѣ*, свяшочный Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго К. А. А. *Шаховскииъ*, представленные на Большомъ Театрѣ 21 го Іюня.

Давно мы были лишены удовольствія видѣть прекрасную Комедію: *Школа Женщинъ*. У насъ, не много такихъ переводныхъ піесъ. Г. *Хмельницкій* можетъ почесаться однимъ изъ лучшихъ драмматическихъ Поэтовъ нашего времени; онъ далеко оставилъ за собою многихъ, подвизавшихся на семъ трудномъ поприщѣ, и написавъ свои *Воздушные замки*, доказалъ иль, какихъ стиховъ пребуешь хорошая Комедія. Роль

Агнесы въ *Мольеровой Школѣ Женщинѣ*, есть конечно единственная въ своемъ родѣ. Гжа *Дюрова* обязана ей за первый свой удачный дебютъ передъ Публикою. Она и послѣдній разъ играла ее очень хорошо; жаль только, что эта Актриса, получившая отъ природы большое дарованіе, занимаетъ часто характеры, совсемъ ей неприличные. Чтобы открыть какую нибудь способность въ молодомъ актерѣ, или актрисѣ, заставляющъ ихъ играть во всѣхъ возможныхъ пѣсахъ все, что ни поцало. Я согласенъ, что это даже необходимо для такихъ дебютантовъ, каковы Гжа *Величкина м. Г. г. Сибираковѣ*, *Пикановской*, и проч., но не для Гжи *Дюровой*, которая съ перваго своего появленія доказала какой характеръ ей неоспоримо принадлежишь на нашемъ Театрѣ. До сихъ поръ она имѣетъ только двѣ прѣкрасныя роли: *Розы* въ *Водевидѣ*: *Суженаго конемъ не оббѣдешъ*, и *Агнесы* въ *Комедіи*: *Школа Женщинѣ*. Г. *Бобровѣ*, игравшій *Арнольфа*, *Опекуна*, принадлежишь къ небольшому числу нашихъ хорошихъ Актеровъ: въ его игрѣ много простионы

и натуральной веселости. Замѣшимъ одно, что характеръ *Арнольфа* преобладавалъ болѣе комической увѣренности. *Г. Сосницкой*, по обыкновенію своему, игралъ хорошо. *Гжа. Асенкова* и *Г. Рамазановъ*, первая въ роль *Жоржеты* и послѣдній проспакомъ *Алинолъ*, были очень милы. Надобно отдать справедливостъ необыкновенному таланту *Г. Рамазанова*; онъ всюду разнообразенъ и не испортилъ никакой роль. Не опасаясь наскучить чашапельямъ хорошими стихами, выпишу послѣднее явленіе втораго акта изъ *Комедіи: Школа женщинъ*, которое нигдѣ еще не было напечатано.

Явленіе 5.

Арнольфъ и Агнеса .

Арнольфъ.

Сюда, сюда, мой другъ, опъ солнышка подъ
пѣнь.

Гулянье славное!

Агнеса.

Да, славное!

Арнольфъ.

И день

Хорошъ?

Агнеса.

Хорошъ-съ!

Арнольфъ.

Вошъ я къ шебъ, мой другъ, явился.
Чшожь новаго?—

Агнеса.

Ахъ! мой кошечикъ убился!

Арнольфъ.

Мнѣ очень жаль, мой другъ, но эшо не бѣда;
Пожить и умереть мирская череда.
Ну что же...безъ меня скучала ты, я чаю?

Агнеса.

О нѣшъ! я никогда, ей Богу! не скучаю!

Арнольфъ.

Да что же дѣлала ты, милой мой дружокъ?

Агнеса.

Я пару цѣлую связала вамъ чулокъ.

Арнольфъ.

Агнеса! я хочу пополковашь съ побою.
 На свѣшѣ часто мы вспрѣчаемся съ бѣдою.
 И ближній ближнему здѣсь всячески вредяшъ.
 Предспавъ же ты себѣ: сосѣди говоряшъ,
 Чшо будшо безъ меня какой-шо здѣсь повѣса
 Прихаживалъ къ тебѣ, любезная Агнеса,
 И именно-шайкомъ, въ калишку черезъ садъ;
 Я вѣришъ не хочу и бьюся объ закладъ,
 Чшо злые языки тебя оклеветали.

Агнеса.

Ахъ, нѣтъ! не бейшеса, вамъ право не солгали!

Арнольфъ.

Такъ мнѣ не солгано?

Агнеса.

Я увѣряю васъ,
 Онъ эти дни почши не выходилъ отъ насъ.—

Арнольфъ (въ сторону).

Вошъ Ангель-шо! Во всемъ въ минушу мнѣ
 призналась!
 И шо сказашъ, когда невинностьъ пришворя-
 лась?

(Агнесъ)

Но кажешся, мой другъ, когда я не забылъ,
Я принимаю чужихъ вамъ строго запрешиль.

Агнеса.

Да это такъ, но вы когдабъ его узнали;
То вѣрно бы его и сами обласкали.

Арнольдъ.

Все можешь бышь, да какъ онъ видѣлся съ
шобой? —

Агнеса.

Вотъ это и смѣшно и чудно мнѣ самой!
Безъ васъ, разъ подвечерь, накинувши плапо-
чикъ,
Я сѣла на балконъ и шлопала чулочикъ;
Вдругъ вижу, что одинъ мужчина мимо насъ
Все ходишь и съ меня почти не сводишь
глазъ;
Попомъ спалъ кланяюсь — мнѣ сдѣлалось
спрахъ стыдно;
Но изъ учтивости, чшобъ не было обидно,
Я шакже, поклонясь, привспала на балконъ.
Онъ ближе подошелъ и снова мнѣ поклонъ.
Я шоже, онъ опяшь — и сдѣлавшись смѣлѣ,
Мы спали кланяюсь другъ другу веселѣ;
Онъ все высмашириваль, ходиль, и всякой
разъ

Къ балкону подойдя, миѣ кланялся пошчасѣ.
А я, какъ глазъ съ него все время не спу-
скала ...

Такъ онъ все кланялся, а я все присѣдала,
И если бы меня не испугала ночь —
Я вѣрнобъ не ушла никакъ съ балкона прочь,
Чшобъ эшошъ господинь и милой и шушливой
Увѣрень былъ, чшо я умѣю бышь учшивой.—

Арнольфѣ.

Ну чшожь...

Аенеса.

Лишь ночь прошла—ошкуда ни взялась
Спарушка къ намъ одна, и обласкавши насъ,
“Здорово—молвила—дѣвица дорогая!
Ну любо посмонрѣшь красавица какая!
Но шы, сударыня, на по ли разцвѣла,
Чшобъ прелеснью своей надѣлашь сполько
зла!
Такъ, знай же, чшо вчера, съ намѣреньемъ
конечно,
Ты сердце ранила одно безчеловѣчно!,,

Арнольфѣ (въ сторонѣ).

О! вѣдьма старая! разврашница дѣшей!

Аенеса.

Я сердце ранила? я ошвѣчала ей.—

“Да, да, сударыня, и во все безъ причины,

Ты сердце ранила вчерашняго мужчины!, —
 Ахъ, Богъ мой! не значай за ласки всѣ его
 Не ужь-шо чшо нибудь я бросила въ него?—
 “О нѣтъ, сказала мнѣ спарушка, чупь не
 плача;

Ужь видно шакова несчастнаго удача,
 А впрочемъ эшо зло и эши чудеса
 Надѣлали швои злодѣйскіе глаза., —
 Ахъ, Богъ мой! не ужь ли, спросила я съ
 слезами:

Я точно родилась съ злодѣйскими глазами?—
 “Да, да, сударыня, въ нихъ скрышь какой-
 шо ядъ.

Кшо всмошришся въ шебя, шощъ самъ шо-
 му не радъ;

Ишакъ болѣзнь его, шы видишь, не игрушка.
 Къ помужь — примолвила мнѣ добрая спа-
 рушка!., —

Когда онъ и въ шебѣ надежды не найдешъ,
 Такъ эшошъ человекъ навѣрное умрешъ!., —
 О! нѣтъ, сказала я, за эшо Богъ накажешъ!...
 Но чшобъ помочь ему, чшожь дѣлашь онъ
 прикажешъ?—

“Ахъ! ошвѣчала мнѣ спарушка, мой больной
 Лишь хочешъ вечеркомъ увидѣшься съ шобой,
 И средства попросишь, кошорымъ безъ со-
 мнѣнья

Избавишь шы его ошъ эшого мученья., —

Ишакъ, сказала я—чшожь эшо за бѣда?

Пожалуй — приходишь онъ можешъ къ намъ
 всегда.

Арнольфъ (вѣ сторону).

Ахъ! если бы съ шобой мнѣ, спарой сапаною
Да вспрѣшишься—ужь шыбъ раздѣлалась со
мною!—

Аенеса.

Онъ началъ къ намъ, ходишь и сдѣлался здо-
ровъ.

Я рада всякому помочь: мой нравъ шаковъ;
Разжалобясь...божусь, добрѣе я ребенка;
Мнѣ даже жаль...когда зарѣжущь и цыпленка.

Арнольфъ (вѣ сторону).

Все это испинно опъ лишней доброты!
И дѣвка и слуга ужасные скопы!
Я самъ, глупецъ, ее оставилъ безъ зашиты!
И подѣломъ!—За шо вопъ модные визиты!
Боюсь однакожь я, и право будешь жаль,
Когда онъ залешеть изволилъ слишкомъ
вдаль.—

Аенеса.

Вы что-то сердитесь; скажитежь что шакое?
Не ужь-шо что нибудь я сдѣлала дурнве?

Арнольфъ.

О! ничего, шеперь я думалъ не о помъ.—
А чтожь—онъ не скучалъ съ шобою бышь въ
двоёмъ?

Агнеса.

О! нѣтъ, онъ чувствовалъ все легче по не-
многу,
И спалъ совсемъ здоровъ—да, да, здоровъ, ей
Богу!

Онъ сдѣлалъ мнѣ пошомъ подарочекъ одинъ,
И деньги бралъ съ него съ Жоржепою Алинь.
Ахъ, какъ онъ добръ! — его вы вѣрнобъ по-
любили. —

Арнольфъ.

Не иначе, да вы, . . . чтожь съ нимъ пого-
ворили? —

Агнеса.

О! много, я всего запомнишь не могла;
Онъ говорилъ, что я ужасно какъ мила. —

Арнольфъ.

Все шакъ, да съ нимъ, когда въ двоємъ вы
оспаваались,
Чтожь дѣлали? И чемъ опъ скуки занима-
лись?

Агнеса.

Онъ выпросилъ, ему чтобъ подарила я
Ту леѣпочку, что вы купили для меня.

Арнольффъ.

О! что до ленточки, шакъ провались онъ
съ нею!
 Я радъ; что этому не удалось злодѣю
 Надѣлашь болѣе — себя чшобъ обманушь.

Агнеса.

Мнѣ услужилъ ему хопѣлось чемъ нибудь?

Арнольффъ.

Ужъ хуже ничего случилъся не могло;
 Но дѣлашь нечего—что было, шо прошло;
 Вся эша молодежь ужасные злодѣи!
 Обманываешь — вопъ ихъ всегдашнія запѣи!

Агнеса.

Нѣтъ, онъ божилъся мнѣ, что можешь быть
судьба
 Нарочно

Арнольффъ.

Эшо вздоръ! Что значишь ихъ божба!
 Но знай, сударыня, что вовсе безъ причины
 Подарки принимаешь опъ всякаго мужчины
 И позволяешь себя дурачить имъ на смѣхъ,
 Ласкаешь и цѣловаешь — шакой ужасной грѣхъ,

Что послѣ этого хоть откажись отъ свѣща!

Агнеса.

Ужасной грѣхъ!—какъ жаль! да почемужь бы
это?

Арнольдъ.

Вотъ новое еще!—ну просто пошому,
Что этого, прощаешь не должно никому!—

Агнеса.

Не должно . . . . Боже мой! мнѣ право не
понятно
То запрещаешь, что намъ такъ мило и при-
ятно!

Арнольдъ.

Безъ объясненія — чпобъ это разрѣшить,
Такъ надобно тебѣ замужствомъ поспѣшить.

Агнеса.

Замужствомъ? Не ужель?

Арнольдъ.

Ну, да, тогда вольнѣ . . . .

Агнеса.

Такъ выдатьшежь меня вы за мужъ поскорѣе.

Арнольдъ.

Не унывай, придетъ и наша череда;
И именно за шемъ вернулся я сюда.

Агнеса.

Не ужь ли?

Арнольдъ.

Да, за шемъ. —

Агнеса.

За шемъ? Ахъ! какъ я рада! —

Арнольдъ.

Такъ по рукамъ, вопшь шакъ! намъ эпого и
надо!

Агнеса.

Такъ спало вы женишь согласны шочно насъ?

Арнольдъ.

Да. —

32.

Агнеса.

Благодарствуйте, я разцѣлю васъ!

Арнольдъ.

Я цѣловашься радъ самъ цѣлый вѣкъ съ
побою!

Агнеса.

Да нѣтъ, вы можете бытъ, смѣетесь на-
до мною?

Скажише!

Арнольдъ.

Нѣтъ! И чпожь божишься двад-
цать разъ?

Агнеса.

Мы женимся! когдажь?

Арнольдъ.

Пожалуй! хопь сей часъ!

Агнеса (слѣбуютись).

Сей часъ!

Арнольдъ.

Ну чпожь? Смѣшно и весело, плу-
товка?

Агнеса.

Да-съ очень! —

Арнольфъ.

Прелести! и глазки и головка. —

Агнеса.

Я словъ не наберу, чшобъ васъ благодарить...
За шо я опъ души васъ буду съ нимъ
любить!

Арнольфъ.

Какъ съ нимъ? —

Агнеса.

Да, съ нимъ.

Арнольфъ.

Ты врешь, и я слуга покорной!

Ты слишкомъ выбирашь изволишь ужъ про-
ворно!

Не эшотъ негодяй, другой, и словомъ я —
Вотъ мужъ, назначенный въ подарокъ для
себя!

Чшо до него, такъ онъ здѣсь попусту хло-
почешъ;

Онъ можешъ и хворашъ и умирашъ какъ
хочешъ.

Агнеса.

Помилуйте! за чтожь я съ нимъ должна
подрашьяся?

Арнольдъ.

Молчать себѣ веляшь, изволь же уби-
рашьяся!

Послѣ Комедіи былъ представлень
Пурсоньякъ Фалалей, одинъ изъ луч-
шихъ Водевильей *Князя Шаховскаго*. Въ
немъ естъ сцены весьма комическія,
много пѣнья, но мало хорошаго. Надоб-
но признашьяся, что его водевильные
куплеты не довольно обработаны. Мнѣ
скажущь: “что шакое Водевиль? Вѣдь
это не Трагедія и не Комедія! „— Очень
знаю: не менѣе шого спихи въ немъ
шребуюшья хорошей опдѣлки; они долж-
ны заключашья въ себѣ что нибудь остр-
рое, или приятное. Въ образецъ спра-
шнаго приведемъ здѣсь разсказъ моло-
даго Офицера *Аглаева*, которой влюб-
лень въ *Любушку* и опноситея объ ней
своимъ шоварищамъ:

Она мила, добра прекрасна,
 Любезна, весела, умна;
 Ее люблю, люблю я спраспно,
 И васъ плѣняешъ всѣхъ она;
 Ее мы обожаемъ,
 И вмѣстѣ повпоряемъ:
 Ахъ! что ее милѣй?

Офицеры опивѣчаютъ ему:

Да, безъ тебя мы это знаемъ;
 Все вздоръ, но кончи поскорѣй.

Однакожь Авторъ не оканчиваетъ: онъ
 продолжаетъ далѣе. *Любушка* поетъ ош-
 цу своему:

. . . . .
 Но не знаю, чтобы сказали
 Сами вы узнавъ, что съ нимъ
 Я изсохну отъ печали,
 Иль разсѣюся съ другимъ.

Какъ жаль что этихъ чепырехъ спи-
 ховъ я не понимаю! Въ нихъ вѣрно кроеш-
 ся что нибудь хорошее! Выпишемъ хоръ
 Офицеровъ:

Давно мы это доказали
 Дѣлѣ нашихъ трудно перечесъ!

чанія: *Евграфъ Хрустилинъ*, Офицеръ, который припворяется глупымъ Рыльскимъ помѣщикомъ; всѣ его принимающъ за жениха. *Г. Сосницкой* былъ очень забавенъ въ этой роли. *Г. Великинъ* рожденъ, кажется, для каррикатуръ; видя его играющаго, зрители смѣются опъ чистаго сердца. *Любушка* (*Г-жа Сосницкая*) одна изъ пѣхъ актрисъ, которыя пользуются довѣренностію Публики, играла очень мило. Къ общему удовольствію въ роль *Г-жи Фитюлькиной*, вмѣсто прежней *Г-жи Ежовой* б., явилась *Г-жа Сандунова*, актриса, которая единственнымъ талантомъ своимъ сполько времени украшаетъ Русскую сцену. Слишкомъ напрасный трудъ сравнивать ее съ госпожею *Ежовой*, которую она совершенно уничтожила. Чшобъ избѣгнушь опасной соперницы, остаешся одно средство *Г-жѣ Ежовой*, перейши въ молодую шрупу, гдѣ она конечно займетъ не послѣднія роли.

L.

ИЗВѢСТІЕ О БѢДНОМЪ СѢМЕЙСТВѢ.

Письмо къ Издателю.

Еще сѣмейство бѣдняка,
 Прошу васъ, Господинъ Издапель,
 Нельзяли намѣкнуть—хотя издалека—
 Въ Журналѣ—вамъ воздасть Создапель!
 И ... вѣрой, правдою служилъ
 И уважалъ добро душою;
 Но Рокъ невинность побѣдилъ,
 И онъ страдаетъ нищетою.
 Сѣмейство, шестеро дѣшей,
 Я видѣлъ списокъ формулярной;
 И онъ, Совѣтникъ Тишулярной,
 Страдаетъ, мучится съ сѣмьей.
 Безъ денегъ нечемъ прокормиться;
 Безъ денегъ съ доброю душой
 На свѣпѣ мудроно ужиться!
 Нельзя ли дольку удѣлитьъ
 Ему изъ вашихъ приношеній?
 Я самъ приду къ вамъ попросить. —

Любитель вашихъ сочиненій.

3 Юля.

~~~~~

Шарада.

Вкругъ замковъ рыцарскихъ, вкругъ башенъ
и церковей

Часть первая моя къ нещасью раздается:

Второю частью бьюсь холоповъ, Королей —

И дамамъ достается.

Чтобъ цблое узнать,

То первый и второй слогъ должно отгадать.

М. Атаки.

М. С.

~~~~~

Шарада, напечатанная въ XXVI № значишь: Ре-ли.

~~~~~

Желающіе получаютъ Журналь *Благона-*
мбранный особо за послѣднюю половину нынѣшняго года, ш. е. съ Іюля мѣсяца, или съ XXVII N^o благоволящъ подписывающъся за-
благовременно Цѣна за полгода, или за 26 книжекъ, здѣсь въ С. П. бургѣ 15 р., а за весь годъ (52 нумера) 30 р. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 7 р., а за полгода 3 р. 50 к.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° XXVIII.

НѢЧТО О ТОМАСѢ МУРѢ.

..... Anacreon Moore

To whom the lyre and laurels have been given
With all the trophies of triumphant song.....
He won them well and may he wear them long.

Lord Byron.

Англія равно удивляется и Валперу Скопшу и Лорду Байрону и Томасу Муру. Первый изъ сихъ Поэтовъ получилъ названіе *сверхнаго Аріоста*; подобно Омеру Феррарскому, шворецъ *Женщины Озера* (La Dame du Lac) воспѣваетъ рыцарей, подругъ ихъ, любовь и сраженія. Поэтъ, подобный Даншу—Лордъ Байронъ живописуетъ спрасши мрачныя и ужасныя: ненависть къ людямъ, жизнь блуждающая, любовь къ уединенію и развалинамъ, полагающъ на всѣ произведенія

Музы его печать особливую; и въ душѣ и въ стихахъ его царствуетъ одинакій беспорядокъ. Если бы классическая Муза вкуса не всегда внушала пѣсни Томаса Мура, по чипая *Лалла Рукъ*, можно бы почестъ его превосходнымъ переводчикомъ одной изъ пѣхъ Поэмъ, богатыхъ чувствами и картинами, которыми блестящее солнце Востока внушаетъ потомкамъ Гафеца, или Сади.

Ирландія гордится рожденіемъ Томаса Мура, который достоинъ того и своими талантами и любовью къ отечеству. Отецъ его — почтенный Дублинскій торговецъ — и теперь еще живетъ въ этомъ городѣ. Память его наполнена приятными воспоминаніями счастливаго времени дѣтства. Въ посланіи, присланномъ къ сестрѣ его изъ Норфолька въ Виргиніи, съ необыкновенною прелестію описывается онъ первыя лѣта ихъ младенчества, изображаетъ нѣжную попечительность ихъ родительницы съ чувствительностію; напоминая намъ прогашельные стихи *Ковпера*, написанные имъ при полученіи поршреша его матери.

Превосходнымъ воспитаніемъ своимъ своимъ обязанъ Г. Муръ *Самуилу Виту* (Samuel White), бывшему первому учителемъ *Шеридана*. Рано развившіяся дарованія сына, заставили отца Томаса Мура, отправить его въ Дублинскій Университетъ; онъ отличился тамъ любовью къ свободѣ и независимости своего отечества — любовью, которую часто изъяслялъ публично съ силою и краснорѣчіемъ. Его равно уважали и за блистательные успѣхи и за крепость нравовъ.

19 Ноября 1799 года Г. Муръ принявъ былъ членомъ Общества Миддл-Темпльскаго (de Middle Temple), и не достигши еще двадцатилѣтняго возраста, издалъ оды Анакреона, переведенныя имъ стихами; съ тѣхъ поръ получилъ онъ названіе Анакреона-Мура. Будучи двѣнадцати лѣтъ, началъ онъ переводъ сей, которому нельзя отказать въ достоинствѣ. Въ началѣ его найдены Греческая ода, сочиненная переводчикомъ и посвященная Принцу Гальскому.

Въ 1801 году издалъ онъ одну часть

мѣлкихъ спихошвореній своихъ, приписаль ихъ какому-то Г. Литтлю, и сказалъ въ предисловіи, что сочинилъ шевъ умеръ двадцати одного года. “Большая часть спиховъ сихъ писана въ возрастѣ споль юномъ, что крипики должны имѣшь къ нимъ нѣкоторое снисхождение . . . . .” — Образцемъ своимъ избралъ онъ Кашулла, и подобно Поэпу Верронскому, опличается прелестію и сильными чувспвами, но шакже, подобно ему, далъ слишкомъ много воли своему воображенію, и, можешь бышь, слишкомъ уже слѣдовалъ *aurea legge s'ei piace et ilse*. Въ томъ же году объявлено было изданіе его *Философіи удовольствія*, копорая впрочемъ никогда въ свѣтъ не появлялась.

Осенью 1803 года, Г. Муръ отправился на Бермюдскіе острова въ званіи Бухгалпера ошъ Адмиралшейспва. Мѣсто сіе было споль прошивно его склонностямъ, что онъ успунилъ половину жалованья своего помощнику, копорый исполнялъ за него должность. Обѣхавъ главныя спраны Сѣверной Америки, въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1804 года возвратился

онъ въ Англію, и чрезъ два года послѣ того издалъ Оды и Посланія свои объ Америкѣ. Если онъ слишкомъ спрого судишь о жителяхъ Соединенныхъ Штатовъ, то извиняешься вѣрностію картинъ своихъ. “Осправляясь въ Америку, говоришь онъ, имѣлъ я въ пользу ея большое предубѣжденіе. Я предавался мечтамъ о справедливости тамошняго правительствва, о благополучіи сего новаго народа и привыкъ слышать, что опечесство Вашингтона называющъ убѣжищемъ гонимыхъ, Атлантическимъ Элизіумомъ, въ копоромъ друзья свободы находятъ всѣ мечпы свои осуществленными и принимаются какъ братья. Совершенно обманушый въ своихъ надеждахъ, гошовъ я былъ сказаць Америкѣ, какъ Гораций своей любовницѣ: *intentata nites*.

Само собою разумѣется, что страны сіи, еще мало извѣсныя въ Европѣ, внушили Музѣ Мура картины романтическія, оригинальныя и прелесныя; но швореніе, сдѣлавшее палантъ его болѣе извѣстнымъ, есть собраніе его *Ирландскихъ Пѣсень* (*irish melodies*). По скром-

носпи своей онъ съ большимъ трудомъ согласился оставишь эпиграфъ, выбранный имъ самимъ въ Гораціи.

Primus ego me illorum, quibus dederam
 esse poetis
 Excerptam numero; neque enim conclu-
 dere versus
 Dixeris esse satis . . . . .

И неемопря на новыя права, приобрѣ-
 шенныя Музою его на славу, приписыва-
 ешь онъ главную извѣстность свою “спи-
 хамъ, приспособленнымъ имъ къ сладо-
 стнымъ пѣснямъ музыки Ирландской.
 Стихи сіи, сами по себѣ, значащъ весь-
 ма мало; но подобно насѣкомымъ, со-
 хранившимся въ янтарѣ, получаютъ
 достоинство свое ошь того, съ чемъ
 соединены.,—Послѣ сего спротаго суж-
 денія Г. Мура о самомъ себѣ, приве-
 демъ мы то, что говорилъ о немъ Ше-
 риданъ: “Ни у кого не видно сполько
 сердце въ воображеніи, какъ у Томаса
 Мура. Душа его подобна огненному лу-
 чу, опдѣлившемуся ошь солнца и без-
 прѣспанно спремящемуся соединишься
 съ испочникомъ свѣща и шеплошы.,,
 “Слишкомъ долго пренебрегали мы

(писаль Г. Муръ о своемъ предпріятіи) единственнѣмъ даромъ, въ копоромъ сосѣди наши Англичане намъ не опказывають. До сихъ поръ еще музыка наша никемъ не была собрана. Часто музыканшы твердой земли обогащали Оперы и сонаты свои мелодіями, заимствованными у Ирландцевъ, и не признавались въ воровствѣ своемъ, а мы не умѣли цѣнить собственныхъ своихъ сокровищъ; такимъ образомъ пѣсни наши, подобно многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, не находя покровительства въ опечестивѣ, перешли въ службу къ иностранцамъ. Надѣюсь, что теперь достигли мы эпохи, счастливѣйшей для нашего политическаго состоянія и для нашей музыки; связь этихъ двухъ предметовъ между собою — по крайней мѣрѣ въ Ирландіи — доказываешся задумчивымъ и даже печальнымъ характеромъ большей части старинныхъ нашихъ пѣсень. Не легко придѣлать слова къ этимъ голосамъ. Поэшь, желающій слѣдовать за различными чувствами, копорые они выражають, долженъ имѣть быстрые переходы идей и не-

обыкновенное смѣшеніе мрачной задумчивости съ легкомысліемъ: таковъ нашъ характеръ и цвѣтъ нашей музыки. Въ самыхъ веселыхъ изъ нашихъ пѣсень всегда встрѣчается нѣсколько печальныхъ нотъ, копорыя на всю піэсу бросаютъ тѣнь задумчивости и самую радость дѣлаютъ привлекательною. Если бы Бурнсъ (Burns) родился Ирландцемъ, то онъ гордился бы подобною музыкою и геній его содѣлалъ бы ее бессмертною.,

Г. Муръ счастливо превозмогъ всѣ трудности своего предпріянія: спихи его перемѣняютъ тонъ и размѣръ, смотря по голосамъ, къ копорымъ они придѣланы: въ однихъ юная дѣва проситъ героя, идущаго умереть за спрану Эрина, никогда не забывая свою любезную; въ другихъ воины поютъ пѣснь въ честь Бриана — храбраго, или одного изъ *стобитвенныхъ* (aux cent combats) героевъ, прославившихъ Ирландію своими дѣлами. Романпическіе виды Графсва Вихловскаго, воды Авона и Овоки; суевѣріе народа вмѣстѣ храбраго и чувствительнаго, спрашнаго и благоче-

спиваго, получаюшь новую жизнь опъ шворческой Музы Мура; но всего чаще слышны у него голосъ мести народа уиѣсеннаго, или печальныя пѣсни побѣжденныхъ. Прияшный и нѣжный — какъ Капуллъ и Парни; философъ и вдохновенный славою — какъ Горацій и Беранжеръ; веселый — какъ пѣсенники нашего Парнасса, Муръ заснавляешъ иногда проливать слезы чувствительности, иногда возвышается до величія Оды; иногда же, вѣнчаясь плющемъ Бахуса, снова дѣлается соперникомъ Анакреона. Возьмемъ на удачу нѣскольно его пѣсень.

Далеко она.

1.

Далеко она опъ земли, гдѣ покоишся юный герой ея. Часно воздыхаюшь вокругъ ея обожашели; но она отворачивается и плачешъ . . . . . сердце ея давно уже въ гробѣ любезнаго.

2.

Она повшоряешъ воинскую пѣснь своего ошечешва: часто пѣвалъ ее шопъ, когд

она оплакиваетъ.... Ахъ! вы удивляетесь нѣжности ея голоса и не знаете, сколько сердце ея разтерзано!

3.

Герой жилъ для своей возлюбленной; умеръ за землю родимую: одни эпи узы дри-вязывали его къ свѣту. Не скоро осушающія слезы его опечесхва; скоро послѣдуемъ за нимъ во гробъ любезная.

4.

Ахъ! положите ее въ мѣстѣ, освѣщаемомъ послѣдними лучами заходящаго солнца, обѣщающими зарю блестящую. Они освѣтятъ могилу ея, какъ улыбка Запада, какъ улыбка драгаго острова, сполько ея любимаго.

Завѣщаніе *).

I.

Когда я буду покоишься тихимъ сномъ смерти, тогда опнесите сердце мое моей

---

*) Во всякомъ замкѣ бывали прежде одна, или двѣ арфы, предспавляемыя путешественникамъ; пѣ изъ нихъ, кошорые играли лучше, были и лучше другихъ принимаемы. *Прил. Сог.*

возлюбленной; скажите ей, что оно пипалось радостными улыбками и пѣнящимися винами; скажите ей, что бы не проликала ни одной слезы гореспш надъ сердцемъ, споль веселымъ и въпреннымъ; но что бы упромъ и вечеромъ орошала его алыми слезами винограда.

2.

Когда голосъ мой престанеть повшорять любимыя свои пѣсни, тогда отнесите арфу мою въ древній вашъ замокъ; повѣсьте ее на гостспрїимной двери, у кошорой осшазавливающя упомленные пупешешвенники; и если Бардъ возбудишь въ ней мимоходомъ знакомые звуки, по пусшь воспоминаніе прешняго ея хозяина заспавишь васъ ласково улыбнушья неизвѣстному любимцу Музь.

3.

Берегите, наполненный нынѣ, мой кубокъ; пускай ходишь онъ вокругъ споловь вашихъ; прочь опъ него ушпа, незнакомые съ цощуями любви; но если нѣжный любовникъ осушитъ его за здорье возлюбленной, тогда душа моя будеть вокругъ его носишья и усладитъ каждую пѣнящуюся каплю.

Полночь.

1.

Въ тихій часъ полночи, когда звѣзды выпускаюшь росу вечернюю, я прихожу въ уединенную долину, сполько любимую нами тогда, когда свѣтъ жизни блиспалъ еще въ глазахъ — твоихъ, и думаю, что если души могушь спускашься изъ селеній воздушныхъ и посѣщать мѣста, бывшія свидѣтелями ихъ удовольствій, то ты, вѣрно, придешь ко мнѣ сказать, что и въ небѣ не забыла еще любви своей.

2.

Потомъ начинаю я сладостную пѣсню, которую мы вмѣстѣ пѣвали. И если эхо долины повторяетъ унылые мои звуки, я думаю, моя любезная, что ты отвѣчаешь мнѣ тихо изъ горняго жилища душъ и вмѣстѣ со мною повторяетъ пѣсню, сполько побоею любимую.

Ахъ! престаньте порицать Барда.

1.

Ахъ! преспаньше порицать Барда за то, что онъ забывается подъ сѣнями, въ кото-

рыхъ любовь улыбаешся славъ. Не для того родился онъ; и въ дни счастливейше душа его горѣла бы пламенемъ чистѣйшимъ! Спруна, слабо навязанная на лирѣ, могла бы сгвагивать лукъ воинственнѣй и пускашь спрѣду пернашую. Успа, воздыхающія пѣсни сладострасія, выпускали бы грозные крики мщенія .

2.

Но, увы! чувство народной гордости уже не существуетъ! Погибло наше непобѣдимое мужество; сыны отечества проливають слезы на его развалинахъ; клятвопреступниками почитаютъ пѣхъ, кошорые еще его любяшь. Смершь скоро заградила бы уста, осмѣлившіяся защищать его. Унижены сыны Эрина! Требуешь опъ нихъ въ-роломства; награждаешь ихъ только тогда, когда они посрамляютъ своихъ предковъ. Свѣспильникъ, ведущій ихъ на пуши чесшей, долженъ бышь зажженъ огнемъ коспра, за кошоромъ опчизна ихъ погибаетъ.

3.

Ахъ! престаньте порицать Барда за то, что, предаваясь льстивымъ мечшамъ благополучія, спарается онъ позабышь зло, кошорое излѣчить не можешъ.

Дайте ему одинъ только лучъ надежды; пусть одинъ только разъ освѣпипть молнiя мракъ, окружающiй его опечесиво, и тогда вы увидите, пишаетъ ли онъ къ нему любовь сыновнюю! Мгновенно сложилъ бы онъ на жертвенникъ его всѣ свои спраспи, всѣ свои наслажденiя, и миртъ, вѣнчающiй ше- перь чело мое, украсилъ бы блестящiй мечъ мой, подобный мечу Гармодеюу.

4.

Но, хотя слава швоя уже не сущес- вуетъ, хотя надежды швои не исполнились, имя швое, земля Эрина, будетъ всегда жить въ пѣсняхъ Барда. Въ шѣ часы, когда сердце его упоеваетъ веселоспию—и въ шѣ часы не забываетъ онъ, нанесенныхъ шобѣ оскорбленiй.... Услышитъ чужеземець унылый швой голосъ. Вздохи арфы моей пронесутся по скачущимъ волнамъ моря, и самые шираны швои, зашягивая швои оковы, остано- вятся и прольютъ слезы.

Весьма жалѣемъ, что предѣлы спашьи сей не позволяють намъ сдѣ- лать еще нѣсколько выписокъ изъ дру- гихъ шворенiй Поэпа, который во всѣхъ своихъ произведенiяхъ опличаетъ у-

момъ, оригинальноспію и богатѣйшимъ воображеніемъ.

Перехваченныя письма, или *телоданъ легкой почты* (two penny post bag) изда ны уже шестнадцать разъ. *Свѣйство Фюджа въ Парижѣ*, написанное послѣ путешествія Автора во Францію, въ 1817 году, имѣло еще болѣе успѣха. Г. Фюджъ, шпіонъ, посланный Лордомъ Кастельригомъ, опдаетъ ему опчетъ въ своихъ замѣчаніяхъ, нарочно сдѣланныхъ смѣшными. Дочь его переписывается со своею приятельницею, и какъ въ 1817 году усачи были въ модѣ, шо Миссъ Фюджъ влюбляется въ одного молодого человѣка, который выдаетъ себя за Полковника и кошораго находить она послѣ въ лавкѣ съ аршиномъ въ рукахъ.

Г. Муру приписываютъ также адресъ Конгрессу опъ *Тома Крибба*. Эпощъ Томъ Криббъ — славный Лондонскій кулачный боець—совѣшуетъ владѣтелямъ рѣшашъ споры свои силою кулаковъ.

Но лучшее изъ швореній Томаса Мура есть безъ сомнѣнія *Лала Рухъ*. Одно это произведеніе могло бы поставишь его на ряду съ опшчными Поэтами:

Англии. Увѣряюшь, что книгопродавцы зашлапили за него Г. Муру 3000 гиней и не пошерпѣли убышка.

Не излишнимъ почитаемъ мы описатьъ праздникъ, данный ему 8 Юня 1818 года въ Дублинѣ. Знапнѣйшія особы въ Ирландіи почли за честь на немъ присушествовать, что бы доказашъ Поэту благодарность отечества, гордящагося подобнымъ сыномъ.

Учредителемъ празднества былъ Графъ Шарлемонъ (Charlemont); Г. Муръ сѣдѣлъ по правую его сторону, а почтенный отецъ Ирландскаго Барда по лѣвую. Выпивши за славу отечества и въ память Принцессы Шарлоты, Графъ Шарлемонъ вспалъ и предложилъ пишь за здоровье Поэта, сдѣлавшаго честь отечеству своимъ присушествомъ. Когда рукоплесканія, одобрившія сіе предложеніе, прекратились, то глубоко шронувшій Г. Муръ въ скромныхъ выраженіяхъ, изъявилъ радость сердца, чувствуемую имъ въ день, который называлъ онъ счастливейшимъ въ его жизни.

Послѣ сего шили въ память Куррана и одинъ геншлемень пропѣлъ пѣсню;

сочиненную имъ на сей случай. Содержаніе ея было избраніе Поэта на Олимпѣ. Кандидатами были Лордъ Байронъ, Скопшъ, Сушей и другіе; но большинство боговъ осталось на споронѣ Томаса Мура.

Эта игра ума доставила посѣщителямъ большое удовольствіе, и сочинитель награжденъ былъ громкими рукоплесканіями.

Потомъ Лордъ Шарлемонъ предложилъ выпить за здоровье живыхъ Поэтовъ Великобританіи. При семъ случаѣ Г. Муръ сказалъ посѣщителямъ:

“Милосивые Государи! несмотря на остроумную пѣсню, которую вы сей часъ слышали и на высокое мѣсто, назначенное мнѣ сочинителемъ, не могу я отказать себѣ въ удовольствіи обратиться ваше на *поэтическое созвѣздіе*, составляемое знаменитыми именами, которые мы хотимъ почтить и сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ сихъ *свѣтилъ* въ особенностяхъ.,

“Могу ли назвать *Байрона*, не возбудивши въ васъ воспоминанія всего, что вы чувствовали при чтеніи произведеній его гения; не напомнивъ вамъ объ его силѣ, объ

его пламенныхъ и спраспныхъ словахъ, объ его воображеніи, кошорое, любя блуждашь между развалинами сердца, подобно деревьямъ, распуцимъ на землѣ вулканической, предпочишаешь мѣсна, опуспошенныя пожирающимъ огнемъ спраспей?,,

“Нужно ли мнѣ хвалишь *Валтера Скотта*, Поэша волшебника, кошораго душа соединяетъ быспрое *прозѣбеніе* лѣша спранъ сѣверныхъ съ обильными жаштвами полудня; Поэша, кошораго произведенія слѣдующъ одни за другими, какъ плоды въ садахъ *Армиды*?,,

“Говорить ли намъ о *Рожерѣ*, драгоценномъ мнѣ и по дружбѣ и по своимъ паланшамъ—о *Рожерѣ*, кошорый неизгладимыми буквами начерпалъ имя свое во храмъ *Мнемозины*? Упоминаешь ли о *Сутевѣ*, шворцѣ *Родерика*—одной изъ благороднѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ Поэмъ, шписанныхъ на нашемъ языкѣ? Наименовашъ ли *Калибеля* (*Camrbell*), любезнаго и остроумнаго *Калибеля*, кошораго *Пѣснь Инисфаила* есть слеза *Музы Ирландской*, *кристаллизированная* и содѣланная безсмертною живошворнымъ его геніемъ? *Вурдсворда* (*Wordsworth*), Поэша даже въ мѣлочахъ, кошораго всеобъемлющій геній можно бы сравнить съ большею пучиною *Норвежскою*, увлекающею въ вихряхъ своихъ не шолько огромныя массы бездны, но и пѣну,

отбрасываемую волнами? *Крабба* (Crabbe), показавшаго намъ, до какой степени простирается гальваническая сила дарованія; придающая жизнь, душу и движеніе предметамъ, копорые, кажешся, къ тому не способны? Не прудно было бы мнѣ, М.м. Г.г., не переходя еще къ живымъ Поэтамъ нашего отечества, исчислишь множество именъ знаменитыхъ; но я спѣшу упомянуть о *Матюринѣ* (Mathurin) копорого драматическіе таланты освящены одобреніемъ *Скотта* и *Байрона* и *Шилья* (Shiel), извлекашаго слезы изъ прекраснѣйшихъ глазъ въ Великобританіи. Долго бы долженъ я остановиться на богатомъ воображеніи *Филипса* (Philips), получившаго отъ многихъ Музъ благосклонныя улыбки и на гибкомъ геніи *Лиди Морганъ*, копорая первая умѣла приспособить къ музыкѣ нашей стихи, достойные звуковъ ея, исполненныхъ силы и чувства. Но уже и безъ того я во зло употребилъ ваше вниманіе и почишаю себя счастливымъ потому, что вамъ угодно было съ терпѣніемъ выслушать свидѣтельство уваженія, пишаемаго къ живущимъ теперь Поэтамъ Англіи шемъ, копорый издали идетъ по слѣдамъ ихъ.,

Въ десять часовъ вышли посѣщители изъ залы, и до конца пиршества царствовало между ими удовольствіе; въ

продолженіи вечера Г. Муръ пѣлъ самъ нѣскольکو изъ своихъ пѣсень, слушанныхъ съ шемъ же восхищеніемъ, съ которымъ принимающся всѣ произведенія его Музы.

Съ Франц. Откинѣ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ: ХИТРЫЙ
ЖЕНИХЪ.

Явленіе I.

Крапивина за туалетомъ и Анята.

Крапивина.

Чшо эшо, Аннушка! да я умру съ печали:
Мнѣ эши локоны какъ будшо не приспали!

Анята.

Напрошивъ, хороши; нельзя имъ лучше бышь;
По модѣ — à l'enfant.

Крапивина.

Ты рада все хваляшь!

Однакожь, не шупя, я чшо-шо вся худѣю:
Кольцо не держишся на пальцѣ—ждашь бѣды!
И всемъ одолжена племяннику злодѣю!

Анюта.

Но милыхъ прелестней оспалися слѣды
На вашемъ личикѣ....

Крапивина.

О, ихъ не замѣчаютъ!
И чтожь? морщинами безбожно величаютъ!

Анюта.

Вѣдь зависть всякаго безбожно очернишь;
Но васъ, сударыня, увидя, замолчишь.

Крапивина.

Да такъ и должно бышь! Теперь я наряди-
лась,
И знаешь ли зачѣмъ, Анюта? — Я рѣшилась,
Презрѣвши зависти несправедливый судъ,
Вступишь въ супружество....

Анюта.

Возможноль?

Крапивина.

Ксташилъ шупъ
Твое *возможно ли?* Вошь дурочка прямая!
Да развѣ камень я? Возможноль? вошь ше-разъ!
Мнѣ, мнѣ опказывашь въ любви? смотри
какая!
Не ужь-шо я стара? Да развѣ ты безъ глазъ?
Найди морщинку мнѣ; гдѣ волосы сѣдые?

Анюта (въ сторону).

Свинцовой гребень ешь ....

Крапивина.

И зубы...

Анюта (въ сторону).

Всѣ вспавные!

Крапивина.

Да что ты, Аннушка, вздурилась? Нѣтъ, мой
свѣтъ —

Не разъ бывало мнѣ—и не одинъ поэтъ,
Подносишь мадригаль съ любовною ужимкой,
Тотъ носилу, бровямъ; пошь холмикамъ
подъ дымкой....

Анюта.

И подбородочку, красѣ прелестныхъ губъ;
Кто не полюбилъ васъ, кто будетъ столь-
ко глупъ?

И я, сударыня, ей, ей!—прошу прощенья,
Невольно нанесла вамъ столько огорченья.
Я лишь подумала: какъ можно, что бы ша,
Которой скромная любезность, красота
Толпу любовниковъ въ опчаянье вводила,
Которая со мной замужество бранила,
Вдругъ ша рѣшилася сама вступилъ въ
него!

Кривизна.

Не вдругъ, разумница! цѣль плана моего
 Давно обдуманна—я въ шайнѣ все хранила:
 Покойница сеспра, кончаясь, поручила
 Мнѣ сына своего—а я дала обѣщъ
 По смерти отказать ему свое имѣнье;
 Но Лесковъ самъ мое разрушилъ заблуж-
 денье.

Я такъ глупа была, что въ полномъ цѣпѣ
 лѣпѣ

Своимъ дѣвическимъ желаньямъ отказала—
 И для безумнаго любви пренебрегала!
 А онъ?—онъ пещушкѣ обязанъ былъ злодѣй,
 Оказывая свои услуги и почтение—
 Хотя прищворные—для чести же своей
 Я не раскаялась тогда бы въ снисхожденьѣ.

Анюта.

Да, такъ; племяннику умѣя должно жить,
 Чтѣбъ пещушки своей наслѣдство заслу-
 жить.

Кривизна.

Ты права! да и онъ съ разсудкомъ былъ
 сначала.

Я крошечки его примѣромъ поспавляла;
 Весь городъ зналъ его; онъ верхъ надъ всѣ-
 ми бралъ—

И ручки пещушки съ почтеньемъ цѣловалъ.
 Но возрастъ счастливый, когда мы разцвѣ-
 шаемъ

Для пламенной любви, для сладостныхъ у-
 шѣхъ—
 Прелестны безъ румянъ, бѣлили — вездѣ и
 всѣхъ
 Своею ангельской невинностью плѣняемъ;
 Тотъ возрастъ у мужчинъ — начало ихъ
 проказъ!
 Мой Лесковъ въпренный, послушный 'каждый
 часъ,
 Вдругъ началъ умничать — вздуриль — и
 слава Богу!
 Самъ къ счастью своему онъ зашворилъ
 дорогу.
 Теперь свободна я; обѣщъ разрушенъ мой—
 И сердце чистое найдешь себѣ покой,
 Въ объятіяхъ любви—какъ лучшую награду;
 Въ желаньяхъ я скромна: мнѣ дай одну
 опраду
 Увидѣшь милое, прелестное дитя —
 Тогда племяннику я буду мстить щущя.

Анюта.

И вы надѣшесь?

Крапивина.

Надѣшесь! вошь славно!

Фешинъ Карповъ безъ малаго спо лѣшъ—
 И па надѣшся сынкомъ украсишь свѣшъ;
 А мнѣ и Богъ велѣлъ; надѣшесь! . . . забавно!

Анюта.

Но что за радости съ супружескимъ яр-
момъ?

Крапивина.

О, будущъ радости, лишъ выбери съ умомъ!

Анюта.

Знашь ешь, сударыня, счастливецъ на при-
мѣшь?

Крапивина.

Я-мысль прекрасную держу давно въ секретѣ;
Едвадь подобная кому на умъ придетъ —
Она въ душѣ моей надежды пробудила
И эшошь самой день къ концу ее ведешь;
По формѣ я во всѣхъ газетахъ объявила:
“Одна красавица, вступишь желая въ бракъ,
“Къ себѣ охотниковъ женишься приглаша-
ешь;
“Но что бы суженой, дѣвица замѣчаетъ,
“Не слишкомъ былъ уменъ, и не совсемъ
дуракъ.
“Она въ порѣ любви, съ достапочнымъ
имѣнемъ;
“Собой не велика, не карлица — и спрахъ
“Какъ очарована своимъ уединенемъ.
“Кшо любишь тишину и не въ однѣхъ меч-
тахъ

“ Привыкъ блаженствовашь, ища любовь зем-
ную,

“ Пущь явился въ Четвергъ поупру на
Сѣнную.

“ Спросишь Крапивину; покажущь желшой
домъ:

“ Звонишь — и барышня, съ дѣвическимъ
спыдомъ,

“ Вручишь доспойному имѣніе и руку.,,

Анюта.

Зачто же Лешову шерпѣшь шакую муку?
И заслужилъ ли онъ . . . . .

Крапивина.

О, вѣтренный нахаль!

Мнѣ вздумалъ яму рышь — да самъ въ нее
упалъ!

Я все съ неслыханнымъ шерпѣніемъ сно-
сила;

Теперь — всему конецъ! — надѣялась, просила;

Онъ все пошарому . . . . . какъ хочешь! — я
молчу!

И знашь бездѣльника до смерти не хочу.

Въ умѣль онъ, Аннушка? — не знаешь дня
рождения

Любезной шепушки! — Нѣшь, вечеръ Воскре-
сенья

Изъ памяти моей не выдешь никогда!

Ну, что бы, кажется, какая шутъ бѣда? —
 Поздравись, напишашъ спишки — какъ буд-
 по мало

Въ роскошной Греціи ужъ и богинь-шо спало!
 Ну, пусть запомнилъ бы, по слабости ума,
 День очень памятный — да нѣшъ, вѣдь я
 сама,

Неблагодарному и свящцы подарила.

Хоть извинился бы — ябъ шолько побра-
 нила.

Анюта.

Чтобъ эшошъ страшный гнѣвъ бѣды не
 сдѣлалъ вамъ!

Всегдашъ супружесшво бываешъ мило намъ?

Крапивина.

Да развѣ я дичья?

Анюта.

О, нѣшъ!

Крапивина.

Избави Боже,

Чтобъ я задумала въ одной жеманнвй рождъ,
 Кошорая всегда шанцуешъ и свиспишъ

Искашъ своей судьбы — нѣшъ сердце не
 лежишъ

Къ распушнымъ модникамъ — ихъ сѣши не
 опасны!

Везспыдошвомъ ли однимъ мужчины все
прекрасны?
Ты будешь мой шпионъ — и если кто при-
дешь —
Анюша къ алшарю невѣсту поведешь.

(Уходитъ.)

Явленіе 2.

Анюта одна.

Какъ рано вздумала о мужѣ! Мысль благая!
Да почемужь не такъ? — Свобода золотая
Наскучишь всякому — припомъ волшебный
звонъ
Любезныхъ денежекъ — ошь всякаго поклонъ,
Любовь, признашельность и честь приобрѣ-
щаешь,
И въ скарденыхъ спарухъ влюбляешь за-
спавляешь,
Какъ развращились все! Какіе все умы!
По волѣ влюбляешь, разлюбяшь — и не къ
диву,
Чтобъ, шолько по свѣшу шаскашь безъ
сумы,
Все вмѣсто розы рвушь колючую крапиву!
Лишь дай приданое — а тамъ прощай жена!
Сиди себѣ съ дѣшми насѣдкою одна.
Изъ рукъ повалишься ошь скуки рукодѣлье!

А добрый муженекъ найдешь себѣ веселье.
 Богатство, дѣвушки! не слишкомъ добрый
 даръ,
 Когда имѣшь хошимъ достойнаго супруга—
 Есть деньги—и опъ всѣхъ гошова намъ у-
 слуга;
 Но кто поручится, что эпошь спрашннй
 жаръ
 Не опъ приданаго шакъ сильно распалился?
 Вошь еслибы на мнѣ богачъ какой женился,
 Я поручилася за чувства бы его.—

Съ Нѣмец, Ба — фб.

~~~~~

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ: КАСТРІОТЪ, ПРО- ЗВАННЫЙ СКАНДЕРБЕГОМЪ.

Въ 9 и 10 № Сѣвернаго Архива на сей
 годъ помѣщена спашья подъ названіемъ: *Ка-
 стріотъ, прозанный Скандербегомъ*, соч. Гна
 50 и 20.

Не принимая на себя обязанности по-
 вѣрять съ Историками и не входя въ раз-
 смотръніе досповѣрности сего повѣствован-
 нія, въ кошоромъ Авшоръ не показываешь
 источникъ, изъ коихъ онъ заимствоваль
 евиденія о жизни Скандербега, и особенно

завѣщанія сего Героя, я намѣренъ только предсавишь нѣкопоря замѣчанія о сей пісѣ со стороны слога. Скажущъ мнѣ, что въ повѣствованіяхъ историческихъ слогъ занимаешь послѣднее мѣсто. Но шемъ болѣе, кажется; должно желать, чтобы историческія сочиненія были писаны языкомъ приличнымъ, чтобы между вишневашности и сухости, между напыщенности и простоты Писатель нашелъ средину, избѣгая крайностей. Нельзя не сожалѣть, если сочиненіе оригинальное, показывающее хорошія способности Автора, обнаруживаетъ стремленіе къ выраженіямъ выисканнымъ и мнимой силѣ словъ, а это именно и ослабляетъ сочиненіе Гна 50 и 20, и къ большому вреду еще можетъ произвести подражателей, которые безъ разбора увлекаясь заманчивымъ наборомъ пышныхъ словъ, любятъ громкія выраженія, особенно у писателей, снискавшихъ себѣ имя въ ученомъ свѣтѣ и неумышленно оскорбляющъ славу ихъ, копируя ихъ недоспашки, не удерживая красоту и пышности неудачныхъ опытовъ дѣлая подрывъ вкусу языку и Словесности.

Должно отдать справедливость, что въ повѣствованіи жизни Скандербега встрѣчающа мѣста прекрасныя, мысли возвышенныя, чувства благородныя, описанія живыя; но шемъ виднѣе множесто недоспаш-

ковъ, коихъ нельзя не замѣшпшь въ сей пѣсѣ. Сии недоспашки происходятъ опъ излишней сжаспости въ слогѣ, обремененномъ мешафорами, копорья болѣе замѣвають смыслъ, нежели объясняютъ его — болѣе упоминаютъ, нежели нравятся.

Очень примѣшно, что Авшоръ особенно любитъ сильныя слова: все у него *пылаетъ, дымится, ршштся, громитъ, подавляетъ!*— «Магомешъ *пылалъ* яросшю — Морей *пылала* — Греція *дымилась въ развалинахъ* — вельль *громитъ* Албаню — Албаня *разгеролена* — бѣдспвія, грозаяція *подавить* Албаню, гошовы *обрушиться* на спрану вашу. — *молу обрушуть* горы на главы Албанцевъ — Врагъ занявъ средину дѣйспвій, могъ *задавить* каждый опдѣлъ *всею тягостью* своего могущества!»,

Авшоръ не любитъ посредспвеннаго; все у него несравненно. Описываетъ ли Каспріюша, онъ говоритъ: *никто* изъ подвласпныхъ шпрану не имѣлъ *столько* похвальныхъ качеспвъ, какъ Каспріюшъ — *никого* изъ подвласпныхъ не любилъ шпранъ съ *такою* горячноспю какъ Каспріюша — Описываетъ ли сраженіе, шо говоритъ: «*никогда* солнце не освѣщало *столь* упорной сѣчи.» — Описываетъ ли осаду: «*никогда* осада *столь* не была упорна и кровопролитна, *никогда* нападеніе Турокъ не было *столь* яр-

стно и спремительно, никогда и мужество Албанцевъ. не было столь блистательно.,, (спр. 248.)

Нѣкопоря слова пользуются особеннымъ преимуществвомъ въ сей піэсѣ, напри- мѣръ: *непреборимо*. — “*Непреборимое* мужество Христіанъ долго спорило о побѣдѣ (248)—Кроя была *непреборима* (247)—Каспріопъ имѣлъ *непреборимую* крѣпость шѣла (162) — мужество *непреборимое!* (252)

И сего-шо *непреборимаго* Каспріопа Авпоръ называетъ: *Царелѣ* едва видимой на *земнолѣ шарѣ* точки (164). Эпо уменьшительное, даже и въ отношеніи къ глобусу, *мало!*

Вспрѣчающія несообразности въ положеніяхъ напр.“ всѣ силы его царства гонимались *обрушиться* и *поработить* Ипалію.,, *Что обрушивается*, шому несвойственно *поработать*; ибо первое выраженіе относится къ вещественному, а другое къ ошвлеченному дѣйствію. — “Миръ, необходимый для *отдохновенія* *разгромленной* Албаніи.,, — Еслибъ было: *истощенной*, шо слово: *отдохновение* было бы прилично; но можетъ ли *отдохнуть* шо, *что разгромлено?* — “Поражая *внезапностію* и *метелѣ* (246). Здѣсь опять соединено вещественное и ошвлеченное, что также не можетъ быть шерпимо, какъ ска- зашь: я люблю *добродѣтель* и *виноградѣ*. — “Обратише *взоры* на *окрестность* *земли*

родной что предсказываетъ она? — Опустошеніе полей, сель... ужасъ, написанный на лицахъ вашихъ (165)., — Непонятно, какимъ образомъ окрестности кому либо могутъ представлять ужасъ, начертанный на его лицахъ? — “Мы родились въ колыбели народной., — Колыбель иногда можно иносказательно употребить вмѣсто натала; но родиться въ колыбели споль же ново, какъ умереть въ гробу *). — “Малочисленная дружина его можетъ родить солнѣніе., — Родить — слишкомъ физическое слово для дружины и солнѣнія.

Замѣчательно, что Авшоръ говоритъ о Албанцахъ: “грозное ура ихъ попрясло основаніе горб Албанскихъ. — Скандербегъ въ пастушеской одеждѣ пошелъ пѣшколѣ на поклоненіе Св. Опцу (247)., — Можно повѣришь, что Скандербегъ пошелъ (пѣшколѣ) въ одеждѣ просшаго-спранника; но едва ли вѣроятно, чтобъ онъ нарядился пастушколѣ для свиданія съ Папой.

Есть обороты, несвойственные Русскому языку, напримѣръ: “Папа прислалъ шишло двойнаго Царя — мнѣ нѣтъ примирения — собою познаете сладость подобнаго положенія, — и проч.

*) Бывали однако случаи, что люди (заживо погребенные) умирали въ гробу, а въ колыбели никто изъ людей еще не родился. Изд.

Слогъ хопя опривиспъ, но вообще неровень, болѣе піишической, нежели прозаической, и, можно, сказать представляешъ *слабѣннѣю Поэзію*. Въ иномъ мѣспѣ онъ подходитъ къ *Балладическому*, напр: “могильное *могланіе* господствовало въ рядахъ Албанцевъ (178).”, — Въ иномъ къ *Трагическому*: “малодушные на *пеплѣ жилищъ питаются горестію* — новыя тысячы *сб новылб остервненіемлб заступаютлб лѣсто падшихлб.*”, — Къ *Сатирическому*, напр: “Музульмане спремьяшя къ оружію и находяшъ смерть; они бѣгуть и смерть имъ *вспрѣчаешя*. 30.000 *осталось наслаждаться вѣгнымлб спокойствіемлб.*”, — Нельзя лучше пошупишь ксшаши. “Осажденный *Дураццо* смѣялся надъ его *усиліемъ.*”, — Признаюсь, что *слабѣющія крѣпости* не очень мнѣ нравящяся. Въ другомъ мѣспѣ онъ подходитъ къ *Оссіану*, напримѣръ: “воинство *исчезло, какъ исчезаеѣтлб снѣгб отлб лучей весенняго солнца.*”, — А иногда подражаешъ тону нашихъ *Анакреонтиковб, баловней Феба и Природы*, и пр. напримѣръ: “Въ *неисповспвѣ* своемъ Магомешъ кляся не наслаждашя *спокойспвіемъ*, не *пить таши сладострастія.*”, — Правильнѣе сказать: *изб тащ.* Впрочемъ, приличнѣе выразишя: *пить изб таши сладострастія*, говоря о *Тибуллѣ*, нежели о *Магомешѣ*.

Словомъ сказать, *неумѣшная пыш-*

ность и надушность составляющъ главный недостатокъ сей пьесы, которая могла бытъ гораздо лучше, еслибъ Авторъ менѣе шрапиль словъ отборныхъ, менѣе искалъ выражений громкихъ, и не давалъ волю пылкости воображенія, не соразмѣряя съ приличіемъ, несоблюденіе котораго часто приводитъ

Лапландскіе жары и Африкански снѣги.

Д. В. р. с. т — вб.

Анекдоты.

Содержатель вольнаго, Спразбургскаго Театра А. во время представленія новаго Балета: *Судб на Парнасѣ*, приходилъ за кулисы; девять прекрасныхъ панцовщицъ, переодѣшья Музами, бросились ему въ глаза. “Эшо что за дѣвушки?”, спросилъ онъ у Балетмейстера. — Девять Музъ, отвѣчалъ послѣдній. — “Да не уже ли они всѣ шущъ?”, — Ихъ столько было на Парнасѣ, продолжалъ Балетмейстеръ. — “Эхъ брашець! вѣдь ты знаешь, что сегодня будешь Королевская Фамилія въ шастрѣ; шакъ шшукъ пять, шесць можно бы и прибавить!,,

Одинъ драматическій писатель просилъ у своего друга совѣта: какимъ образомъ войти въ довѣріе Публики и избѣгнуть грознаго шиканья при представленіи его піесъ? “Что тебѣ споить одинъ только годъ не пишешь, ошвѣчалъ ему другъ, ты увидишь, что о тебѣ, и о прежнихъ піесахъ твоихъ совсемъ забудушь,,,”

*

Извѣстный въ Вѣнѣ арписпъ М предлагалъ одному антрепренѣру театра Оперу съ новою музыкою своего сочиненія и требовалъ за оную сбора вшоричнаго представленія. — “Вы шупишѣ, ошвѣчалъ антрепренѣръ, да знаете ли, что я за семдесять пять франковъ, могу купить любую *петитную* партію Россини.!!”

Ан. М — вѣ.

~~~~~

Книжныя Извѣстія.

Литтературныя прибавленія, издаваемыя на нынѣшній годъ при Сынѣ Отечества, успѣли уже заслужить благоволеніе Публики изящностію своего содержанія и въ особенностіи превосходными повѣстями, въ нихъ помѣщаемыми. Изъ сихъ послѣднихъ, до нынѣ напечатанныхъ, преимущественно отличаются своимъ разнообразіемъ и занима-

пѣльностію: Подарокъ на новыи годѣ, Обручальное кольцо, Лотерея, Кранзакскій постоянный дворѣ, Ветерѣ передѣ свадьбою, Милость и правосудіе, и Дѣвица Скудери *). Увѣдомляя, согласно съ желаніемъ Издашелей оныхъ, чишапелей нашихъ, что подписана на Прибавленія къ С. О. продолжается прежнимъ порядкомъ **), мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ оныя всѣмъ любителямъ приятнаго и полезнаго чтенія.—

Девяшый томъ *Исторіи Государства Россійскаго*, сочиненный Г. Карамзинымъ и переведенный подѣ надзоромъ почтеннаго Сочинителя, О. М. Соловьица, Дѣйствительнымъ Членомъ обоихъ С. Петербургскихъ Обществъ любителей Россійской Словесности, и Августомъ Сен-Тома, Членомъ разныхъ Ученыхъ Обществъ, нынѣ окончанъ и скоро будетъ напечатанъ. Сей томъ содержитъ жизнь Іоанна Грознаго, отъ кончины

---

*) Сія послѣдняя повѣсть оппечатана и особо. Получать оную можно по 2 р. 50 к., а съ пересылкою по 3 р. въ книжныхъ магазинахъ братьевъ Сениныхъ и Плавильщикова, также на кварширѣ Издашеля *Благонамбренаго*. Инородные благоволятъ адресоваться къ сему послѣднему.

**) Цѣна здѣсь въ С. П. Б. 17 р. 50 к., съ пересылкою 20 р. Для шѣхъ, кто подписывается на оныя вмѣстѣ съ *Сынми Отчества*, дѣляется уступки по 5 р. съ экземпляра.

Царицы Анастасіи до кончины самаго Царя. — Тѣ, кои читали сію книгу въ подлинникѣ, не имѣють нужды перечитывать здѣсь оглавленія всего, что въ ней находится любопытнаго; особамъ же, немогшимъ читать ея на Россійскомъ языкѣ, совѣруемъ прочесть родъ изложенія оной, помѣщеннаго въ 38 № С.Петербургскаго журнала: *Le Conservateur Impartial* на нынѣшній годъ. Дорочно скажемъ, что сей послѣдній помянутый ошличается въ переводѣ пою же ясностію и красою слога, копорымъ ошдали справедливостъ всѣ Французскіе журналы, говоря о предшествовавшихъ помахъ. Онъ, составившъ, съ примѣчаніями, болѣе 500 страницъ, будетъ ошпечатанъ въ Парижѣ на такой же бумагѣ, какъ и первыя 8 помовъ, и выдетъ будущю осенью. Подписная цѣна 10 руб. на бѣлой бумагѣ, и 20 р. на веленовой.

Подписка принимается у Г. *Августа Сен-Тома*, въ Галерной Улицѣ, въ домѣ Графа Лавалля; у *Ореста Михайловича Солова*, въ большой Милліонной подлѣ Главной Аптеки, въ домѣ Е. С. Князя Щербатова; у Сен-Флорана и компани Придворныхъ Книгопродавцевъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ купца Глазунова; у Книгопродавца Брифа въ большой Морской.

Особы, имѣющія жительство внутри Россіи, могутъ также присылать свои пре-

бованія въ Высочайше утвержденное Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, на Вознесенской улицѣ, въ домѣ Войвода, и къ *А. Е. Измайлову*, Издашелю *Благонамѣреннаго*, на Пескахъ, прошивъ Вассейна въ домѣ Моденова, подъ № 283.

Благотворенія.

Издатель *Благонамѣреннаго* получилъ отъ двухъ благошворительныхъ особъ для раздачи бѣднымъ (на поминаненіе милой дочери и добродѣтельной супруги) по его распоряженію:

3 Юля	10 р.
14—	35—

Итого сорокъ пять рублей 45 р.

Изъ сихъ денегъ роздано:

Пресварѣлому и почти лишенному зрѣнія

Тип. Сов. П. . . съ шестью дѣтьми

(см. № XXVII, стр. 39) . . . . . 10 р.

Вдовамъ:

<i>Каменской</i> (VI, 245)	10—
<i>Кузовлевой</i> (XVIII, 200)	10—
<i>Камешковой</i> (1820, XI, 377)	5—

Гринландъ (XIII, 524)	5—
Бѣдной и больной дѣвицѣ Сидневой (XXV, 480)	5—

Итого сорокъ пять рублей 45 р.

~~~~~

Шарада.

Коль къ *перволу*, чипашель, приспращишься,
 То въ скоромъ времени въ конецъ ты разо-
 ришься;
Послѣднилѣ назовушь, всѣ будущъ презирашь—
 Напрасно къ *цѣлому* ты будешь прибѣгашь.

Мих. Назаровъ.

~~~~~

Шадара, помѣщенная въ XXVII No зна-
 чишь: *Кар-тузъ.*

~~~~~

Желающіе получають Журналь: *Благона-*
мбранный особо за послѣднюю половину ны-
 нѣшняго года, ш. е. съ Іюля мѣсяца, или
 XXVII No, благоволяшь подписываешь забла-
 говременно. Цѣна за полгода, или за 26 кни-
 жекъ, здѣсь въ С. П. бургѣ 15 р., а за весь
 годъ (52 No) 30 р. За пересылку въ другіе
 города и за доставленіе на домъ прилагаеш-
 ся въ годъ по 7 р. а за полгода 3 р. 50 к.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° XXIX.

УМИРАЮЩІЙ ОТЕЦЪ СЪМЕЙСТВА.

(Подражаніе Польскому.)

Безцѣнный другъ! въ послѣдній разъ
Тебя я къ сердцу прижимаю,
Ударилъ грозный смерти часъ—
И я въ храмъ вѣчности вступаю.

*

Съ разсвѣтомъ упренней порой
Для всѣхъ взойдешь небесъ свѣшило;
А я оставлю кругъ родной
И все, что радостью мнѣ льстило!

*

Моихъ останковъ хладный прахъ
Сокроешь въ земной ушробѣ;
Любовь и Дружество въ слезахъ
Прольешь сердечну скорбь на гробѣ.

*

Ничто меня не призоветъ
Прошекшей жизни къ наслажденью;
Мой міръ со мною опцвѣшешь;
Но духъ мой перейдешь къ неплѣнью.

*

Молишесь обо мнѣ, друзья!
 Молись и ты, мой Ангелъ милой!
 Мольбою вашей жизнь моя
 Украсится и за могилой.

*

Тамъ ешь всеобщій нашъ Опець
 И мирная для душъ обитель,
 Гдѣ ошдыхаетъ наконецъ
 Разсвавшийся съ землею жишель,

*

Когда законъ небесъ хранилъ,
 Чуждался пагубной гордыни,
 Любилъ добро, добру училъ,
 Былъ вѣренъ Вѣрѣ и Святыни.

*

Хладью!...меркнешъ свѣтъ въ очахъ!....
 Унылый вопль супруги спраспной...
 О милы дѣши! что въ слезахъ?...
 На помощь машери несчастной!

*

Другъ сердца, другъ души моей!
 Не убивай себя слезами,
 Будь ушѣщеніемъ дѣшей.
 И не оставь ихъ сиропами.

*

Тобой я въ жизни былъ блаженъ
 И былъ при бѣдноти богатымъ;
 Теперь мой пупъ уже свершенъ —
 Дѣшей будь Ангеломъ вожатымъ.

*

Пусть по слѣдамъ швоимъ шекуть—
И жизнь ихъ будешь наслажденье:
Они въ ней счастье обрѣшуть
И Божіе благословенье.

*

Друзья! проспише—я гошовъ
Въ пушь новый къ сладкому покою.
Гдѣ вѣчна Благосшь и Любовь,
Вы шамъ увидишесь со мною.

Казань.

Ө. Ры—скій.

~~~~~

Н Ъ Т Ъ Е Г О .

КЪ Н. А. Ф. на контину ея супруга.

Все пусто—нѣшь его со мною!
Лишилась счастья своего,
И сердце мнѣ швердишь съ шоскою:
Ахъ, *нѣтъ* его! ахъ, *нѣтъ* его!

*

Несносна жизнь: его не вижу,
Не вижу друга моего!
Себя я даже ненавижу
Съ шѣхъ доръ, какъ *нѣтъ* со мной *его*!

*

Блиспаль и взоръ мой оживленный
Всечасно, глядя на него;

Теперь, разлукой помраченный,
Повсюду ищешь—*Нѣтъ его!*

*

Когда малюшка подбѣгаетъ,
Терзаешь душу безъ него!
Зачемъ она не понимаешь,
Что *нѣтъ его?* что *нѣтъ его?*

*

Любилабъ ею занимаешься,
Когдабъ мы были вкругъ него;
Теперь могуль я ушѣшашься?
Она со мной, но *нѣтъ его!*

*

Не знала ты, младенецъ милый,
Ощца и друга швоего!
И, чемъ начнешь швой вѣкъ унылый?
Учись швердишь: ахъ, *нѣтъ его!*

*

Люби меня и будь наградой
За то, что лишена всего;
Другъ другу будемъ мы ошрадой,
Тогда какъ съ нами *нѣтъ его!*

*

Гдѣжь ты, кошорымъ я дышала,
Кшо въ мѣрѣ былъ милѣй всего?
Недолго счастье вкушала:
Ужъ *нѣтъ его!* Ужъ *нѣтъ его!*

*

Мой спонъ напрасно раздаётся,
 Не долепипъ онъ до него;
 Изъ глазъ слеза невольню лъещя,
 Но *нѣтъ его!* но *нѣтъ его!*

*

Не будешь больше ты, другъ милый,
 Въ кругу сѣмейшва швоего,
 И не прешанеть глазъ унылой
 Твердишь: навѣкъ ужъ *нѣтъ его!*

Марья Дарголыжская.

~~~~~

МОГИЛА М.

Чей холмъ одинокій подъ ивой гуспою
 Таишя въ долинь, какъ сирый пришлецъ?
 Здѣсь въ шихой могилѣ, заросшей шравою,
 Спишь юный Пѣвецъ!

*

Унылая арфа, подъ крепомъ печали,
 Забвенна—на холмѣ лежиць гробовомъ...
 И сшруны, чшо чувшвомъ безмершья ды-
 шали,
 Замолкли съ Пѣвцомъ!

*

Давно ли, въ злапые часы наслажденья,
 Здѣсь нѣжной игрою онъ шрогалъ сердца?

Давно ли плашили мы дань удивленья
Таланшу Пѣвца?....

*

Но ищешь ли геній хваленія міра!
Награда безсмертныхъ ешь горній вѣнецъ.
Не съсуйше, други!—въ селеньяхъ эфира
Возстанешь Пѣвецъ!

Илецкая Защита 1822.

Крюковъ.

~~~~~

КРИТИКА .

РАЗБОРЪ ИДИЛЛИИ: РЫБАКИ *) .

(Продолженіе.)

Вторая часть Идилліи начинается опи-
саніемъ вечера и насупившей попомъ ясной

*) Извиняюсь передъ читателями, что
окончаніе Разбора сего выходитъ шакъ позд-
но . Причиною тому разныя отвѣченія по
должности и, особенно, прехнедѣльная оц-
лучка моя . Впрочемъ Разборами подобныхъ
Сочиненій лучше заниматься въ досужное
время, не шоропясь, нежели пишешь ихъ на-
скоро. *Сог.*

лѣшней ночи. Спаршій рыбаць приготоуовивъ ужинъ, дожидаетсѣ своего поварища; время проходитъ уже за полночь — его еще нѣшь; спарикъ безпокоишсѣ, хочешъ ужинашь одинъ, какъ вдругъ съ разсвѣномъ уже приѣзжаетъ молодой рыбаць. Спарый укоряешъ его, разспрашиваетъ гдѣ онъ былъ—и слышитъ въ отвѣтъ:

Другъ милой, другъ милой! Вѣдь ласпочка намъ не солгала.
Иль сердцемъ не чулъ ды, что я привезу тебѣ радость?

Любопышство его увеличивается: спрашивая, удаченъ ли былъ ловъ, примѣчаетъ онъ на лодкѣ неводъ, хочешъ знаешъ откуда взялъ его молодой рыбаць—и юноша восхищенный удачею своею, показывая привезенную имъ дороую свирѣль, отвѣчаетъ:

Объ неводѣ послѣ, любезной!
А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуисѣ.

Видя же сомнѣнне спарика, объявляетъ съ восторгомъ:

Не присвою чужаго.
И эта свирѣль, мой любезной *), и неводъ на чолнѣ мой! —

*) Здѣсь меня оспанауливаютъ не правописание, согласно съ кошорымъ должно, ка-

Радость и непергѣніе стараго рыбака умножаются; разговоръ спановишся живѣе; и молодой, наконецъ, объясняетъ, что неводъ и дорогую пальмовую свирѣль подарилъ ему пошъ самый *Боляринъ*, о коцоромъ упоминается въ первой части *Идилліи*. Разсказываетъ, какъ свечера началъ свой ловъ, какъ очутился непримѣнно прошивъ мызы Болярской, услышалъ памъ пѣсни и звуки, спалъ подыгрывашъ шихо на свирѣли своей—и позванъ былъ въ перемъ. Какъ всцупилъ онъ въ свѣшлые хоромы, какъ Боляринъ принялъ его ласково, заспавилъ сыграшъ сельскую пѣсню и, довольный искусствомъ его, наградилъ свирѣлью и неводомъ, приказавъ еще продавашъ лучшую рыбу изъ ловли для щола своего. Спарикъ, восхищенный споль неожиданымъ счастьемъ, возкликаетъ:

Какъ сказку я слышу! правдиво предвѣстіе пшицы!

жешся, пишашъ: милый, любезный, — но шю, что ласковые сіи слова нахожу я неприличными въ успахъ юноши, говорящаго къ спарцу. Правда, что у просшюлюдиновъ нашихъ эши прилагашельные очень упошребисельны, однако — если не ошибаюсь — въ разговорахъ шолько съ равными себѣ по лѣшамъ, или въ успахъ спариковъ, обыкновенно уважаемыхъ молодыми. *Сот.*

Но молодой рыбакъ, исполненный живѣйшей радости, что получилъ такую награду, а болѣе, что *слугай сей оправдалъ страсть его къ свирѣли*, говоришь:

Не пищцы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово;
 Онъ, *дѣдѣ мой*, *) говаривалъ, что въ кого Богъ посе-
 ляешь,
 То вѣрно не къ худу. —

Старикъ совѣшуетъ ему беречь эту пальмовую свирѣль и передашь ее въ наслѣдство внукамъ. Симъ Идиллія оканчивается. Разсмотримъ стихосложеніе, или *версификацію* **) сей части. Должно сказать, что она вообще превосходитъ первую; примѣтно, что Авторъ охотнѣе прудился въ опредѣлкѣ ея и имѣеть особенный даръ изображать природу. Вотъ начало:

Уже надъ Невою сіяетъ безнойное солнце;
 Уже вечерѣетъ; а рыбаля нѣтъ молодого.
 Вотъ солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ:
 Съ пылающимъ небомъ, сліясь, загорѣлося море,
 И пурпуръ и золото залило рощи и дома.
 Шпиць пверди Пешровой, возвышенный, вспыхнулъ
 надъ градомъ,
 Какъ огненный шполъ, на лазури небесной играя.

*) Поясненіе, кажется, лишнее. *Сот.*

**) Если это не одно и тоже. *Сот.*

Прекрасные, гармоническіе списхи. Восхищительная картина! Послѣдніе два мыслію и выраженіями своими сколько новы, сполько и превосходны. Они доспойны того, чшобъ каждое слово ихъ разобрать особенно.

Шпигъ шверди *Петровой* *)

Сочинишель не хощѣлъ указашъ намъ просто на *вершины башень*, озаренныя лучами заходящаго солнца, но обратилъ взоръ нашъ на предметъ любопытнѣйшій, наиболѣе извѣстный жипелямъ С. Пешербурга и, припомъ, священный для сердца всякаго Россіянина. Сей-по злапой вершины сіяніемъ, сливающимся въ воображеніи чипапеля съ лучами славы того, надъ прахомъ чымъ она возвышается, Поэшь-жигеписецъ вѣнчалъ свою картину: хвала и чесъ вкусу его!

возвышенный, вспыхнулъ надъ градомъ —

Какъ прилично, удачно здѣсь прилагательное: *возвышенный*; съ эшимъ словомъ и воображеніе чипапеля возвышается. Глаголь: *вспыхнулъ*, употреблень чрезвычайно счастливо: въ самомъ дѣлѣ, вечеромъ, когда солнце спускаясь къ горизонту, не можетъ

*) Разумѣется *Потропавловской церкви*. Сот.

уже возвести взоровъ своихъ на верьхи зданій, въ ту минушу, когда послѣдніе лучи его, такъ сказашъ, ниспадутъ съ кровлей и шѣни повсюду проспрутся, позлащенные вершины башень, однѣ озаряемыя солнцемъ, вдругъ какъ будшо *вспыхнутъ*: ибо сіявшія прежде, вмѣстѣ съ другими предметами, не казались онѣ споль яркими. Можешъ бышъ, нѣкопорые скажутъ, что здѣсь, при словѣ: *вспыхнулъ*, дѣйствительно можно приняшъ, что башня загорѣлась отъ огня; но предыдущій спихъ:

Вотъ солнце зашло—загорѣлся безоблачный западъ.

служитъ опроверженіемъ сему и ясно показываетъ мысль Авшора.

Какъ *огненный столбъ* —

Сіе сравненіе, весьма вѣрное, близкое къ нашурѣ, вполне довершаетъ картину.

На лазури небесной играя.

Эти послѣднія черпты, эти оживляющія опшѣнки, показываютъ искусство Авшора въ выборѣ словъ. Скажемъ на примѣръ:

Отражаясь на сводѣ небесномъ.

Мысль будешъ шаже, но шо же ли произведешъ она впечатлѣніе?

Далѣе :

Угасъ онъ; но пурпуръ не гаснешъ на западномъ небѣ;
 Вошь ночь; но не меркнушь златиспныя полосы облакъ.
 Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряешся дальность;
 На взморьѣ далекомъ сребриспныя видны вѣприла
 Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
 Сіньемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяешъ
 И пурпуръ закаша сливаешся съ злашомъ востока;
 Какъ будшо денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
 Румяное утро.—Была шо година злашая,
 Какъ лѣпніе дни похищають владычештво ночи.

Какая вѣрность и полноша въ описаніи изящной природы! Я совершенно согласенъ съ Г. Плешневымъ, (*Соревноват. просвѣщ. и благод. книжка IV*) что воображеніе чипашеля ничемъ не можетъ пополнить сію каршину. Прочисавъ описаніе сіе нѣсколько разъ, съ самага начала, вникнувъ какъ должно въ каждое слово и выраженіе, замѣшя гармонію и самое звукоподражаніе въ стихахъ, напри-
 мѣрь :

Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряешся дальность;
 На взморьѣ далекомъ сребриспныя видны вѣприла
 Чуть видныхъ судовъ —
 Какъ будшо денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
 Румяное утро. —

Не всякій ли убѣдился, что Спихошеоршво несравненно превосходитъ всѣхъ прочихъ искусствъ? И не согласишся ли съ опре-

дѣленіемъ одного Французскаго Писателя, что Поэзія есть *говорящая живопись*? *) А между темъ, кто изъ безпристрастныхъ любительей Словесности нашей не сознается, что какъ сіе, такъ и ниже приведенное мною описаніе, составляющія полную картину лѣпней ночи, едва ли не единственны на языкѣ нашемъ? Слово: *година*, означающее *годичное время*, весьма удачно введено Авторомъ и, достойно кажется, бытъ принятымъ въ нашей Словесности.

Но поздно; повѣяла свѣжестъ; на Невскія шундры
 Роса опустилась; а рыбака нѣтъ молодого.
 Вопль полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячу весель
 Нева не колыхнешъ; разѣхались госпа градскіе.
 Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ — все тихо;
 Лишь изрѣдка гуль ошъ мостовъ пробѣжитъ надъ водою;
 Лишь крикъ просяженный изъ дальней промчится де-
 реви,
 Гдѣ въ ночь окликается рашная спража со спражей.
 Все спитъ; надъ селомъ не выдашь ни единого дыма.
 Огонь лишь дымишся предъ кущею рыбака шарца.

Чемъ болѣе перечитываешь эти стихи, темъ они кажутся восхищительнѣе; особливо пышій, звукоподражаніемъ своимъ. По мнѣнію моему, весь эпосъ опрывокъ есть живая Рафаелева картина, копорая должна служишь

*) Прибавлю: и *Музыка. Сот.*

образомъ въ описаніи природы, и копорая могла бы украсишь самую пышную галерею изъ Европейскихъ Литпературъ.

Копель у огнища спойтъ уже сняпый съ пренога:
 Спарикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи друга;
 Уха ужъ оспывши, подериулась пѣпой янпарной.
 Не ужиналъ онъ и скучалъ: земляка ожидая;
 Лежалъ у огня онъ, раскинувъ свой кожаный запонъ,
 И часто посмащривалъ вдоль по Невѣ среброводной.

Трещій и послѣдній стихи чрезвычайно живописны, Въ пятомъ шолько мѣспоимѣніе: *онѣ*, кажешся мнѣ лишнимъ; а припомъ первая мысль: *лежалѣ у огня*, еспешпвенно должна бы слѣдовашь за мыслию: *раскинувѣ запонѣ*; здѣсь же сказано на оборощъ.

Но скучилъ спарикъ, безпокойный груспью и гладомъ
 И въ первый онъ разъ безъ поварища ужинашь думалъ.

 Присѣлъ, и лишь руку для крестнаго знаменья поднялъ,
 Шумъ весель раздался, и креспъ, сотворилъ онъ не къ
 яспвѣ,

Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась;
 И голосъ знакомый ударилъ въ берегъ оспывный:

Рыбакѣ ллад.

Ты спишь ли, поварищъ? вспавай помогай выгру-
 жапсья.

Какъ прекрасна и выразипельна эша мысль:
 ‘лишь руку для крестнаго знаменья поднялѣ—

и крестъ сотворилъ онъ не къ яствѣ, но къ радости сердца.,—Въ чемъ соспоишь красота ея? Въ помъ, что она вдругъ показываетъ и *благодетіе*, сію опличительную черту народнаго характера нашего, и *живѣйшую радость* стараго рыбака. Крашкость составляетъ въ подобномъ случаѣ также весьма важное достоинство, и Авторъ не охлаждая вниманія читателя, одною только мыслию: *шумъ веселья раздался*—сказалъ все. Глаголь: *раздался*, выражающій внезапность и приличный звукамъ громкимъ, какъ на примѣръ: *выстрѣлу, крику*, и п. п., съ перваго взгляда покажется здѣсь неумѣстнымъ; но вникнувъ внимательнѣе въ мысль Автора, найдешь прошивное: ибо слово сіе весьма хорошо объясняетъ *скорость*, съ какою молодой рыбакъ поспѣшалъ къ товарищу своему, и *силу*, съ копорою онъ гребъ. Въ такомъ случаѣ весьма естественнѣе, что въ слухъ старика *ударилъ*, такъ сказать, шумъ веселья. *Меновѣніе* приѣзда молодаго рыбака избрано сочинителемъ весьма искусно. Я не могу предсказать себѣ ничего приличнѣйшаго. Такія-то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, маловажныя, но напрошивъ весьма значительныя обстоятельства, должны бытъ наблюдаемы въ подобныхъ родахъ стихотвореній, что бы сдѣлать ихъ занимательными. Сельскій Поэтъ, особливо народнои Идилліи, дол-

жень знать всё обычаи, всё даже предразсудки проспаго народа. Въ послѣднихъ двухъ стихахъ:

И голосъ знакомый ударился въ берегъ —
Ты спишь ли, поварищъ? вспавай помогай выгру-
жашься.

Глаголь: *ударился*, и мысль: *помогай выгружашься*, помѣщены не съ меньшимъ искусствомъ. Первый выражаешъ *быстроту* и *еромкость*, свойственныя клику радости, а послѣдняя показываешъ неперпѣливое желаніе молодаго рыбака обрадовать поварища своимъ счастьемъ.

Приведу еще нѣсколько стиховъ. Вотъ рассказъ молодаго рыбака:

Но скоро, не вѣдаю какъ, прошивъ мызы болярской
Съ ладьей очутился. Ночь между шемъ наступала,
Чудесная ночь! ни единой звѣзды на лазури,
А серебряный свѣтъ разливался по небу ночному!
Все было шакъ тихо! не дрогнуль ни листъ на осинѣ;
Все было безмолвно! и вопъ, надъ Невою недвижной
Понесся изъ шерема *сладостный гулъ* шихоспрунный.
Мнѣ радостно спало! и началъ я робкой свирѣлю
Подъигрывать тихо подъ спруны, какъ вдругъ межъ
древами
Почулся мнѣ шорохъ, и слуги Болярскіе вышли
И съ берега спали меня зазывашъ въ его шеремъ.

.

Рыбакъ стар.

Царю мой небесный: идиши ты, землякъ, не бояся?

Рыбакъ млад.

Бояся, поварищъ! въ груди моей дрогнуло сердце;
 Какъ вопшь и Боляринъ изъ шѣремныхъ оконъ кри-
 стальныхъ
 Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ—и пролилъ онъ въ
 душу
 Веселость и смѣлость! — —

Кромѣ нѣкоторыхъ выражений стихошвор-
 ныхъ, слишкомъ красивыхъ, неестествен-
 ныхъ въ устахъ просолоудина *) начало
 это прекрасно. Но мысли послѣднихъ 5 спи-
 ховъ, робость спараго рыбака — кажущаяся
 неправдоподобными, и пошуму все это мѣ-
 сто нахожу я лишнимъ. Кто повѣришь,
 чшобъ въ нынѣшнее время городскіе промыш-
 ленники наши, а особливо приходящіе въ
 Пешербургъ, или Москву, были до такой сте-
 пени робки и дики? **). А припомъ, хотя бы

*) Таковыя встрѣчаюшся и ниже. На-
 примѣръ:

Въ немъ спарець Боляринъ сидѣлъ сребровласый въ сѣ-
 мействѣ

Цвѣтущихъ дѣшей — —

Изъ мрамора дѣвы прелестныя — —

Здѣсь, вмѣсто рыбака, говоритъ самъ Поэтъ.

Сог.

**.) Слѣдующій стихъ показываетъ уже
 грезлившую робость:

Смушился я, другъ, у порога споялъ полумертвой.

шаковые и могли найпись изъ новитковъ; но эти рыбаки, судя по словамъ ихъ сначала Идилли, были довольно уже опытны. Если же Сочинитель, для нѣкошорой оригинальности характерою ихъ, считалъ нужнымъ дать имъ шакую дикоспъ: то, по мнѣнiю моему, надлежало бы объяснить, что они въ первый еще разъ въ большомъ городѣ и что происшествiе сiе случилось въ одну изъ начальныхъ ихъ ловлей.

Вступилъ я въ хоромы; но спрашно мнѣ спало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ. Со спѣнъ ихъ лики глядящъ на себя, какъ живые! Изъ мрамора дѣвы, прелестныя; только не дышущы! Но диву я дался, увидѣвши перемъ высокiй:
Чудесный, прозрачный! какъ въ сказкѣ, землякъ, гово-
рился:

Что на небѣ звѣзды и въ перемѣ звѣзды! и мѣсяць,
И вся въ перему красота поднебесная видна!

Удивленiе рыбака при видѣ портретовъ и спашуй, рассказъ его о семъ, весьма еспешвенны; описанiе великолѣпiя чершоговъ также прекрасно. Сочинитель весьма удачно воспользовался здѣсь народною сказкою.

Наконецъ сказаъ, какъ Боляринъ привѣщивалъ его, прося сыграть на свирѣли:

Давно я желалъ насладиться швоею свирѣлюю,

.....
Сыграй намъ, о рыбарь, *) прилпную сельскую пѣсню.

Молодой рыбакъ возклицаешъ:

Зачемъ ты, шоварищъ, *подѣ* **) перемомъ не былъ со мною?

Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю:

Опъ радости все позабылъ я, споялъ безошвѣпный;

Но очи лишь поднялъ и взоромъ съ Боляриномъ встрѣлся,

Безвѣспная, другъ, обняла меня дивная сила!

Взыгралъ я --- и пѣснь разлилась по зеленому саду. ---

И вопъ мнѣ награда. ---

Въ послѣднемъ прекрасномъ стихѣ: *взыгралъ я*, и проч. дѣйствительно слышишь, кажешся, звукъ свирѣли. Какъ хорошо, слово: *разлилась*, выражаешъ восшоргъ счастливаго юноши и радости разливающуюся по сердцу его! Онъ нисколько не хвастаешъ искус-

*) Междомѣше: о, кажешся мнѣ лишнимъ, и едва ли не лучше было бы вовсе безъ *рыбаря* въ семъ послѣднемъ стихѣ.

***) Сочинишель употребляешъ предлогъ *сей* въ смыслѣ предлога: *въ*. Хотя это кажешся неправильнымъ, однако же дѣйствительно иногда говорившя такимъ образомъ, наримѣръ: “мы укрылись опъ бури *подѣ* шалашъ”, вмѣсто чшобъ сказашь: *въ* шалашъ. Сог.

шеомъ своимъ, съ которымъ сыгралъ эту пѣснь — и скромность его шемъ плѣнительнѣе оканчивается разсказъ.

(Окончаніе въ слѣд. №°)

~~~~~

ЖАРКІЙ ДЕНЬ.

ПОВѢСТЬ.

Утро.

Солнце только что начинало показываться изъ за горизонша, какъ я, Адвокатъ Томасъ Мюллеръ, сидѣлъ облокочась на окно и смошрѣлъ — право не на это великолѣпное свѣпило. Нѣшь! только случайно взоры мои вспрѣчались съ его блестящими лучами и находили — не во гнѣвъ господамъ поэтамъ и спихокронашелямъ — что ему слишкомъ много дѣлають чести. Развѣ это доказательство его величія, что у меня въ глазахъ пошемнѣло, когда я хошѣлъ приспальнѣе посмошрѣшь на него? По этому и фонарь со спальнымъ

зеркаломъ у дверсей сосѣда моего лавочника, можно назваць великимъ явленіемъ: и на него нельзя смотрѣшь прямо. Да и вообще эшошь фонарь казался мнѣ всегда такимъ достойнымъ предсшавипелемъ солнца, что я считала смѣшнымъ мучить себя, вставая въ при часа утра съ мягкой постели для того шолько, чтобъ позѣваць на его восхожденіе, тогда какъ каждый вечеръ, безъ всякаго для себя принужденія, изъ окна мимоходомъ, или какъ хошѣль, могъ я досыша насмотрѣться и налюбоваться на домашнее солнце моего сосѣда. Не правда ли, почтенные читатели, что тогдашнія мысли мои о солнцѣ, если не со всемъ основательны, то по крайней мѣрѣ оригинальны? Хорошо, что не подслушалъ меня въ эшу минуту кто нибудь изъ чувствительныхъ писателей, спрашнвыхъ любовниковъ, плаксивыхъ сентименталистовъ, а не то — бышь бы бѣдѣ со мною!

Чтожь дѣлалъ я въ такомъ странномъ расположеніи духа? Спать я не могъ, потому и всталъ; писать я не могъ, потому и захошѣль читать; чи-

шасть я также не могъ, попому и пришло мнѣ въ голову сѣсть къ окну.

Выпрыгнуть въ него? Да! это могъ бы я сдѣлать. Даже мнѣ приходило это на мысль: я чувствовалъ такую сильную боль, такую несносную тоску, что самъ не зналъ, гдѣ она у меня: въ головѣ ли, въ сердцѣ ли, въ ногахъ ли; а попому прыжокъ въ окно изъ прѣпьяго эшажа конечно бы могъ быть самымъ лучшимъ опъ того лѣкарствомъ. Но въ груди моей, самъ не понимаю, что-то сильно говорило противъ этого средства, такъ сильно, что я вдругъ рѣшился прибѣгнуть къ другому, не столь вѣрному, но неменѣе странному, рѣшился—жениться . . . Не для того, чтобы мнѣ очень этого хотѣлось; но для того, чтобы досадить этимъ Анюшѣ.

Кто меня знаетъ короче, тотъ знаетъ и то, что я вскорѣ послѣ моего сюда приѣзда познакомился съ родителями Анюшы Гельденъ, и съ тѣхъ поръ былъ въ ихъ домѣ какъ свой; не проходило дня, чтобы я не завернулъ къ нимъ хоть на часочикъ. Многие догадаются о причинѣ столь частыхъ моихъ посѣ-

щеній и не ошибуся. Можно ли было видѣшь Анюшу каждый Божій день и не пожелаешь имѣть ее своею, чшобъ видѣшь ее цѣлую жизнь? Въ согласіи Анюшы я былъ увѣренъ; ея родители — опказа съ ихъ стороны поже нечего было бояться: они любили, опличали меня, я былъ молодъ, здоровъ, имѣлъ хорошее мѣсто, хорошій досташокъ. Припомъ же взаимная склонность наша, кажется, не была для нихъ пайною. Оспавалось только опкрышь имъ о томъ изустно; но это опложено было до того дня, о которомъ теперь начинаю рассказывать. Въ этошь день они должны были узнать все вмѣстѣ съ моимъ опцемъ, которій впрочемъ былъ уже опъ меня довольно обстоятельно предувѣдомленъ. Опецъ мой, одинъ изъ лучшихъ врачей въ ближнемъ городѣ, по сдѣланному ему приглашенію, долженъ былъ сегодня приѣхать въ нашъ городокъ, чшобъ завтра поушру, вмѣстѣ со здѣшними врачами, присуствовать на консиліумѣ у одного богача, спрадавшаго важною хроническою болѣзнью. Пользуясь симъ случаемъ, даль я за него слово провести нынѣшній вечеръ у

Совѣтника Гельдена, который праздновалъ свои именины.

Это слово со вчерашняго дня мучило меня ужасно. Не былъ шамъ я не могъ, попому чшо въ каждомъ письмѣ къ бапюшкѣ писалъ столь много хорошаго объ Анюшѣ и обо всемъ ихъ семействѣ, чшо онъ не могъ дождапья шой минушы. когда съ ними познакомицца Чшожь бы подумалъ онъ теперь обо мнѣ? При всемъ помѣ со вчерашняго ушра я совсемъ пошерялъ охоту имѣть эту дѣвушкѹ когда либо своею женою.

Вижу, чшо мнѣ надобно будетъ изяснитья обстояпельнѣе. Еще за нѣсколько недѣль передъ шемъ повспрѣчалось мнѣ нѣчшо, чему я весьма былъ не радъ, а именно: въ шой же самой улицѣ, гдѣ былъ домъ Гельдена, прямо прошивъ окошекъ Анюшиной комнашы, поселился приѣзжій изъ споллицы живописецъ, молодой человекъ, вершопрахъ перваго разбора, который на прешій же день принесъ къ ней ея портретъ, списанный имъ съ нее въ окошко. Это, по моему мнѣнью, было слишкомъ не-

прилично, дерзко. И хопя поршпретъ эпошь оспавиль онъ шупъ; но я зналь навѣрное, что у него оспалась съ него копия, также похожая, какъ двѣ капли воды. Впрочемъ это все бы еще ничего — всего досаднѣе было для меня то, что Анюта не только приняла его хорошо, но еще чупъ, чупъ не дала ему слова служишь оригиналомъ для какой-то каршины.

Правда, что это не состоялось, и что она сама послѣ жаловалась мнѣ на безопвязчивость и дерзость молодого живописца, и говорила, что онъ день ошо дня спановишся ей несноснѣе; но вѣрь пожалуй женщинамъ! — думаль я самъ въ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ подозрѣнiя мои въ скоромъ времени подшвердились, когда я былъ однажды съ сѣмейспвомъ Совѣтника въ Театрѣ. Едва успѣли мы войши въ ложу, какъ и увидѣль я напрошивъ....кого? — Кого другаго, какъ не живописца? Одно это уже меня распроеило, но до конца спектакля не хотѣль я говоришь ни слова. Однакожь будучи въ очкахъ и видя, какъ живописецъ не сводиль почши глазъ съ нашей ложи, и

какъ Анюша въ продолженіе аншпакшовой безпреспанно глядѣла на него, я не вышерпѣлъ. Дернувъ ее за перчашку, спросилъ я у нее: не уже ли хочешь она, чтобы цѣлый городъ былъ свидѣшелемъ ихъ перемигиванья? Она поглядѣла на меня приспально, потомъ вдругъ захохошала и ошвѣчала, что ей куда нибудь да надобно же сморѣшь, и что кажется приличнѣе сморѣшь прямо передъ собою, нежели заглядывашь по споронамъ, или сидѣшь, пошупя глаза въ землю.

Охошно заплашилъ бы я за ее на смѣшку другою, но въ словахъ ее было споль много правдоподобнаго; припомъ же ошнюдь не хошѣлось мнѣ, обратишь на себя вниманія другихъ. Я закусилъ языкъ и молчалъ, а Анюша въ самомъ дѣлѣ переспала глядѣшь прямо и нѣсколько разъ спрашивала меня, смѣючись: хорошо ли она шеперь дѣлаешь?

Да, думалъ я, шеперь, когда главнѣйшее дѣло сдѣлано! Присемъ, чаю, всякой, кто сморѣлъ на меня, могъ чишашь на лицѣ моемъ, каково было у меня на душѣ.

Между шемъ спекшакль кончился.

Начали выходить. Я подалъ руку Анюшѣ; она отказалась и сказала вслухъ, что я лучше сдѣлаю, если подамъ руку ея мащери и облегчу шемъ опца ея. ‘У меня у самой—примолвила она — хороши глаза. Вы увидите, что я чиннехонько добреду до дому и безъ вашей помощи.,,

Это было громовымъ ударомъ для меня. Послѣ шакихъ размолвокъ, какъ въ шеащрѣ, я обыкновенно мирился съ нею при прощаньи; а безъ того не могъ сомкнуть глазъ цѣлую ночь. Маленькой ребенокъ замѣщипъ, что шеперь съ умысломъ лишила она меня къ шому случая. Нечего было дѣлать, какъ скрышь свою досаду и подашь руку Совѣщницѣ.

Піэса, копорую давали, была изъ новѣйшихъ нелѣпо—ужасныхъ драммъ, и пошому паршерръ и галлереи набишы были посѣщителями. При выходѣ сдѣлалась шакая шѣсноша, что нельзя было пройти.

‘‘Часы мои! часы!.,—закричалъ вдругъ Совѣщникъ и схватилъ за ворошь споявшого подлѣ него человекъ.—Это что значить? — заревѣлъ шощъ грознымъ голосомъ.

“Прошу прощенія, тысячу разъ прошу прощенія!”, отвѣчалъ Совѣшникъ, почувшвовавъ, что вмѣстѣ съ ворошникомъ кафшана, попался ему въ руки орденскій знакъ. Напрасно показываль между пемъ другой сосѣдъ, одинъ изъ старыхъ знакомыхъ Совѣшника, куда скрылся воръ — золотые часы съ рещициею пропали и обокраденный долженъ былъ выслушать длинную ругашельную рѣчь оскорбленнаго кавалера. Эта двѣякая неприязность привела въ такой страхъ Совѣшницу, что она вся задрожала, и я съ трудомъ могъ ее поддерживать. Освободившись изъ толпы, оглянулись мы назадъ, посмошрѣвъ гдѣ Анюша; но ее ни шумъ-шо было! Въ шѣсношѣ мы ее пошеряли.

Хорошую комедію сыграль съ нами случай! —

Не хочу никому говорить каково мнѣ было, когда я замѣшилъ ошсущствіе Анюшы; не спану рассказывать, какъ ужасная шоска моя превратилась въ сильное негодованіе, когда подошедъ къ дому Гельденъ, увидѣли мы, что она шшощишь у ворошъ съ проклятымъ жи-

вописцемъ, кошорый въ шу минушу съ нею раскланивался.

Вотъ что называется бышь въ шеапрѣ, думаль я самъ про себя: шамъ мы видѣли ужасную Драмму, по выходѣ несносную Трагедію: *Украденные тасы*, а вопъ въ заключеніе и забавная Комедія: *Обманъ въ глазахъ*, или *условленное свиданіе*.—Что живописецъ провожалъ Анюшу домой по ея согласію, данному въ шеапрѣ глазами, въ эпомъ никпо бы меня не разувѣрилъ. Я захохопаль, когда Анюша сказала мнѣ, какъ неприятна была ей неопвязчивость живописца и какъ онъ спарался сдѣланный ему худой приемъ прикрышь замѣшашельствомъ, кошорое въ самомъ дѣлѣ замѣшно было въ немъ при прощаніи.

“Ну, Анюша!—шепнуль я ей, всходя на лѣспницу—эшого никогда не ожидаль я опъ васъ!,,

— Чего не ожидали? — спросила она шакъ громко, что родишели ея оглянулись на насъ. Я замолчаль, и войдя въ комнашу, распрощался съ ними въ швердомъ намѣреніи разорвашъ связь мою съ Анюшою, если не навсегда,

то по крайней мѣрѣ до совершеннаго ея исправленія.

Много труда стоило мнѣ на другой день не видашь ее. Казалось, какая - то невидимая сила влекла меня въ ту улицу, гдѣ жила Анюпа. Но нѣтъ! я таки поспавиль на своемъ и не пошелъ.

На бѣду мою прешій день былъ воскресный. Не ужь-то для Анюпы нейши мнѣ въ церковь! Сохрани меня Боже! Хотя правду сказать, что-то такое и говорило мнѣ, будто я хочу идти въ церковь единственно для того, чтобы видѣшь тамъ Анюпу; но я самъ на себя разсердился, и думаль сегодня-то и показашь ей, что она ничего уже для меня не значить. Такъ какъ ея мѣсто было очень близко отъ моего, то мнѣ стоило только не обращать на нее попрежнему вниманія, а наблюдать съ нею одну только холодную учтивость.

Тяжелый камень спалъ у меня съ сердца, когда я дорогою повспрѣчалъ живописца. Онъ ѣхаль верхомъ за городъ. По крайней мѣрѣ нынѣшній день лишена будешь она своего прокляшаго vis—à vis—, и чемъ менѣе будешь находишь

развлеченія и ушѣшенія въ его взорахъ, шемъ лучше, думаль я, удалспся мнѣ исполнить мое намѣреніе и досадишь ей.

Но какъ дошло до дѣла, по ни шупь по было съ моею холодноспью; я же выдержаль поску и беспокоійшво, какихъ и не запомяю. Прихожу въ церковь, смошрю — нѣшь никого изъ дома Анюшы. Между шемъ начинается служба, я сижую какъ на иголкахъ. Наконецъ опшворяющся двери — оглядываюсь: входишь опецъ, машь Анюшы—но ее нѣшь съ ними. Ожидаю, поглядываю—она неидесть.

Ну, если она больна! подумаль я самъ въ себѣ, и обрадовался какъ Богъ знаеешь чему, когда длинная проповѣдь наконецъ кончилась. Дорогою могъ я спросишь родителей Анюшы, почему не было ее въ церквѣ.

Машь ея сказала мнѣ, что она въ самомъ дѣлѣ нездорова.

Чтожь мнѣ было дѣлашь, какъ не посѣшишь ее шуже минушю? О болѣзни я не думаль, когда рѣшился убѣгашь Анюшы. Непросишельно было бы съ моею спшороны не навѣспишь ее въ шакомъ

положеніи — шемъ больше, что я огорчилъ ее и можешь бышь, ошъ того она занемогла.

Я пришелъ къ ней уже вполонину примиренный; ласковая встрѣча ее довершила остальное. Она шопчасъ призналась мнѣ, что сказалась больною для того шолько, чтошбъ нейши въ церковь и наказашъ меня за то, что вчера цѣлый день съ нею не видался. — Я не сердился уже на нее, а шакъ, будто безъ намѣренія, довель рѣчь до того, что было съ нами шрепьяго дня. Какую же сдѣлала она мнѣ опповѣдь? — Всему, что ни произошло въ шеашрѣ и послѣ шеашра, по словамъ ея, было причиною не иное что, какъ одинъ шолько случай, и вся вина пала не на нее, а на мою глупую ревность. —

Я повѣрилъ ей и успокоился, но спокойствіе мое было непродолжительно. Въ шощъ же еще самый день послѣ обѣда, проходя мимо дома ихъ, взглянулъ я случайно на окно живописца, и увидѣлъ, что онъ споялъ у него, усшремя глаза въ комнату Анюшы. Я прошелъ еще разъ немного помозже и

онъ все еще былъ шупъ. И съ тѣхъ поръ, сколько разъ ни проходилъ я по улицѣ, онъ все стоялъ какъ вкопанный, не сводя глазъ съ окошекъ Анюшъ.

Спалъ ли бы онъ, думалъ я, безъ всякаго сна спояшь шупъ, какъ часовой, и смопрѣшь, не спуская глазъ, если бы, какъ говоритъ Анюша, идучи съ нимъ изъ театра домой, опдѣлала она его порядочно, и если бы не было шупъ какого нибудь между ими умысла?—Нѣшь, нѣшь! онъ не спалъ бы этого дѣлашь, онъ не могъ бы этого сдѣлашь!

Но мое положеніе часъ отъ часу становилось хуже и хуже. Чшобъ лучше наблюдать за ними, сталъ я наискось дома Совѣтника за однимъ заборомъ. Успремляю глаза на окно Анюшъ, и вижу, что она садилъся на него, смопришь въ домъ насупротивъ и кланяется дружески, шакъ дружески, что этого, по моему мнѣнію, не требовала обыкновенная учшивость и приличіе. Даже казалось мнѣ, что знакъ, копорый подала она рукою, показывалъ, что въ слѣдѣ за шемъ придетъ она и сама.

И въ самомъ дѣлѣ! Не прошло шрехъ минушъ, какъ она захлопнула окно, и— я видѣлъ эшо своими, собспвенными своими глазами—закушавшись въ салопъ, перебѣжала черезъ улицу и скрылась въ воропахъ ненависшнаго для меня дома.

Легко предспавить себѣ, что когда послѣ всего эшого, въ шопъ же самый вечеръ пришелъ я къ Анюшѣ, не было во мнѣ ни капли крови: я походилъ болѣе на привидѣнiе, нежели на челоувѣка. Впрочемъ я и пришелъ шолько за шемъ, чтошбъ предспавивъ ей все дѣло въ крошкихъ словахъ, сколько возможно хладнокровнѣе, безъ всякой ссоры, проспитъся съ нею навсегда. Но наружная непринужденность, съ какою приняла она меня, притворная невинность, съ какою спросила: опъ чего я шакъ печалень? — привели меня въ шакое бѣшенство, что я не могъ исполнить своего намѣренiя, и ушелъ, не сказавъ ни слова и швердо рѣшившись оспавить навсегда Анюшу. Идучи опъ нее, ломаль я себѣ голову во всю дорогу, искавъ благовиднаго предлога, какъ бы не бышь у Совѣшника въ день его именинъ, на ко-

порые пригласиль онъ меня вмѣстѣ съ опцемъ моимъ.

Теперь, кто знаешь предыдущее, тошъ можешь судишь, въ какомъ непри- япномъ положеніи находился я въ шо ушро, о копоромъ началъ разсказывать.

Одна шолько мысль: женишься на зло Анюшѣ, помогла мнѣ перенести не- сносную тоску и мученіе въ эшо ушро. И какъ ни досадно мнѣ было, что въ эшошъ день долженъ я обѣдать въ боль- шемъ обществѣ, но ушѣшался шемъ, что можешь быть у Докшора Гелльри- ха, копорый звалъ меня къ себѣ на обѣдъ, скоро найду приспойную для себя пар- шю.

Докшоръ Гелльрихъ былъ мой шо- варищъ по Университету и, говоря оп- кровенно, самый спранный человекъ. Будучи самъ женашъ довольно счастли- во, хошѣлъ онъ и меня, волею или не- волею, записашъ въ вѣчный цѣхъ супру- говъ; шолько никакъ не совѣповалъ мнѣ женишься на Анюшѣ. — Чипашели захо- шяшъ знать почему? — Пошому, что о- шецъ ея, Совѣшникъ Гельденъ, однажды въ шѣсношѣ наступиль ему на ногу.

Декпоръ Гельрихъ давно уже общалъ мнѣ показашь у себя полный цвѣшникъ изъ самыхъ прелеснѣйшихъ, живыхъ цвѣшовъ—дѣвушекъ, изъ кошорыхъ могъ я, по словамъ его, выбрать себѣ любую, и наконецъ назначилъ для того нынѣшній день. Сначала принялъ я это приглашеніе единственнo для того, чшобъ похвасташься передъ нимъ своимъ споицизмомъ и доставилъ поржесство моей Анюшѣ — педерь, послѣ очевидной ея измѣны, хотѣлъ я воспользовашься этимъ приглашеніемъ, чшобъ сыграть надъ нею шупку. Правда, въ эти минушы опчаянїя приходило мнѣ въ голову, что при такой успѣшноспи могу сыграть и надъ самимъ собою весьма дурную шупку; но я былъ въ то время шакъ сердилъ, шакъ сердилъ, чшo не опасался бытъ несчастнымъ во всю жизнь, лишь бы только досадишь Анюшѣ. А что она будетъ досадовашь, въ томъ ни мало я не сомнѣвался, имѣя опъ нее столько доказательствъ особенной ко мнѣ привязанности, чшo конечно больно бы ей было цошеряшь меня опъ своего легкомыслїя.

Когда я думалъ о прежнемъ времени, объ ея скромности, объ ея почти дѣвской невинности, наконецъ объ ея сшараніи всегда и предъ всѣми отличалъ меня, какъ истиннаго своего друга: то не могъ понять, какимъ непосижимымъ волшебствомъ живописецъ успѣлъ такъ скоро переменить ея характеръ и привязать ее къ себѣ.

Я не смѣлъ далѣе размышлять объ этомъ: пошчасъ предспавлялась мнѣ прелеспная картина супружескаго благополучія, копорую сосшавиль я себѣ въ сшаспливѣйшіе дни любви моей, и въ копорой единственна, несравненная Аня занимала первое мѣсто. Я начиналъ думать, что она все шаки невинна; начиналъ сомнѣваться въ справедливости того, что видѣлъ самъ собственными своими глазами. Наконецъ я вскочиль съ мѣста и закричалъ: “нѣтъ нѣтъ! нѣтъ! Дѣвушка, копорая, кромѣ жениха своего имѣеть еще связи съ другими мужчинами и копорая даже дѣлаеть имъ посѣщенія, шакая дѣвушка не можетъ быть женою честнаго человека!,, Эти слова произнесъ я такъ

громко, что мальчикъ мой, которъй былъ опъ меня за двѣ комнашы, прибѣжалъ запыхавшись и спросилъ, что мнѣ угодно?

“Ничего!., — отвѣчалъ я съ досадою; потчасъ одѣлся и пошелъ со двора, чтобъ освѣжить себя чистымъ возду- и разсѣять свои печальныя мысли.

(Продолженіе впредь.)

Анекдоты.

1.

Одна дама, въ жару спора съ Делилемъ, бросила ему въ голову огромную книгу in folio. — “Ваши ласки, сударыня, отвѣчалъ хладнокровно Делишь, въ самомъ большемъ формашѣ.,,

2.

Однажды Пиронъ, раздраженный колкою насмѣшкою Вольпера, подкравшись къ его дверямъ, написалъ на нихъ: *старый плутъ*. — Вольперъ слышитъ шумъ, отворяетъ дверь, чишаешь надпись и увидя обратившаго

шылъ Пирона, клянешся ошмспить ему. — На другой день приходишь онъ къ Пирону, — “Чему обязанъ я споль неожиданною для меня честію, что вижу у себя славнаго, великаго Вольпера!”, — Вашей вѣжливости, Г. Пиронъ, ошвѣчалъ Вольперъ: вчера, написали вы у меня на дверяхъ ваше имя, и я счелъ обязанностію заплашить вамъ визитъ.

Съ Франц. Ст—тъ.

Благотворенія.

Письмо къ Издателю.

Покорнѣйше прошу о доставленіи прилагаемыхъ присемъ *двадцати пяти* рублей бѣдному сѣмейству, о кошоромъ объявлено въ XXVII No вашего Журнала на стр. 39.

13 Юля 1822.

Баронесса П. А.

Доставлены И.

Изъявленіе благодарности.

Чиновникъ 9 класса В. Б. живущій въ Семеновскомъ полку въ Гофшпигальной ротѣ въ домъ подъ No 461, изъявляетъ симъ

чувствительнѣйшую свою благодарность не-
извѣстной благошворительной особѣ достав-
ившей ему 13 ч. сего Іюля сто рублей для
вспомоществованія въ бѣдственномъ его по-
ложеніи.

Шарада.

Кто лѣкаря къ себѣ на помощь призываетъ,
Декохтъ пьешь, порошки, пилюли кто гло-
паешь

И словомъ для кого въ аптекахъ ѣшь ва-
ряшь,

Опомь *часть первую* Шарады говоряшь.

Вторая часть — спрана, откуда къ намъ
Аврора,

При цѣсняхъ пщичекъ хора
Выводишь Феба изъ морей. —

А цѣлое для дровъ годишься и плешней.

М. Атаки.

М. С.

Шарада, помѣщенная въ XXVIII Но зна-
чишь *Банк - ирѣ*.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° XXX.

РАЗБОРЪ ИДИЛЛИИ: РЫБАКИ,

(Окончаніе.)

Изъ разсмотрѣнныхъ мною мѣстъ сей Идилліи, можно, кажется, заключить, что она вообще стихотворствомъ своимъ прекрасна и, въ семъ отношеніи, должна стоять на ряду съ лучшими произведеніями Сельской Поэзіи, не только нашей, но и самыхъ просвѣщеннѣйшихъ государствъ Европы.

Обратимся теперь къ предмету ея, и вообще къ предмету Народной Идилліи. *)

Мы видѣли съ самаго начала разговора рыбаковъ, что молодой приспраспелъ къ

---

*) Впрочемъ, предлагая читателямъ мнѣніе свое о семъ родѣ Поэзіи, не смѣю думать, чтобъ оное было неоспоримо. Пишомцы Сельской Музы, озаренные лучами Аполлона, просвѣщенные сужденіемъ и примѣрами знаменитыхъ въ семъ родѣ писателей, равно какъ и собственнымъ опытомъ—могутъ вѣрнѣе, основательнѣе опредѣлить сіе. По крайней мѣрѣ я доволенъ буду, если подамъ поводъ и, хотя лѣгкопоря, мысли къ составленію народной нашей Идилліи. Сол.

свирѣли; что онъ часто *работу лѣняетъ на пѣсни*; спарикъ пожурилъ его за это и убѣдилъ наконецъ занявшись полезнымъ своимъ ремесломъ. Но чемъ кончилось? Свирѣльникъ-рыбакъ поѣхалъ на ловлю, едва началъ свое дѣло, какъ услышалъ звуки спрунь—и бросилъ все: началъ подыгрывать на свирѣли, позванъ былъ въ шеремъ, сыгралъ пѣсню—и за то, награжденъ неведомъ и пальмовою свирѣлью: вопшъ содержаніе! Дочитавши до этого мѣста въ Идилліи, не всякій ли безприсрасный любитель *истины и простоты*, долженъ спвующихъ составлять главнѣйшія свойства Сельской Поэзіи, возкликнешъ вмѣстѣ съ спарымъ рыбакомъ:

Какъ сказку я слышу!...

И спарикъ, споль благоразумно убѣждавшій прежде молодаго поварища своего, шеперь, обрядовавшись наградъ его, что говоришь?

— — скажу я короткое слово: *)

Ошъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ
липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

---

*) Не лишнее бы, кажешся, было, еслибъ онъ сказалъ здѣсь нѣсколько *подлиннѣе*; на примѣръ, что награда сія не должна слишкомъ обольщать молодаго поварища его; что происшествіе это было шолько случайное; что не надѣясь на подобныя, все шаки надобно ему болѣе занимашся дѣломъ своимъ, нежели свирѣлью — и проч. *Сог.*

А молодой заключаешь:

И имя того, кто почтил дарованіе *) Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ!

Итакъ, вышло наповѣрку, что старый рыбакъ говорилъ прежде не дѣло; что промыслъ рыбачій, дѣйствительно, сколько прудень сполько и скудень; и что, слѣдственно, рыбакамъ выгоды учинься играшь на свирѣли, нежели занимаешься ремесломъ своимъ! — Смѣю спросить: какая же была цѣль Авшора при сочиненіи такой народной Идилліи? Не все ли бы равно написать, на примѣръ, Идиллію: *Музыканты*, изъ которыхъ одинъ (спрасный охотникъ и мастеръ удить, или инымъ образомъ ловить рыбу) поймалъ бы случайно дорогую сперлядь и за оную получилъ опъ какого нибудь вельможи, покровителя опечеспенной промышленности, драгоценную *уду* и *скрылку*, или другой какой инструменъ? А припомъ, слыхано ли у насъ — если не ошибаюсь — чпобъ рыбаки съ такимъ совершенствомъ играли на свирѣляхъ? Конечно, нельзя сказать, чпобъ это

---

*) Дарованіе не значить, кажется, даръ отъ кого либо данный; но даръ, или тажентъ того, къ кому оно опноситея. Дарованіе поэна, дарованіе аршисна — и ш. п. Сог.

было вовсе не вѣроятна и не возможно, однако же если можетъ случиться, то развѣ очень, очень рѣдко. Пожалуй, можно представить, что какой нибудь сельскій цгольникъ, кузнецъ, пастухъ — и проч., получили отъ природы восхитительный голосъ; слушающая соловья и другихъ птицъ, самъ собою научился пѣть отаровательно; запѣлъ однажды тихимъ ветеромъ близъ проезжей дороги, или господскаго дома, привелъ въ восторгъ какого нибудь богача — и за то былъ отъ него щедро награжденъ. Но происшествіе это, сколько же какъ и пѣ, покажется невѣроятнымъ въ наше время.

По мнѣнію моему, предметъ народной Идилліи долженъ быть непременно правдоподобный и насавишельный, то есть, чтобы происшествіе, или случай, доставившій счастье дѣйствующимъ лицамъ, былъ послѣдствіемъ трудолюбія и прилежанія ихъ къ приспойному, свойственному имъ занятію *). Весьма справедливо говоритъ въ Предисловіи Г-нъ Панаевъ, что: «не одни Паспухи могутъ быть дѣйствующими

---

*) Разумѣется, что и душевныя добрыя качества, склонности, чувства, свойственныя людямъ всякаго сословія, могутъ также сосавлять предметы народныхъ Идиллій. Сог.

лицами въ сочиненіяхъ этого рода: ими равно бѣвають рыбаки, земледѣльцы, садовники и, и и., — и что “здѣсь спихошворецъ, не перелешая уже воображеніемъ во времена золошаго вѣка, воспѣваетъ красоты природы, удовольствія деревенской жизни, научаетъ ими пользоваться и располагать занятіями., (Пред. къ Идил. спр. VI и VII.) Но я не могу согласиться съ нимъ въ слѣдующемъ. На вопросъ: “для чего спихошворцы не переселятъ Идиллію въ наши времена?,, (тамъ же, спр. XIII.) отвѣчаетъ онъ: “Тогда она совершенно лишилась бы своего достоинства, даже правдоподобія, а писатель увидѣлъ бы себя въ самомъ зашруднительномъ положеніи. Известно, каковы нынѣшніе пасхухи и земледѣльцы: продолжительное рабство сдѣлало ихъ грубыми и лукавыми. Такими ли привыкли мы воображать счастливыхъ обитателей Аркадіи? И можно ли это согласить съ пою невинностию и чистотою нравовъ, съ тѣми нѣжными, благородными чувствованіями, въ копорыхъ должна заключаться сущность Идилліи?,, — Какъ! уже ли невинность и чистота нравовъ не существуютъ нынѣ въ селахъ, не обитающихъ между жителями ихъ, хотя непросвѣщенными и грубыми? Уже ли добродѣтель и честность не свойственны нынѣшнимъ поселя-

намъ? Но не говоря о государспвахъ, болѣе образованныхъ — и болѣе *знакомыхъ съ развратомъ*, заглянемъ внутрь любезнаго опечесства нашего: *радущіе, хлѣбосольство, безкорыстность* проспаго народа Русскаго кому не извѣсны? Уже ли изъ такихъ нравовъ нельзя выбрашь предмета для Идилліи? Мы читаемъ народныя повѣспи Гг. Карамзина, Глинки и другихъ — и душевно вѣримъ имъ и восхищаемся ими. Но любезный Авторъ, копораго чувспвишельное сердце и просвѣщенный разумъ шакъ видны въ сочиненіяхъ его, какъ будшо желая нѣсколько смягчить приговоръ свой, прибавляешъ: “Впрочемъ нельзя ушверждашь, чпобы умный, наблюдашельный Писатель не нашель “и въ образѣ жизни нашихъ поселянь *новаго источника красоты: нужно шолько “умѣшь пользоваться онымъ.*” Я думаю, чшо не шолько не шрудно, но даже легко искусному писателю находить *обильные источники красоты* въ образѣ жизни нынѣшнихъ поселянь: шемъ болѣе, чшо уже прежній источникъ древней Идилліи шлишкомъ исчерпанъ. Мы восхищаемся идеальной Аркадскою паспушкою на каршинѣ, или въ шеапральномъ зрѣлищѣ; но не больше ли плѣняемся какою нибудь Тирольскою, или Русскою дѣвушкою? Не говоря уже о привязанности къ опечеспвенному, сродной всякому благород-

ному сердцу, одна истина, правдоподобіе имѣюшъ для насъ несравненно больше прелестей, чѣмъ самый счастливый вымыселъ. Пусть намъ представляюшъ въ Идилліяхъ: земледѣльцевъ, садовниковъ, рыбаковъ, охотниковъ, даже воиновъ — и проч., въ разныхъ обстоятельствѣхъ жизни ихъ; пусть убѣждаюшъ насъ, что и въ умѣренности, въ самой бѣдности, человекъ можетъ бытъ истинно счастливымъ; что трудолюбіе, честность и добронравіе — суть вѣрнѣйшія къ тому средства *). Но особливо для Русской народной Идилліи какъ много представляется мнѣ источниковъ! Обычаи, обряды, празднества и самое суевѣріе нашихъ по-

---

*) Только въ изображеніи характеровъ и свойствъ должно строго держаться правдоподобія. *Идиллія, Эклога, Повесть* — и п. п., шемъ болѣе достойны похвалы, чѣмъ онѣ естественнѣе. Красота, чувствительность, невинность, прилпность разговора — слишкомъ увеличенныя, *Ангельскія*, не должны бытъ приписываемы существамъ смертнымъ. Безъ сомнѣнія, въ свѣтѣ есть много *прекрасныхъ, густотельныхъ, милыхъ* — однако не совершенныхъ. Сочиненія мечтательныя, обманчивыя для ума и сердца, не рѣдко бываюшъ пагубны тогда, какъ близкія къ правдоподобию и нравственныя произведенія сего рода — чрезвычайно полезны. Ибо извѣстно, что такія сочиненія составляютъ любимое чтеніе молодыхъ людей обоего пола. *Сог.*

селянѣ, сколько заключающъ въ себѣ предметовъ разнообразныхъ! Добрые просполоудины вѣрящъ: *враждебными* и *благодѣтельными* домовымъ, *могущими* и *страшными* лѣшимъ, *лѣющими* и *щекотящими* Русалкамъ, *водяными* и *воздушными* духамъ, *огненными* летущими змѣями — и ш. п. Вѣрящъ колдовству, наговорами *), заломали во ржи и всякомъ хлѣбѣ, оборотнями — и проч. По временамъ года, деревенскія наши дѣвушки исполняютъ многіе, какъ нѣкіе священные, необходимые обряды: *завиваніе вѣнковъ*, *обжинки*, *посидѣлки*, *святотныя гаданія* — и ш. п. Изъ всего этого сколько почерпашъ можешь воображеніе опечеспвеннаго Поэпа! А припомъ, если перенесшисъ еще во времена идолопоклонства нашихъ предковъ, то обряды и Мифологія Славянскія представляющія споль же почши богатыми, какъ и древнія; но несравненно драгоценнѣйшими для насъ рудниками красотъ Сельской Поэзіи **). Пущъ вникнѣть только въ нихъ просвѣщенный, имѣющій истинный шаланшъ и чувспвиштельное сердце,

---

*) Все это можешь бытъ вводимо въ Идилліяхъ, для вѣкопорыхъ сполько уловокъ, обмана въ *ходѣ піэсы*, но не въ *дѣйстви* лицъ. *Сог.*

**) Народныя піэсы наши могушъ подашъ нѣкопорыя мысли какъ для содержанія, шакъ и размѣра спиховъ Идиллій. *Сог.*

юный Поэтъ: очамъ его опкроестья несборимое поле, и руководствуемый Гениемъ и вкусомъ на семъ новомъ поприщѣ славы, сравняешся онъ съ Теокрытами и Геснерами.

Въ Идилліяхъ Г-на Панаева нахожу я нѣкошорыя мѣста, весьма близкія къ народной. Напримѣръ въ Идилліи XX. Поэтъ начинается изображеніемъ поздней осени:

Предпосылая кладъ, свирѣпыхъ бурей свиспъ;
 Зима вслѣдъ Осени спѣшила;
 Уже рука ея поля опустошила;
 Ужь облещьль съ деревъ поблекшій, желтый лиспъ.
 Лишь сосны черныя и ели возвышенны
 Одиѣ спояли неврежденны;
 Лишь папоротъ, да мхи — послѣдній злакъ луговъ
 Разсыяны кой-гдѣ по берегамъ ручьевъ,
 Еще не увидали.

Эта картина списана съ нашего климата. Она для насъ плѣнительнѣе самаго нѣжнаго ландшафта южной природы. Стоить только перемѣнить имена *Дориды* и *Титира* на Русскія (выборъ коихъ зависпъ отъ вкуса Сочинителя), приаровитъ разговоръ къ народнымъ обычаямъ нашимъ, представитъ въ дѣйствующиѣхъ не Паспуховъ, но въ любовникъ напримѣръ *молодаго воина*, пришедшаго изъ службы на родину свою, а въ любовницѣ просто *крестьянскую дѣвушку* — и ша же

самая Идиллія могла бы украситься новыми, еще прелестнѣйшими для насъ цвѣтами, и была бы *нашею*. Дѣвушка, видя приближеніе зимы, когда любезному ея назначень сродъ явишься на службу, и онъ долженъ будетъ съ нею разспаться, шакже какъ и *Дорида* могла бы сказать:

Все, все намъ знашь даешь,

Что ужь зима не за горами,

Что скоро къ намъ она съ мяшелями, снѣгами,

Съ морозами придетъ.

Да чу! синичка прокричала:

А это знакъ худой: я часшо примѣчала,

Когда покажущся синички по лѣсамъ,

То жди уже зимы!

Подобно *Аминту*, въ Идилліи VII, напримѣръ, сынъ богатаго креспьянина молодой земледѣлецъ, невѣстѣ своей, бѣдной креспьянской дѣвушкѣ могъ бы сказать:

Съ тѣхъ поръ, какъ прошлою зимой

У *Мирры* съ хижиной сторѣло все имѣнье,

И ны украдкою опъ *Сильвіи* самой,

Несчастной принесла погдажъ на вспоможенье

Свой лучший, праздничный нарядъ:

Повязку, леншамъ проложенную въ рядъ —

Съ тѣхъ поръ я полюбилъ себя всемъ сердцемъ, *Хлоя!*

Спарался нравишься — понравился тебѣ,

И жизнь и *Божій свѣтъ* милѣй мнѣ спали вдвое!

Эши мысли, эши выраженія шемъ болѣе нравишься мнѣ, шемъ вняшнѣ сердцу моему!

что они, кажешся, почеркнушы изъ народныхъ нашихъ обычаевъ, изъ нашего кореннаго языка. Восхищительный опивъшь *Хлои*, былъ бы приличень въ устахъ какой нибудь *Даши*:

Я прежде въ шомъ одномъ все счастье полагала,
Чтобъ машушка меня любила и ласкала;

Но ахъ, когда тебѣ узнала,

Когда увѣрилась, что я тебѣ мила —

Душа моя какъ будто разцвѣла!

Иначе спало сердце бишься:

Вездѣ искашь себя — всегда къ тебѣ стремишься!

И даже—для чего шаинься?

Хощь ласки машушки все драгоценны мнѣ —

Твоей прищипѣ! — онѣ...

Но, можешъ бышь, и самъ ты это примѣчаешь!

Я вся какъ не своя, когда меня ласкаешь.

Я увѣренъ, твердо увѣренъ по чувствамъ своимъ, что здѣсь изображая *Хлою*, Сочинитель воображалъ себѣ Русскую дѣвушку. Иначе, онъ не могъ бы шакъ приблизиться къ характеру, къ свойствамъ и даже къ языку нашихъ любезныхъ, невинныхъ поселенокъ.

Ишакъ, не сомнѣваясь, что Г. Панаевъ чрезвычайно успѣлъ бы въ Народной Идилли нашей, слишкомъ увѣренный въ отличныхъ способностяхъ его къ сему роду Поэзіи, я, какъ спрашнй и — безприспрашнй любитель опечесшвенной Словесности,

осмѣлюсь гласно сказаць искреннѣйшее мое желаніе, что бы сей счастливый, единствен- ный у насъ, пипомецъ Музы Геснера рѣ- шился къ довершенію славы своей вступитъ на это новое поприще: тогда, лишенные дав- но уже удовольствія слышать плѣнитель- ную свирѣль его, безъ сомнѣнія, восхищены мы будемъ новыми, еще нѣжнѣйшими и сла- достнѣйшими сердцу нашему звуками ея.

М...скѣ.

И. Истовѣ.

~~~~~

ГЕЛЬВЕЛЛИНЪ.

(Изъ Валтера Скотта.)

(Весною 1805 года, одинъ молодой тело- евкъ любезнаго нрава и съ отличными дарованіями, заблудившись, погибъ на горѣ Гельвеллинѣ; по прошествіи трехъ мѣсяцовъ, найденъ былъ трупъ его, охра- няемый вѣрною собакою, которая всегда сопутствовала ему въ цединенныхъ про- гулкахъ по пустынямъ Кулиберланда и Вестиореланда.)

I.

Я на вершинѣ Гельвеллина: вдалькъ си- нѣются озера и горы; всюду безмолвіе,

лишь изрѣдка крики орла пробуждаютъ спящія ошголоски; по правую сторону Студень—Егдъ извинаяся вокругъ Редзарна, по лѣвую Кальхедикамъ, и предомною возвышается какая-то огромная скала. Отсюда вижу то роковое мѣсто, гдѣ погибъ несчастный спранникъ.

II.

Пошемиѣла зелень, на кошорой лежалъ сей любимецъ природы, преданный пиранспву спихій; какъ шрупъ пресшупника, кошораго медлѣнно обезображивающъ горные вихри. Онъ не былъ одинокъ, хопя среди пущыни: собака, вѣрная ему и по смерти, спорожила надъ оспанками своего господина, и ошгоняла ошъ него хипшую лисицу и жаднаго коршуна.

III.

Сколько дней провела ты безъ сна, въ безмолвіи! Сколько разъ вздрогивала, когда вѣсперь шевелилъ изгибами его одежды! Сколько недѣль сочла ты съ шого времени, когда другъ швоего сердца началъ исчезать передъ швоими гла-

вами. Молишва не была сошворена надъ нимъ; мапъ не оросила гробницы его слезами; другъ не поскввалъ при гробѣ: одинъ шы, слабый спорожъ, возлѣ его... Спранникъ сбросилъ жизнь безъ шоржеспва погребальнаго.

IV.

Когда знаменишый Рыцарь, подобно прошому селянину, покоришя судьбѣ: тогда спѣны чершоговь обвѣшивающя черными шканями, гробница украшаешя серебряными щипами, и нажи въ безмолвіи спановяшя возлѣ надгробной шелены; факелы цѣлую ночь горяшъ въ замкѣ, знамена развѣвающя подъ сводами храма, священная музыка печально гремяшъ на хорахъ, въ чешъ вождя народнаго.

V.

Но для шебя, любимецъ природы, для шебя приличье было успокоишь главу, подобно робкому горному агнцу, когда онъ, обрушившисъ съ крушыхъ боковъ скалы, испускаешъ послѣднее дыханіе возлѣ своей мапери. Ахъ, для

себя приличнѣе ложе на берегу озера, гдѣ печальный куликъ поешъ себѣ надгробную пѣснь, при швоемъ другѣ, одномъ свидѣтелѣ швоей смерти, между горою Гельвеллиномъ и Кальхедиканомъ.

В. Гр — вб.

ЖАРКІЙ ДЕНЬ. ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе.)

П о л д е н ь .

Въ такомъ расположеніи духа, каково было погода мое, обыкновенно дѣлаешь все навыворотъ, Какъ будто мало было во мнѣ внушрнннго жара, бѣгаль я, подобно сумасшедшему, изъ мѣста въ мѣсто въ самый полуденный зной. И не по шѣнишнымъ переходамъ аллея, но по улицамъ, гдѣ въ шеперешнее время года невозможно было и думать о шѣни. Пришомъ же я былъ какъ околдованъ: куда бы я ни шель, въ какую бы улицу ни заворачиваль, подъ конецъ все выходиль къ дому Аюшны. Я досадовалъ самъ на себя и всегда прокрадывался

мимо дома ея такъ близко, что если бы она и смопрѣла въ окошко, то едва ли бы могла меня примѣшить. Но за то глаза мои всякій разъ невольно обращались къ кварширѣ живописца, и всякой разъ видѣлъ я его у окна: негодяй не ошходилъ опъ него ни на пядь. Наконецъ я образумился. Мнѣ пришло въ голову, что Анюта вѣдь узнаеть же опъ него о моемъ часпомъ бѣганьи мимо ея дома: я рѣшился призвать на помощь всю свою твердоспъ, и не входилъ даже въ улицу, въ кошорой она жила.

Исполненіе сего стоило мнѣ однако же много труда и пота; теперь бѣгаль я по прочимъ улицамъ городка нашего вдвое скорѣе, нежели прежде, такъ что наконецъ выбился изъ силъ, и что бы не изнемоць совершенно, долженъ былъ напоследокъ заключить съ самимъ собою формальную капишуляцію, по кошорой выговорилъ себѣ право: еще одинъ, но уже послѣдній разъ пройши по ненависной мнѣ и вмѣстѣ любезной улицѣ.

Чтожъ увидѣлъ я въ эпошь послѣд-

ній разъ? Великій Боже! Анюша въ деркомъ неглиже вышла изъ дома живописца, и не оглядываясь, пробѣжала въ вороша своего.

Не понимаю, какъ могъ я удержашь себя, какъ не побѣжалъ за нею и не излилъ всей своей ярости на вѣроломную! Взглядъ на живописца, копорый все еще споялъ у окна, былъ моимъ спасеніемъ. Мнѣ показалось, что онъ смѣенся и это привело меня въ себя: я закусилъ губы и продолжалъ свой путь, по крайней мѣрѣ по наружности шакъ чинно, какъ шолько можно было.

Чтожь мнѣ было дѣлать? Въ эту минушу ударило. на городской башнѣ двѣнадцашъ часовъ; слѣдовашельно до обѣда, на который я былъ приглашенъ оспавалось еще два часа. Мнѣ бросился въ глаза Ишаліанской погребъ, и я вошелъ въ него.

Нѣсколько веселыхъ, молодыхъ людей сидѣли за споломъ и пили здоровье одного изъ нихъ, копорый за нѣсколько дней передъ темъ надѣлъ на себя оковы супружесшва. Они пригласили и меня пожелашъ ему швердосши и шер-

пѣнія въ ношеніи ярма его. Я присѣлъ къ нимъ и пилъ вмѣстѣ съ ними; но они шутили и веселились — я былъ задумчивъ и мраченъ.

Бушылка часо переходила изъ рукъ въ руки. Наконецъ всѣ мои поварищи одинъ за другимъ ушли. Я оспался одинъ и вовсе безъ мыслей продолжалъ пить изъ спящаго предо мною спакана.

Это, казалось, понравилось моему Ишалиянцу. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: “Да здравствуюшъ женщины и виноградъ! Что можешъ бытъ лучше веселой свадьбы и хорошаго вина? Вошь посмотрише: вы пришли сюда съ такимъ скучнымъ, печальнымъ лицомъ; шеперь шо ли дѣло! Не прикажете ли еще?,, — Тушь взялъ онъ опорожненный мною спаканъ.

Я промолчалъ; онъ счелъ это за согласіе и принесъ мнѣ полный. Погруженный въ мысли о свадьбѣ и о женишьбѣ, вышилъ я нечувствительно и эшошъ спаканъ. Тушь пришла мнѣ въ голову скорая моя женишьба. Вино, заснуця мѣсто разсудка, говорило мнѣ,

что дѣвушка, кошорая такъ поспу-
ешъ, какъ Анюша, пока ешь на свѣтѣ
кромѣ ее другія дѣвушки, вовсе не за-
служиваешъ никакого вниманія, и я ед-
ва могъ дождашься минушы, когда Гра-
ціи друга Гелльриха окружаешъ меня.

Наконецъ часъ насталь. Я чувство-
валь, что сердцу моему было шеперь
шакже легко, какъ прежде шяжело, и
ошправился въ пушь, насвиспывая пѣ-
сенку. Едва шемное воспоминаніе объ
Анюшѣ и о живописцѣ вершѣлось въ го-
ловѣ моей.

То, что я нашель у Гелльриха, дале-
ко превзошло мое ожиданіе. Въ самомъ
дѣлѣ увидѣль я пушь всѣ цвѣшы сама-
го полного и лучшаго цвѣшника, ошъ
скромной фіалки до величешвенной ро-
зы. Даже и въ бездушныхъ ранункуляхъ
не было недостатка: онѣ плѣняли глазъ
свѣжешью своихъ красокъ, между шемъ,
какъ лучшіе цвѣшы приводили въ замѣ-
шашельство сердце, желавшее выбрашь
себѣ одинъ изъ нихъ.

Вообще здѣсь былъ совсемъ другой
родъ обхожденія, нежели въ домѣ Гель-
дена. Все дышало радостію и веселіемъ,

на всѣхъ лицахъ написано было удовольствіе. Даже самое шепшанье и лепшанье между дѣвушками, хопя и показывало излишнюю свободу въ обращеніи, но имѣло свою пріятность.

“Ну? „ шепнулъ мнѣ мимоходомъ Гелльрихъ, довольный самимъ собою. Я поблагодарилъ его пошохоньку и сказалъ, что никогда еще не видалъ такого собранія красавиць. “Выбирай же, подлѣ копорой хочешь ты сидѣшь за сшоломъ? „ спросилъ онъ. Подумавъ немного, указалъ я ему одну прелестную блондину, о копорой случайно узналъ, что и она въ шощъ день приглашена къ Гельдену на именины. Это было мнѣ шемъ пріятнѣе, что познакомясь такимъ образомъ съ прелестною Юлією Нейеръ, особеннымъ вниманіемъ моимъ къ ней могъ вечеромъ чрезвычайно досадить Аніюшъ.

Гелльрихъ сдѣлалъ такъ, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ доспалось сидѣшь подлѣ Юліи. Унасъ начался разговоръ и скоро мы познакомились. Зная, что я почти безвыходно бываю у Гельдена, вздумала она подшучивать надъ привязанностью

моею къ Анюшѣ. Я опвѣчалъ, что сегодня вечеромъ она сама убѣдился въ несправедливости своего мнѣнія, и сказалъ ей шутя, будто знаю что-то и про нее. Она оправдывалась весьма естественнымъ и съ большимъ благородствомъ. Шутка за шуткою, наконецъ я осмѣлился пожать ей ручку; она бросила на меня пронцапельный взглядъ, а хозяинъ въ ту же минушу явился съ полною рюмкою за моимъ спуломъ.

“Ваше здоровье!”, вскричалъ онъ, и я замѣнилъ, что такая же точно краска, какая въ это мгновеніе покрыла мое лице, высупила и на щекахъ Юліи.

“Не правда ли?”, спросилъ насъ Гелльрихъ пошохоньку. “Сегодня вечеромъ опять будете вы сосѣди за спуломъ?”,

— По крайней мѣрѣ я съ моей стороны употреблю къ этому все стараніе — опвѣчалъ я.

“А мнѣ очень приятно будете, если стараніе ваше не останешся безъ успѣха. — присовокупила Юлія.

Изо всего этого увидишь чиншпель что я съ дѣвицею Нейеръ успѣлъ позна-

комишься сколько, сколько можно было это сделать в продолжение обѣда.

“Жаль!”, сказала она мнѣ, когда вспали изъ заспола: “очень жаль, что и такіе прекраснѣйшіе дни, каковы нынѣшній, не проходяшь безъ пучь!”,

— Какъ это? — спросилъ я, не замѣчая ни на небѣ, ни въ обществѣ ничего подобнаго.

“Посмотрите только на Форшпейстера Гейзера, когда онъ опять сюда войдетъ. Между темъ, какъ всѣ мы веселились и хохотали, одинъ только онъ сидѣлъ нахмурясь и не говорилъ ни слова. Не знаешь, право, что подумаешь объ этомъ человѣкѣ, который такъ мало чувствителенъ ко всеобщей радости. По крайней мѣрѣ я съ своей стороны никогда бы не могла имѣть къ нему довѣренности.,”

— Любезная Юлія! — сказалъ я. Имя ея съ этимъ прилагательнымъ сорвалось у меня съ языка прежде, нежели я опомнился, и я спѣю не раскаивался въ томъ, видя, что она сама не сердится; напрошивъ считалъ это вдох-

новеніемъ добраго моего Генія — всякой догадаешся, что послѣ разговора нашего за споломъ, въ самомъ дѣлѣ начиналъ я спановишься къ ней неравнодушнымъ. Ишакъ я продолжалъ. — Можешь бышь, говоря вообще, вы и правы: у кого въ кругу добрыхъ, искренно веселящихся людей не запрыгаетъ собственное сердце, топъ или не имѣешь никакого, или имѣешь самое дурное, закоренѣвшее въ гнусномъ, зависпливомъ эгоизмѣ. Но эшого, извините меня, нельзя сказать о Форшшмейсперѣ Гейзерѣ. Часно видаль я, какъ принималъ онъ сердечное участіе въ веселіи другихъ. Даже сего дня, пока мы не съли еще за споль, былъ онъ очень весель и разговорчивъ. Вѣроятно послѣ того что нибудь его разспроило. Признаюсь, еслибъ не зналъ я его хорошо, то подумалъ бы, что онъ и на меня сердился: всякой разъ, какъ я къ нему обращался, смолрѣлъ онъ на меня изъ подлобья, какъ будто бы мы были смерпельные между собою враги.

“Любезный Миллеръ!,, — опвѣчала дѣвица Нейеръ, и эшо слово: *любезный*, шакъ приятно защекотало въ ухахъ

моихъ, что восхищеніе мое можно было, думаю, читать въ каждой чертѣ прояснившагося лица моего. — “Вы говорите, что знаете этого человѣка хорошо; можете быть и многіе согласны съ вашимъ мнѣніемъ. Но, если мое слово что нибудь у васъ значить, прошу васъ, избѣгайте всякаго съ нимъ обхожденія. Когда мы, какъ надѣюсь, познакомимся короче, расскажу я вамъ одну исторію, которая предшавитъ вамъ Форшмейспера Гейзера совсемъ въ другомъ — въ настоящемъ его видѣ. Да вы и сами замѣтите, когда внимательнѣе посмотрите на него, какую сильную ненависть чувствуешь онъ ко мнѣ. А отъ чего? Отъ того единственно, что по случаю сдѣлались мнѣ извѣстны всѣ гнусные его поступки. Общайте же мнѣ до тѣхъ поръ, пока не расскажу вамъ своей исторіи, избѣгайте всякаго съ нимъ объясненія и разговора. Мнѣ очень больно будетъ, если человѣкъ, котораго я такъ много уважаю и почишаю, какъ васъ, повѣритъ адской клеветѣ и хопя на одну минушу перемѣнитъ обо мнѣ свое мнѣніе.

При сихъ словахъ Форшшмейсперъ показался въ двери. “Объщаете ли вы мнѣ эшо?,” повпорила она.

Какъ мнѣ было не согласиться, особливо когда я замѣпиль, что онъ при входѣ бросиль на нее шакой взглядъ, кошорый при опличномъ мнѣнїи моемъ о нравспвенности Юліи, долженъ былъ дашъ мнѣ совершенно другое объ ней поняшіе. Форшшмейсперъ былъ мнѣ дядя. Не одинъ разъ доказаль онъ привязанность свою ко мнѣ самымъ благороднѣйшимъ образомъ. Всѣ вообще у насъ въ городѣ любили его и уважали. Ишакъ чрезвычайно любопышно было для меня, что будешъ говоришь Юлія о Форшшмейсперѣ. По нѣкошоромъ размышленїи, заключиль я, что причиною вражды ея съ добрымъ моимъ дядею было какое нибудь недоразумѣніе.

Что бы однако же самъ онъ не заговориль со мною, и такимъ образомъ не принудиль меня нарушиць даннаго мною дѣвицѣ Нейеръ обѣщанїя, раскланялся я и ушелъ, въ надеждѣ ужо нечетромъ, въ домѣ Гельдена, наговорисься

безъ всякой помѣхи съ новою моею по-
другою.

Ветеръ.

Еще передъ сумерьками, оспанови-
лась кареша отца моего у крыльца. Я
побѣжалъ къ нему на встрѣчу.

“Очень, очень любопытенъ я видѣлъ
Анюшу Гельденъ, твою нарѣченную!”, ска-
заль онъ, вошедъ въ комнату и снимая
съ себя дорожное плащье.

— Мою нарѣченную! — повспорилъ я,
нѣсколько смѣшавшись. — Вы говорите,
любезнѣйшій батюшка, какъ будто бы
это дѣло было ужъ совсемъ рѣшено. —

“А развѣ нѣтъ?”, возразилъ онъ съ
удивленіемъ. “Мнѣ помнишься, ты пи-
саль, что сегодня хопише вы просишь
родительскаго благословенія?”,

— Да, мы хопѣди! — ошвѣчалъ я со
вздохомъ, и просилъ его убѣдительно
только нынѣшній день не пребовать
опъ меня шому объясненія. Онъ согла-
сился, но сильно покачалъ головою.

— Еще одна просьба, любезный ба-
тюшка! — сказаль я послѣ долгаго мол-

чанія—одна только просьба, и мы переспанемъ говоримъ объ этомъ, пока не возвратимся домой. Кромѣ дочери Совѣтника, увидите вы шамъ одну дѣвушку, на которую прошу обратишь ваше вниманіе. По крайней мѣрѣ та, или другая, надѣюсь, будетъ моею.

Изъ движенія губъ его замѣшилъ я, какъ это было ему неприятно. Да и мудро ли? Уже съ давняго времени въ письмахъ своихъ къ нему забывалъ я часто самое нужное и самое важное, что бы только больше и пространнѣе писать о моей Анюшѣ. Еще за нѣсколько дней передъ шемъ общалъ ему представивъ ее нынѣшній вечеръ, какъ мою невѣсту; а теперь слышишь онъ отъ меня, что моя постоянная и спрассная любовь внезапно получила другое направленіе.

Мы пошли къ Гельдену. Всю дорогу бабюшка молчалъ, и только время отъ времени вырывались у него грустные: “гм! гм!,,

У Гельдена нашли мы много госпей. Юліяны прелестныя голубыя глаза встрѣшили меня при самомъ входѣ. Безпокойство, которое я въ ней замѣшилъ,

безъ сомнѣнія было причиною, что предсѣвая ей опца моего смутился я самъ и нѣсколько разъ запинался.

Къ крайнему удивленію моему открылъ я пеперь и вѣрояпную причину ея безпокойства. Это былъ Форшпмейсперь Гейзеръ, котораго донинѣ никогда не видалъ я въ домѣ Совѣпника. Безъ сомнѣнія пригласили его изъ угожденія моему опцу. Мнѣ пришло въ голову, что Гжа Гельденъ, дни за при передъ шемъ, освѣдомлялась у меня о знакомыхъ опца моего въ нашемъ городкѣ, и я сказала ей, что кромѣ дяди, никого бапюшка здѣсь не знаетъ.

Юлія пришла еще въ большее замѣшательство, когда услышала дружескія привѣпствія, которыми отецъ мой и дядя осыпали другъ друга. Я дала ей замѣшить мое удивленіе. “Какъ могу я быть равнодушною — отвѣчала она — когда въ первѣшемъ врагѣ моемъ вижу друга и даже ближайшаго родспвенника вашего дома? Не должна ли я всякую минушу опасаться гнуснѣйшей съ его стороны клеветы? Если бы вы знали меня короче, тогда бы презирала я эту

клевету; но въ шеперешнемъ моемъ положеніи, когда вы и бапюшка вашъ имѣете такую довѣренность къ этому лицемѣру, должна я всего опасаться ошъ вражды его ко мнѣ.,,

— Не опасайшесь ничего! — сказала я, пронувшій слезами, наворачувшимися на глазахъ ея—если бы осмѣлился онъ клеветашь на васъ, если бы даже и бапюшка повѣрилъ ему—шо довѣренности моей къ вамъ, никто, кромѣ васъ самихъ, разрушить не можетъ.—

Она пожала мнѣ руку нѣжнѣе еще, нежели въ первый разъ, и это лишило меня послѣдняго разсудка. Въ воспоргѣ просилъ я позволенія видѣшь ее у ней въ домѣ, и Юлія отвѣчала, что мое посѣщеніе какъ ей, такъ и теткѣ ея, съ которою она жила, будетъ весьма прилично.

“Но ради Бога! посмотрите—примолвила она — посмотрите на Форшмейстера!.,

Я взглянулъ. Въ самомъ дѣлѣ на лицѣ дяди видно было крайнее неудовольствіе. Разговаривая съ опцемъ моимъ,

не спускалъ онъ глазъ своихъ съ меня и съ дѣвицы Нейеръ.

“Такъ вы уже знакомы другъ съ другомъ?“, спросила Совѣшница, кошорая въ эту минуу подошла къ намъ.

— Съ сегодняшняго упра — опвѣчаль я.

Я горѣлъ неперпѣнїемъ узнать, гдѣ Анюша, пошому что до сихъ поръ она не показывалась; но спросить объ ней не рѣшился. Наконецъ дѣвица Нейеръ вздумала освѣдомишься объ ней у Совѣшницы, и та опвѣчала: “Вошь хорошо! чупъ было я и не забыла просить за нее извиненїя. Къ намъ прїѣхала одна родспвенница, кошорая вдругъ опасно занемогла, и Анюша рѣшилась оспашься сегодня у ней, для присмотря за больною.“

Чистосердечно признаюсь, что эта вѣспь была чрезвычайно для меня неприяшна. Миѣ хотѣлось, что бы она собспвенными своими глазами видѣла новую связь мою съ Юлією. Это было первѣйшимъ моимъ желанїемъ.

“Ипакъ цѣлый вечеръ лишены мы будемъ удовольствїя ее видѣшь?“, продолжала Юлія.

— Если только можно будетъ — опвѣчала мать — то она придетъ на минуточку.

Вѣрно не придетъ! думалъ я самъ въ себѣ. Безъ сомнѣнія дѣлаешь она это для того, чтобы досадить мнѣ, и припомъ насладишься общесѣпвомъ несноснѣйшаго изъ всѣхъ живописцевъ въ свѣтѣ!

Эта мысль такъ огорчила меня, что я вдругъ нахмурился, оставилъ обѣихъ дамъ своихъ и ходилъ скорыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ подошла ко мнѣ Юлія и сказала: “Успокойтесь, любезный Мюллеръ, успокойтесь. Аняша придетъ еще, вѣрно придетъ. Я ее знаю: она медлитъ для того только, чтобы обратиться на себя больше вниманія.”

— О! по мнѣ, пусть пожалуй она не приходитъ! — вскричалъ я такъ громко и съ такою досадою, что Софьяшница услышала это и сказала:

“Если вы говорите про мою дочь, Господинъ Мюллеръ, то дѣлаете ей большую несправедливостъ. Зная ее коротко, можете вы судить, что безъ важ-

ной причины вѣрно не сдѣлала бы она такой неучливости, и сегодня, въ день именинъ ея отца была бы дома.

Я опомнился и почувствовалъ всю глупость своего поступка. Пошь крупными каплями выступилъ у меня на лбу. Что оставалось мнѣ дѣлать, какъ не поправить ложью мою неосторожность? Я увѣрялъ хозяйку, будто рѣчь шла вовсе не объ Анюшѣ; Совѣшница замолчала, но, казалось, не повѣрила словамъ моимъ.

Лишь только ушла она отъ насъ, я и забылъ обо всемъ. Разговоръ мой съ Юліею снановился часъ отъ часу интереснѣе. Вдругъ она оставила меня и пошла поспѣшно въ ближнюю комнату. Прежде, нежели успѣлъ я открыть причину столь скорого ея отъ меня удаленія, увидѣлъ перчатку, копорую она обронила. Въ ту же минушу поднялъ я эту перчатку. Она могла служить мнѣ предлогомъ, къ посѣщенію на другой день Юліи въ ея домъ.

Только что кошѣлъ я спряташь мою находку, какъ подошелъ ко мнѣ Форшшмейсперъ Гейзеръ,

“Такія драгоцѣнности, любезный племянникъ — сказала онъ мнѣ — надобно сберегать какъ можно лучше. Ксташи случилась у меня бумажка, въ которую можешь ты завернуть свою перчатку. Возьми ее. Можетъ бышь и самое содержаніе этого письма будетъ для тебя не безъ интереса, а потому предоставляю тебѣ сдѣлать изъ него употребленіе, какое заблагоразсудишь.,”

“Оспавъ это шецерь!., — продолжалъ онъ, замѣтивъ, что я хочу прочесть данное имъ мнѣ письмо. “На это будетъ еще время и послѣ!., Я завернулъ перчатку въ письмо и не опвѣчалъ ему ничего, чтобъ окончить съ нимъ мой разговоръ прежде, нежели возвратишься Юлія.

Я подошеть къ дверямъ комнашы, въ которую она удалилась, и вдругъ выходитъ опшуда Юлія съ Анюшою, рука въ руку.

При первомъ взглядѣ на Анюшу, съ такимъ нешерпѣніемъ ожиданную мною, измѣнилъ я своему равнодушію, съ которымъ хошѣлъ ее вспѣрѣшить. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было поду-

машь, что бы съ такимъ яснымъ взоромъ, съ такою чистосердечною улыбкою, съ такимъ непришворнымъ спокойствіемъ на всемъ лицѣ, Анюпа была въпренная и непоспоянная дѣвушка?

“Анюпа!”, воскликнулъ я, пораженный внезапнымъ ея появленіемъ и выраженіемъ чистѣйшей невинности во всей ея осанкѣ, схватилъ ея руку и пожалъ такъ сильно, что она опняла ее, а Юлія взглянула на меня съ улыбкою удивленія.

Но на эту улыбку не посмопрѣлъ бы я; если бы въ ту же минуту не пришелъ мнѣ на мысль живописецъ, и то, что сегодня видѣлъ я самъ своими глазами. Такъ она все таки въроломная обманщица, думалъ я самъ въ себѣ, и счастье мое было, что въ эту минуту окружила ее толпа дѣвушекъ и женщинъ, копорья съ нею здоровались; иначе легко бы я сдѣлалъ какое нибудь дурачество въ другой разъ.

“Ну! шеперь опопригесь еще!”, сказала дѣвица Нейеръ, погрозивъ мнѣ пальцомъ.

— Ахъ! клянусь вамъ, эшо вырвалось.

у меня противъ воли. Когда завтра расскажу вамъ, какъ я любилъ Анюту, по вы легко себѣ представите, сколь шрудно мнѣ предохранить себя отъ перваго движенія при взглядѣ на эту вѣроломную. Теперь разсудокъ мой возвратился, и я не знаю: долженъ ли я во всемъ отчаяваться, или могу еще чего нибудь надѣяться.

“Любезный Мюллеръ!”, сказала Юлія, взявъ пихонько мою руку и выпустивъ ее поспѣху: “при вашемъ несчастіи нужна рука друга. Охошно представляю вамъ мою. Икакъ завтра мы увидимся?”

— Завтра поутру я буду у васъ.—

Въ самомъ дѣлѣ сообщенію Юліи въ этотъ день было для меня истиннымъ счастьемъ. Не заботясь о томъ, что безпрестанные разговоры мои съ нею, удаленіе отъ прочихъ госпдей обратили на себя всеобщее вниманіе, радовался я, что достигъ своей цѣли и показывалъ Анютѣ, какъ мало занимаюсь ею.

“Мнѣ пришло теперь на мысль — сказала дѣвица Нейеръ — состоишься ли нашъ проэкшъ, сидѣшь вмѣстѣ за ужиномъ?”

— Не заботьтесь, я не забуду о
 помъ, и буду все около васъ, когда пой-
 ду къ сполу. —

“Тогда будешь это уже поздно —
 опвѣчала она. Развѣ вы не видите, что
 дѣлаеши въ споловой?„

— Проспите меня, я очень бли-
 зорукъ, и не вижу. Чтожъ такое шамъ
 дѣлаеши? —

“Сей часъ раскладываюшъ билеты на
 каждый приборъ, кому гдѣ сидѣть. По-
 стойте, я посмотрю кого назначаюшъ
 вамъ сосѣдкою„

Юлія пошла и возвращаясь, испугала
 меня извѣстіемъ, что не ей досаеши
 сидѣть подлѣ меня.

— Такъ я пойду и переминю. —

“Это будешь не прилично, пошому
 что подлѣ васъ, какъ и слѣдовало, назна-
 чено мѣсто хозяйской дочери„

Это было для меня вдвое досаднѣе.
 Впервыхъ долженъ я былъ лишиться
 споль желаемого сосѣдства Юліи, а во
 вторыхъ не предполагалъ въ себѣ до-
 вольно швердосши, безъ нарушенія на-
 ружной приспойности, просидѣть
 сполько времени подлѣ Анюшы.

— Проклятое распоряженіе! — вскричала я съ досадою.

“Ну, ну, не проклинайше прежде времени! сказала Юлія улыбаясь. — Какъ знашь! Можешъ бышь, послѣ ужина будете вы благодарны этому распоряженію. Можно ли найши лучшій случай къ примиренію?,,

Но я былъ шакъ разсержень, что не отвѣчала ей на шо ни слова. Между темъ Юлія смошрѣла, не спуская глазъ, въ столовую и вдругъ сказала:

“Тенерь сдѣлали какую-шо перемѣну. Тамъ была Анюша и переложила нѣкоторыя билеты. Пойду сей часъ посмотрѣшь.,,

Она пошла шуда и вскорѣ возвратилась назадъ съ извѣстіемъ, что Анюша, вмѣсто своего билета, положила подлѣ моего мѣста Юліинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказала я поспѣшно; но — о непостоянство желаній человѣческихъ! — въ словахъ моихъ ошнудь не было замѣшно радости, или удовольствія; напрошивъ я шакъ обнаружилъ при семъ случаѣ свою досаду, что Юлія разсердилась, и много шуда спо-

ило мнѣ успокоить ее. Даже и за столомъ не могъ я преодолѣть своего неудовольствія, и былъ такъ скученъ, такъ молчаливъ, что многіе, къ величайшей моей досадѣ, спрашивали меня: здоровъ ли я?

Ахъ! что было мнѣ отвѣчать на такіе вопросы? Эти спѣны такъ часто были свидѣтельницами совершеннаго моего счастія. Каждой уголь, каждое мѣсто напоминали мнѣ о прелести прошедшаго, никогда невозвратимаго времени. И припомъ волшебница, ошъ которой зависѣло благополучіе всей будущей моей жизни, и которая такъ безразсудно принесла его на жертву своему щеславію, сидѣла ошъ меня недалеко, и съ такою наружною невинностью, что я, признаюсь, нѣсколько разъ хотѣлъ сомнѣваться въ томъ, что видѣлъ недавно собственными своими глазами.

Что бы однако же не оскорбить дѣвицу Нейеръ, долженъ я былъ дѣлать себѣ насиліе и оспанавливать взоры свои, которые при каждомъ звукѣ изъ устъ Анюшы, невольно къ ней обраща-

лись. Къ счастію моему, она не долго оставалась за' столомъ, и вдругъ непримѣнно скрылась.

Съ этой минутой легче мнѣ было занимать свою сосѣдку; но она вскорѣ сказала мнѣ, что чувствуешь себя весьма нездоровою, и я рѣшился проводить ее домой. Опца моего, какъ я теперь только замѣнилъ, также уже не было.

“Мнѣ такъ дурно, что я боюсь за-немочь”, сказала Юлія, когда мы, послѣ длиннаго и довольно молчаливаго перехода, приближались къ ея дому.

Мысль, что можешь быть причиною тому мое невольное невниманіе, поразила меня при сихъ словахъ. Въ душѣ моей происходила странная борьба между Анюшою и Юліею; въ послѣдней думалъ я отдать первенство невинности, и попому сказалъ:

— Такой день, какъ нынѣшній, не можешь быть началомъ какого нибудь несчастія. По крайней мѣрѣ я надѣюсь опъ него счастія всей моей жизни. —

“Что вы подъ этимъ разумѣете?,” — спросила она, и мнѣ показалось, что я сказалъ слишкомъ много и вмѣстѣ слишкомъ мало.

— Опвѣшомъ оспанусь вамъ долженъ до завпрашняго упра. —

“Итакъ вы непременно придете?,” сказала она, какъ будто сомнѣваясь.

— Непременно! —

“Даже и въ такомъ случаѣ, когда клевета Форшшмейстера успѣла уже опврапитъ опъ меня сердце вашего башюшки?,”

— Даже и тогда. Я уже сказалъ вамъ, что только вы однѣ въ соспояніи разрушитъ мое къ вамъ довѣріе. —

Если бы въ эту минупу не сошла ея горничная со свѣчею, то безъ всякаго сомнѣнія минупа разлуки была бы запечатлѣна первымъ поцѣлуемъ.

Можетъ бытъ то, что я не получилъ этого поцѣлуя, и сдѣлало меня такъ недовольнымъ. По крайней мѣрѣ знаю, что возвращаясь домой, я былъ недоволенъ и недоволенъ въ высочайшей сщепени.

(Окончаніе въ слѣд. №)

~~~~~

Шарада, помѣщенная въ ХХІХ № значить: *хвор - остѣ*.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ,

1822. N° XXXI.

ЖАРКІЙ ДЕНЬ. ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе.)

Н о т б.

Споловые часы мои ударили двѣнадцать, когда я вошелъ въ комнату. Отецъ мой сидѣлъ, раздѣвшись, и набивалъ себѣ шрубку.

“Что это, башюшка?,” — спросилъ я его — “вы прошивъ обыкновенія вашего хошите курить такъ поздно?,”

— Напрощивъ — отвѣчалъ онъ — я обыкновенно курю, когда не надѣюсь скоро заснуть, —

“Не надѣнешь скоро заснуть? Да не вы ли по приѣздѣ сказали мнѣ, что чувствуете сильную усталость, и готовы хоть шпцерь же лечь въ постелью?,”

— Тогда мысли мои были совершенно спокойны. Но послѣ того столько имѣлъ я неприятностей, — огорченій, что никакъ не могу еще успокоиться. —

“Чтожь это такое, любезнѣйшій бапюшка?,, спросиль я его съ живѣйшимъ участіемъ.

Тутъ взялъ онъ меня за руку и сказалъ :

— Когда сынъ, кошораго сердечно любишь, рѣшится избрать себѣ dospoйную супругу, и вдругъ, безъ всякой основательной причины, оставяетъ ее и...обращаешься къ...къ другой... по не долженъ ли отецъ эшимъ огорчаться?—

“Любезнѣйшій бапюшка!,, воскликнулъ я, и рассказалъ ему все, что случилось со мною и съ Анюпою въ послѣдніе эши дни, спараясь оправдать чрезъ шо себя въ его мѣсляхъ.

Онъ покачалъ головою и сказалъ :

— Увѣренъ ли ты, что нѣмые разговоры Анюшы, поклоны и посѣщеніе въ домѣ, гдѣ живешь живописецъ, относились почно къ нему, а не къ кому либо другому?—

“Увѣренъ какъ въ шомъ, что говорю шеперь съ вами. У ней нѣшь другихъ знакомыхъ въ эшомъ домѣ.,,

—Нѣшь другихъ знакомыхъ? А если я тебѣ скажу, что я сей часъ самъ былъ

съ нею въ эпомъ домѣ у больной ихъ родственницы, которая прешьяго дня приѣхала и живетъ съ машерью во второмъ этажѣ.—

“Боже! не уже ли это правда?,”

— Не уже ли ты не вѣришь словамъ моимъ? Или я, проживши столько лѣтъ на свѣтѣ, вовсе не знаю людей, или эта дѣвушка выше всякаго подозрѣнія. Да и дядя швой, кошорый, какъ ты знаешь, съ перваго раза видишь всякаго челоуѣка насквозь, наговорилъ мнѣ объ ней столько хорошаго, что я нимало не сомнѣваюсь въ швоей ошибкѣ.—

“Вамъ, башюшка, повѣрю я больше, нежели дядюшкѣ. Признаюсь, не могу имѣть къ нему шеперь такой неограниченной довѣренности, какъ прежде.”—

— А! а! вѣрояшно дѣвица Нейеръ... —

“Предупредила меня прошивъ него. Вы угадали.”,

— А по какой причинѣ?

“Это, надѣюсь, узнаешь ошъ нее на сихъ же дняхъ.”,

— Объясненіе всему эшому вѣрояшно найдешь ты въ письмѣ, кошорое Форшшмейстеръ далъ шебѣ для оберш-

ки, помнишься, перчатки. Къ крайнему своему удивленію замѣшилъ онъ сегодня за обѣдомъ раждающуюся связь между шобою и Юлією; а потому, собираясь вечеромъ къ Гельдену, съ намѣреніемъ положилъ въ карманъ это письмо, писанное недавно ею къ развращенному его воспитаннику. —

При сихъ словахъ вынулъ я изъ кармана письмо, развернулъ и нашель, что въ немъ между прочимъ упоминалось о приятныхъ часахъ, проведенныхъ вмѣстѣ, о желаніи скорѣйшаго свиданія, словомъ: это было письмо сираспной любовницы къ счастливому любовнику.

“Но точно ли это рука Юліи?“, спросилъ я въ изумленіи и негодованіи.

—Фуй, Томасъ!—сказалъ отецъ мой — Уже ли ты можешь подозрѣвать честнаго и благороднаго своего дядю! Припомъ же онъ разсказалъ мнѣ все это дѣло съ такою подробностію, что не остаешься шупь нималяйшаго сомнѣнія. —

Съ чувствомъ благодарности и спыда бросился я къ отцу моему на шею. Онъ говорилъ уже съ Аңюшою обо мнѣ;

онъ видѣлъ, какъ горько плакала она
ошъ меня, и далъ мнѣ почувствовать,
что нынѣшняя ночь, которую хотѣла
она провести безъ сна у постели боль-
ной своей подруги, безъ сомнѣнiя бу-
детъ свидѣтельницаю новыхъ горчай-
шихъ слезъ. Анюша будетъ проливать
слезы обо мнѣ! Какъ эта мысль перза-
ла мое сердце!

—Ну! теперь я буду спать и спать
спокойно, видя, что сѣмена мои упали
не на бесплодную землю.—Такъ сказала
онъ, поставилъ въ уголь трубку и легъ
въ постель.

Но для меня не было уже сна. Я от-
ворилъ окно, и, казалось слышалъ вздохи
.... обо мнѣ!

Посидѣвъ нѣсколько времени у окна,
пошелъ я въ свою комнату, легъ въ по-
стель и хотѣлъ заснуть; но сонъ бѣ-
жалъ ошъ меня. Ворочаясь безпреспан-
но съ боку на бокъ, наконецъ я вско-
чилъ, одѣлся и вышелъ изъ дому. Про-
шло нѣсколько минушь, и я споялъ пе-
редъ домомъ Анюшы. Глаза мои успре-
мились на противоположащій домъ, гдѣ
должна была она провести цѣлую ночь

безъ сна, но шамъ все было шихо и покойно, какъ въ могилѣ; шолько прокляшый живописецъ споялъ у окна, освѣщаемаго луною.

Подозрѣніе снова начало меня мучить. Давиче, какъ онъ споялъ на эшомъ же самомъ мѣстѣ, выпуча глаза; Анюша была у своего окна и опперлась, что видѣла живописца! Анюша, у кошорой такіе оспрые, зоркіе глаза, не могла будшо видѣшь его черезъ улицу! О какъ сожалѣлъ я, что рассказывая бапюшкѣ о своихъ подозрѣніяхъ, позабылъ упомянушь объ эшомъ обстоятельствѣ.

Чемъ больше я думалъ, темъ больше удостовѣрялся въ невѣрности Анюшы, и сомнѣнія мои начинали уже превращаться въ опчаяніе, какъ вдругъ зазвучалъ замокъ на воропахъ ненависшнаго мнѣ дома, опворились воропа, и она, она сама, вышедъ изъ нихъ, перебѣжала черезъ улицу. Въ эшо мгновение на городской башнѣ ударило пять часовъ.

“Анюша! Анюша!”, закричалъ я, пошому что одинъ взглядъ ея упишилъ бурю, свирѣпшвовавшую въ груди моей.

Лице ея было такъ ясно, во взорѣ ея написана была такая невинность, что подозрѣнія мои исчезли въ одну мину-
 шу. Лучше повѣришь споль прелеспи-
 нымъ глазамъ, нежели своимъ собесшвен-
 нымъ.

Откуда вы такъ рано Г. Мюллеръ?
 спросила, она меня съ удивленіемъ.

“Оспавь, милая Анюпа, заклинаю
 шебя, оспавь эпошь ненависпный шонь
 холодной учшивосщи. Чувспвую, что я
 заслужиль его; но умоляю о прощеніи.,,

Она смопрѣла на меня нѣсколько
 минушь, какъ будшо въ нерѣшимосщи,
 что опвѣчашь мнѣ. Между шемъ я раз-
 сказалъ ей, что ревность была един-
 спвенною причиною всѣхъ моихъ глу-
 посшей, что ошець мой и Форшшмей-
 сперь спасли меня опъ погибели, и
 что безнокойспво, шоска, овладѣвшія
 мною, выгнали меня изъ дому и завели
 сюда.

При сихъ словахъ я схватиль ея
 руку; она склонила голову свою на мою
 грудь.

“у насъ есть свидѣпель Анюпа!.,,
 сказалъ я. Она опскочила опъ меня и

щеки ея покрылись пурпуровымъ румянцемъ.

— Кто свидѣтель? Гдѣ? спросила она съ помуцленными глазами.

“Тамъ у окошка.,,

Я показаль на окно живописца.

— Никого не вижу — опвѣчала она, бросивъ шуда взоръ украдкою.

“А живописецъ, который на насъ смошришь?.,

— Какой живописецъ! Это портретъ его, который недавно онъ кончилъ и поставилъ на окно, вѣроятно для того, чшобъ просушить. Онъ стоишь шуть ужъ нѣсколько дней —

“Портретъ его?., — сказалъ я просяжно, и такъ обрадовался этому, чшо самому мнѣ смѣшно спало, когда я вообразилъ себѣ, сколько горести и радости надѣлаль мнѣ портретъ ненавистнаго для меня человѣка.

“О мои глаза! худые глаза мои!., продолжалъ я. — “Все мое несчастіе, всѣ неприяшности, которыя надѣлаль я самъ себѣ и шебѣ, все это произошло не опъ чего другаго, какъ опъ ихъ слѣдш пошы!.,

Анюша улыбнулась и сказала, что живописецъ нѣсколько уже дней тому назадъ уѣхалъ за городъ и еще не возвращался.

Только успѣла она сказать это, какъ нарочно появился при въздѣ въ улицу живописецъ верхомъ, на той самой лошади, на которой при мнѣ, въ прошедшее воскресенье, выѣхалъ онъ за городъ.

Хотя онъ увидѣлъ насъ и разговоръ нашъ на улицѣ въ такое время долженъ былъ показаться ему страннымъ, но не говоря ни слова, снялъ онъ только свою шляпу, и выѣхалъ къ себѣ на дворъ. Это удивило меня, потому что въ подобныхъ случаяхъ всегда бывалъ онъ словоохотенъ.

“Надѣюсь, что и впередъ будешь онъ также молчаливъ, сказала Анюша, услышавъ о томъ отъ меня. — “Послѣдній разъ, какъ онъ безъ просьбы моей провожалъ меня домой изъ театра, я слишкомъ ясно дала ему почувствовать, что не могу терпѣть такихъ безопытныхъ людей.,,

Съ каждымъ словомъ ея открыва-

лось мнѣ яснѣе и яснѣе, сколь много виновата я передъ нею. “Проси меня!”, воскликнулъ я опять: только на сей разъ проси меня, дорогая Анюша! Впередъ никогда, никогда больше не буду я вѣрять плохимъ глазамъ своимъ, но всегда своему доброму, превосходному сердцу.,,

— А что скажетъ дѣвица Нейеръ?— примолвила она, улыбаясь.

“О! не наказывай меня болѣе: я уже и такъ слишкомъ жестоко наказанъ!”, отвѣчалъ я, и рассказалъ ей опкровенно, все, что произошло между мною и Юлією, присовокупя къ тому, что какъ скоро наступитъ день, отправлю къ ней ея перчатку, завернутую въ извѣстномъ письмѣ, съ вопросомъ: “согласна ли она при такихъ обстоятельствахъ уволить меня отъ личнаго посѣщенія.,—Молчаніе ея будетъ для меня утвердительнымъ отвѣтомъ.—

Излишнимъ нахожу упоминашь о томъ, что дѣвица Нейеръ не сдѣлала мнѣ никакого отвѣта; а скажу только, что эшотъ день считаю самымъ замѣчательнымъ во всей моей незначитель-

ной жизни, пошому чшо подозрѣніе, которое доселѣ непрерывно меня мучило, истреблено было совершенно увѣренностію въ любви и вѣрности, и что сіи послѣднія помогли мнѣ спокойно и счастливо проходить пернистую и часто скользкую сшею жизни.

Сѣ Нѣм. Я. Волжанинѣ.

~~~~~

КРИТИКА.

Статья изъ газетѣ, или женихѣ въ книжной лавкѣ Анекдотическая Комедія—Водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. Арапова. Въ типографіи Имп. Театровъ.

Извѣстно многимъ, что лѣтъ за пятнадцать (болѣе, или менѣе; но дѣло не въ Хронологіи) одинъ приѣзжій въ Москву, находясь въ крайности, не имѣя ни знакомыхъ, ни мѣста, ни способвъ жить, вздумалъ обратитъ на себя вниманіе Публики спранныстію. Онъ напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ,

что желаешь женишься, и предложивъ условія, на копорыхъ согласенъ выбратьъ себѣ невѣсту, объявилъ, что его можно видѣть каждый день въ извѣстное время въ одной изъ книжныхъ лавокъ. После такой публикаціи множеству любопытныхъ обратилось въ книжную лавку. Приѣзжали дамы, хорошей фамиліи и даже съ дочерьми; но разумѣется не для сватанья; а посмопрѣшь на чудака, копорый доспигъ своей цѣли. Всякой хотѣлъ видѣть его. Надъ нимъ смѣялись; онъ и самъ шушилъ забавно, а этого и довольно было, чтобы вся Москва говорила о немъ. Его приглашали изъ дома въ домъ, звали съ обѣда на обѣдъ; онъ былъ вездѣ угощаемъ, и при помощи новыхъ знакомствъ успѣлъ поправить свое состояніе.

Вашъ происшествіе, копорое подадо мысль къ сочиненію Водевиля: *Статья изъ Газетъ*. Въ предисловіи къ сей піесѣ Сочинитель даетъ знать, что онъ не имѣлъ случая видѣть сего (неуграннаго) Водевиля въ представленіи, и что онъ никогда не рѣшился бы напечатать сей піесы, и напечаталъ для того, чтобы

всѣ видѣли, что онъ вывелъ Анекдотъ позволительный и сохранилъ все приличие.

Какъ же удивятся чипашели, когда послѣ сего поржеспвеннаго объявленія узнають, въ чемъ Авторъ полагалъ *все приличие!* Повѣряютъ ли, что у него выведены три дѣвицы, изъ копорыхъ одна приѣзжаетъ, другую привозятъ, а третью прибѣгаютъ въ книжную лавку, съ намѣреніемъ *поскорѣй выдти за мужъ*; что одна изъ нихъ (пятидесяти лѣтъ) шакъ поронишся, что принуждаешь незнакомаго ей человека пошчасъ же дать согласіе женишся на ней — подъ предлогомъ, что ей *пора ѣхать*, и что ее *ждетъ въ каретѣ одна знакомая*; другая, копорую вызываетъ изъ кареты книгопродавецъ, появляясь на сцену, объявляешь, что она

— неразборчива ни мало,

И за мужъ вышла бы пошчасъ...

Что-все приятнѣе вдвоемъ...

Что-ей понравился одинъ,

Хотя не фениксъ, изъ мужчинъ...

А третія, дѣвочка, убѣжавъ изъ Пансіона, между шемъ, какъ Мадамъ ея засну-

ла, рекомендуешь себя въ книжной лавкѣ, и просишь женишься на ней — черезъ годъ.

Послѣ этого, должно ли удивляться содержанию сей Комедіи - Водевиль, которое заключается въ слѣдующемъ:

Ульминскій, богатый человекъ, презирающій женщинъ, приѣзжаетъ въ Москву откуда то за 500 верстъ публиковать себя въ газетахъ женихомъ въ книжной лавкѣ, что значить по словамъ его: *дать добрый урокъ женщинамъ*, которыхъ ему приятно дурачить; однакожь презрѣвъ милыхъ красавицъ, какъ говоришь онъ, сознается, что желаетъ, чтобъ *какая нибудь красотка выбрала его своимъ рыцаремъ*.— Племянникъ его Викторъ, человекъ служившій въ Арміи, вышедшій уже въ отставку, и все еще находящійся подъ опекой, приѣхалъ въ Москву на другой день публикацій, чтобъ проникнуть въ сумасбродное намѣреніе дяди. Не заспавъ въ книжной лавкѣ ни дяди, ни книгопродавца, онъ самъ выдаетъ себя за жениха, предъ *Согинителемъ*, *Азиновителемъ*, который неизвѣстно почему осмался сидѣть въ книжной лав-

къ вмѣсто книгопродавца.—Приѣзжаетъ Бригадирская дочь дѣвица *Сурмина*, и войдя въ лавку, жалуется, что она дѣвица, а считая Викшора за жениха, проситъ его жениться на ней. Викшоръ ей оповѣчаетъ насмѣшками: *то она подняла цѣлую лавку*, что ей мало въ годъ его доходовъ—на цѣты. Она въ сердцахъ кричитъ: *карету!* и уходитъ гремя, что выйдешь на зло ему, за богата, за Генерала.—Викшоръ видится съ дядей, и съ перваго слова проситъ позволенія жениться, но на комъ еще неизвѣстно. Дядя и опекунъ великъ ему молчать, говоритъ, что *невѣста* его еще не родилась, совѣтуешь опложишь свадьбу на три года; *позвольте мнѣ понимать столько, то вы теловѣкъ молодой*, и пр. Викшоръ возражаетъ, что *время не ждетъ*. Между шемъ Сурмина приѣхавъ въ исперикъ домой, узнаетъ, что настоящій женихъ не былъ въ книжной лавкѣ, посылаетъ *Макарку* развѣдать, кто могъ оскорбить ее, приѣзжаетъ снова въ лавку, рекомендоваться Ульминскому, привозитъ бѣдную сироту, которую завезла къ ней Графиня Звонкина. Эша

сирота, являющаяся въ послѣдней сценѣ, выходишь шестнадцатилѣтняя Нашаша, въ кофору Викпору будпо бы влюбленъ при года, и о кофору по-видимому не думаль, приѣхавъ въ Москву совсемъ не для нее. За по бѣдная сиротка не успѣла войти въ книжную лавку, какъ обнаруживаешь нетерпѣніе свое выди немедлѣнно замужъ. Дядя Викпора лишь только посмопрѣль на сироту, несмотря на то, что и слышалъ не хошѣль о женишбѣ Викпора, самъ *совѣтуетъ* ему на ней женишья, вѣроятно плѣнясь любезною ея скромностію. Нашаша сказавъ, что *дѣвушкѣне должно торопиться выходить за мужъ* прибавляетъ, что она

Вышлабъ замужъ непременно,
Не только завтра, *хоть сей часъ!*

Правда, что она это *поетъ*, однакожъ, кажешся, нѣтъ въ правилахъ *Водевиля*, или *Комедии-Водевиля*, чтобъ дѣйствующіе лица *въ пѣніи* прошиворѣчили по-му, что говоряшь *въ прозѣ*. Но нужна была развязка, нужна была какая нибудь свадьба, и еслибъ Нашаша не по-

доспѣла въ каретѣ къ послѣднему явленію піэсы, то и піэса бы распроилась, попому что Авшору не хотѣлось женишь на Сурминой ни Ульминскаго, ни Викшора, а пансіонерка *Машинька*, копорая на минушу прибѣжала изъ Пансіона во время сна своей Мадамы, хотя и очень желала бы выдши за мужъ, но за крашкоспію времени и за молодоспію ея лѣпъ дѣло разошлось. Нашашу же Авшоръ шарался предспавить спыдливою, какъ должно, и попому она говоришь: что *не должно дѣвушкѣ торопиться выходить за мужъ*; но какъ съ шемъ вмѣспѣ нужно, чтообъ піэса кончилась *свадьбою*, или по крайней мѣрѣ *сговоромъ*, но Авшоръ и счель за приличное, чтообъ Нашаша шупъ же рѣшилась выдши за мужъ —

непрелѣнно,

Не только завтра, хоть сей часъ!

Ульминскій ни на комъ не женился, и дѣлаешъ сюрпризь зришелямъ, говоря: *сб того вы взяли, то я женюсь?* Книгопродавецъ хочешъ бросить шорговлю, имѣя въ виду какую-шо выручку ошъ

жениховъ и отъ газетъ, хопя никшо, какъ видно, не приходилъ смотрѣть жениха въ книжной лавкѣ, кромѣ пансіонерки Машицьки и Сурминой. Правда, что Викторъ подманилъ его кошелькомъ; но это только по фантази, и ему такая же была нужда давать деньги книгопродавцу, какъ и бросишь на улицу. — Сурмина проситъ рѣшишь ея участь, но осмается безъ рѣшенія.

Вошь содержаніе сего Водевиля, въ кошоромъ изъ семи дѣйствующихъ лицъ, два совершенно не имѣють участія ни въ завязкѣ, ни въ развязкѣ піэсы—это *Сотцнитель Азиновичъ* и *Пансіонерка Машицька*. Первой очень жалокъ, и неизвѣстно для чего былъ нуженъ. Въ і мѣ явленіи онъ спрашиваетъ: *Воздушные замки* и *Ифигенію въ Авлидѣ*, предлагаетъ книгопродавцу печатать *Драматическій Вѣстникъ*; книгопродавецъ не хочетъ его слушать. Азиновичъ осмается одинъ въ книжной лавкѣ, но являюща Викторъ — и Азиновичъ принявъ его за газетнаго жениха, хвалитъ его намѣреніе, хочетъ ему подражать и уходитъ; появляється еще въ концѣ піэсы,

войдя вмѣстѣ съ Сурминою, пребуешь съ Виктора опчета, и неизвѣстно за что получаешь опъ Сурминой пощечину. Вся его вина была только въ томъ, что онъ ей сказалъ о Викторѣ: *онъ вѣрно хотѣлъ поугиться какъ . . .* и Сурмина не давъ договорить, даешь ему пощечину. Безъ сомнѣнія это дѣлаешь эффектъ; но по припадку ли, или по какому праву Сурмина такъ поспешила съ Азиновичемъ — не объяснено, и повидимому онъ совсемъ незнакомъ ей. Азиновичъ какъ будто и сердился на пощечину, и пропѣвъ *дуетъ* съ Сурминой, опъ боли, или опъ досады оспашся *безъ рвгей* до конца пѣсы. — Должно признахся, что Азиновичъ глухъ, но ему не обидно: всѣ прочіе дѣйствующіе лица пѣсы не умнѣ его.

Пансіонерка Машинька только что мелькнула *въ Водевиль*, прибѣжавъ на одно явленіе. Нельзя и не извинить ее. Она другой годъ какъ въ Пансіонѣ, ушла на минушу посмохрѣшь на жениха, которымъ почищаетъ Виктора, и лишь успѣла попросить его женихся на ней.

Викторъ.

Я молодъ; рано мнѣ женишься.

Машинька.

Но вы мнѣ нравитесь одни.

(Ульминскому.)

А въ васъ, да Боже сохрани,
Чтобъ я могла когда влюбиться!

Ульминскій и Викторъ замѣчаютъ, что это ей непристойно. Книгопродавецъ совѣщаетъ Машинькѣ беречься, чтобъ Мадамъ не узнала.—*Не узнаетъ*, говоритъ Машинька: она легла спать, а если бы и подлинно узнала, чтожъ такое? Она такая добрая.

Ее любить — мой долгъ одинъ,
Она швердитъ всегда бывало,
Что дѣлать глазки безъ притинъ
Мнѣ постороннимъ не пристало.

И признаюсь вамъ, *страсть моя,*
Одни мужины молодые!

Послѣ этого поетъ, обращаясь къ Виктору:

Мнѣ кажется на этотъ разъ,
Я изъяснилася пристойно.

И попомъ сказавъ, что черезъ годъ выйдешь изъ Пансіона, и чтобъ Викторъ до того времени не давалъ никому слова — убѣгаешь. Каковажь Машинька?

Хотя подобныя лица, показывающіяся на *одно явленіе*, нѣсколько похожи на *Китайскія тѣни*; но перо знаменитаго Ганина умѣло придашь прелесть симъ *кратковременнымъ сюрпризамъ*. Извѣстно, что въ его Драмахъ многія дѣйствующія лица показывающіяся на одно явленіе, и можешь бышь, Авшоръ Водевилья: *Статья изъ Газетъ*, имѣль въ виду эти образцы. — Напаша сирота также выведена въ Водевиль на одно явленіе, и припомъ — въ послѣднемъ; но по праву *невѣсты* еще не опоздала. Однакожь Авшоръ и тогда находился въ большомъ затрудненіи вывесшь ее на сцену. Надо было, чтобъ къ Сурминой завезла ее Графиня Звонкина, чтобъ Сурмина потчасъ взяла ее въ книжную лавку, чтобъ Книгопродавецъ вызвалъ ее изъ кареты, гдѣ Сурмина оставила ее сидѣшь. — Да и шущь, еслибъ Напаша шакъ скоро — при незнакомыхъ

и въ книжной лавкѣ, не оказала желанія *тотчасъ же* выдши замужъ, шо еще не было бы сговора и развязки Водевиля.

Не говоря о помѣ, чшо дѣйспвующія лица въ сей пьесѣ *бродятъ и сталкиваются* *), нельзя еще не сказать нѣсколько словъ о пятидесятилѣтней дѣвицѣ Сурминой, знакомой съ Графинями, ѣздящей въ карешѣ, и пр. *Ахъ! сударь*, говоришь она Викпору, входя въ книжную лавку, *вы видите предъ собой дѣвицу и дѣвицу злостастную; попомъ поешъ:*

Прошу невѣспу полюбить,
Я вамъ себя рекомендую:
Меня вамъ лучше не *найтишь*,
Итакъ себя рекомендую!

Къ телу отлагать удовольствіе?
продолжаешъ она; намѣренія мои самыя
чисшыя, самыя чеспныя, самыя непо-

---

*) Напримѣръ, Торговъ (Книгопродавецъ) уходитъ, въ шоже время Викпоръ приходитъ, Торговъ приходитъ, Азиновичъ уходитъ, а въ одной сценѣ Сурмина приѣзжаешъ, и въ шоже время Азиновичъ приходитъ.

рочныя—просишь поспѣшишь рѣшишь-ся.—Опомь же просишь она въ послѣдствіи и Ульминскаго. Вошь сей разговоръ опъ слова до слова:

Ульминскій.

Позвольте узнатьъ, какая вамъ до меня надобность?

Сурмина.

Не имѣвъ чеспи васъ знашь, я вами плѣнилась заочно. Могу ли я льспишьяся?

Ульминскій.

Чемъ сударыня?

Сурмина.

Вы меня понимаете. Жестокій! говорите. Меня дожидаютъ. Еще надобно ѣхать.

Ульминскій.

Такъ поѣзжайте, сударыня, а я между шемъ подулаю.

Сурмина.

Меня ждетъ въ каретѣ одна знаколая ...

Вошь харакшеры, вошь расположеніе
Водевиля: *Статья изъ Газетъ*, Можешъ

бышь нѣкоторыя Сочинители новѣйшихъ Водевильей скажутъ, что въ Водевильѣ не нужно ни характеровъ, ни расположенія; что особенно въ нихъ не должно бышь никакой нравственности, и ничего кромѣ экивоковъ, и безпрестанныхъ намѣшковъ на одинъ *извѣстный* предметъ, копорыя обыкновенно заславляютъ раёкъ помирашь со смѣху, и вызывають громкія рукоплесканія искапелей бульварныхъ приключеній.— Не имѣю охоты спорить.

Оспаривается загадкой, хотѣлъ ли Авторъ сдѣлать похвалу *Ифигеніи въ Авлидѣ* и *Воздушнымъ Замкамъ*, заславивъ Азизовича спрашиваешь сихъ пѣснь, послѣ *Абюфара*, *Пустодоловъ*, и *Сулатохи въ Маскарадѣ*, или хотѣлъ показашь, что они дурны. Если хотѣлъ похвалишь, то неволью вспомнишь Крылова:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣешь взяться...

Жаль, что Авторъ, выводя на сцену *Анекдотъ позволительный*, не имѣлъ случая видѣшь въ представленіи сего *непредставленнаго* Водевиля, копорый онъ на-

печаташь, чтобъ всѣ могли видѣть, что
имъ сохранено все приличіе! —

Д. В. р. с—вб.

~~~~~

АМИНТЪ.

“Она бѣжишь опсель! я грусти сынъ унылый;
Она покинула, какъ сироту, меня;
Ахъ, прилети, Зефиръ опрадный, легко-
крылый,
И принеси съ собой дыханіе ея.

*

Вы, быстры ручейки, шепните Дафнѣ милой,
Что безъ нее краса съ полей, съ долинъ сошла,
Что роща съшуметь, являя видъ поспылой,
И радость на челѣ Аминша умерла.

*

Какой счастливый лугъ цвѣтеть швоимъ
дыханьемъ?
Въ какомъ лѣсу шеперь шсруишся толось
швой?
Гдѣ ты?...а я—одинъ съ шомишельнымъ меч-
таньемъ!
Ахъ! безъ шебя не миль сводъ неба голубой!

*

Судьба! сверши одно, одно мое желанье:
Позволь въ послѣдній разъ мнѣ на нее взгля-
нуть.

А шамъ предай меня на вѣчное спенанье,
Или ошкрой скорѣй къ могилѣ мрачный
пушь...

*

Такъ сѣшоваль Аминшъ: слеза изъ глазъ
кашилась;

Спенаніе его по долу разнеслось,
Завѣсой мрачною окресчность вся покрылась:
“Гдѣ Дафна?“, межъ кусшовъ уныло раздалось...

Г.

~~~~~

КЪ ВАДИМУ.

Когда шебѣ безцѣнна лира,
Играй на ней, Пѣвецъ, играй
Къ опрадѣ, къ услажденью міра;
Но злобою не помрачай!
Ты хочешь, на примѣръ, сшихами
За шо одно бранишь другихъ,
Зачемъ они бранящся сами?
Скажижъ: кшо правъ изъ васъ двоихъ?
Воюй съ порокомъ, или спрасшью
Умомъ и лирою швоей;
Но кшо облекъ шебя сей власшью,
Чшобъ укоряшь въ лицо людей?
Иль хочешь колкой оспрошою
Народу нравишься, Вадимъ?
Насмѣшки любяшь всей душою;

Но самъ насмѣшникъ—нелюбимъ!...
 Ты молодъ, пылокъ и незлобенъ:
 Напрасно время не губи;
 Не привыкай бранишь—люби!
 Ругашель часто не удобенъ
 Къ высокимъ чувствамъ и дѣламъ.
 Онъ будио самъ себя спыдишся,
 Онъ имя подписашь боишся:
 Ругаетъ—и робѣетъ самъ! —
 Такъ, замѣчашь ошибки можно;
 Но громко и открышо пой,
 Не дѣлай ничего подложно
 И благороденъ будь душой.

А. Степановъ.

~~~~~

ПОСЛѢДНІЙ ОБѢТЪ.

Прошу покорно не сердисься!
 Но признаюсь вамъ, я усналь
 Безъ нужды цѣлый годъ поминься!
 Я васъ любилъ и почишалъ!
 Вы дали слово бышь моею—
 Я вамъ дарю его назадъ:
 Наскучилъ мнѣ вашъ маскарадъ;
 И я любовника ливрею
 Тому съ охопою опдамъ,
 Кшо роспомъ, личикомъ, кудрами,
 Прической модною, усами
 Понравинься успѣшь вамъ

Теперь я буду на свободѣ!
 Провинціальный мой кафтанъ,
 Хоть сшишь не по послѣдней модѣ,
 Хоть не понравился для далѣ;
 Однакожь для меня годится.
 И не смѣшно ли цѣлый вѣкъ
 По модѣ чучелой радишься?
 На поль родишься человекъ?
 Я посвящу себя природѣ:
 Мой сельскій домикъ въ огородѣ;
 Кругомъ его луга, цвѣщи—
 Я правѣ лучше не желаю!
 Инакъ прощайте—опъѣзжаю!
 И вамъ послѣдніе листы
 Съ моей любовью посвящаю.

Когдажь случится, можете быти,
 Что вы, наскуча суешами,
 Рѣшишь одного любить,
 Проспясь со всѣми женихами:
 Прошу васъ написать ко мнѣ;
 А я въ воспоргъ, въ восхищенѣ,
 Чпобъ изъяснить души волненѣ,
 Пришлю вамъ *уголекъ въ огнѣ* *).

И. П.

~~~~~

---

*) Полевый цвѣшокъ, называющійся симъ именемъ, имѣетъ почку чернаго цвѣща и кругомъ пунцовыя листки.

Анекдоты.

Лудовикъ XV, посѣпивъ однажды Кадепскій Корпусъ, увидѣлъ шамъ на канцелярскомъ столѣ очки. — «Лучше ли-шо они моихъ?», сказалъ онъ, надѣлъ эти очки, взялъ со стола лежавшую шупъ же бумагу; но едва прочелъ нѣсколько спрокъ, какъ догадался, что и очки и бумага положены были нарочно, пошому что она содержала въ себѣ безмѣрныя ему похвалы. — «Нѣшъ, примолвилъ Монархъ съ улыбкою, мой гораздо лучше. Эти слишкомъ уже увеличивающъ предметы.»

Лудовикъ XIV спросилъ Буало, сколько ему ошъ рѣду лѣшъ? — Я родился, ошвѣчалъ шощъ, годомъ прежде Вашего Величества, что бы возвѣспитъ свѣшу о чудесномъ правленіи вашемъ.—

Мальгербъ, ошобѣдавъ у Прелаша, кошораго столъ несравненно лучше былъ его проповѣдей, заснулъ преспокойно на креслахъ. Одинъ изъ его прияшелей разбудилъ его и сказалъ, что Прелашъ собираешся идиши въ церковь и приглашаешъ шуда всѣхъ своихъ

госпей на проповѣдь. — “Покорнѣйше благодарю, ошвѣчалъ Мальгербъ: здѣсь мнѣ гораздо покойнѣе спать.,,”

Ламошъ въ полпѣ народа, ненарочно наспушилъ на ногу одному молодому челоуѣку, который далъ ему за шо сильную пощечину. — “Напрасно, разгнѣвались шакъ, Милосшивый Государь, сказалъ Ламошъ: *я слѣпъ.*,”

Одинъ богашый Лордъ, при концѣ спола, приказалъ подашь маленькую бушылочку вина и хваспалъ, чшо оно очень спаро. “Какъ вы думаете объ немъ?,” спросилъ онъ напослѣдокъ одного изъ госпей своихъ. — Судя по его лѣшамъ, ошвѣчалъ попъ, кажешся мнѣ оно слишкомъ уже *мало ростомъ.*

Съ Франц. Бердигевскій.

Три купца, приѣхали на ярмонку и ошпановились на одной кварширѣ. Поупрушошли они вмѣстѣ въ рынокъ, ошавя свои шкашулки съ деньгами на сохраненіе хозяйки до ихъ возвращенія. Черезъ нѣсколько времени приѣгаешъ одинъ изъ нихъ, сказыва-

ещь хозяйкѣ, будто прислали его поварищи за деньгами для припоргованныхъ ими поваровъ, берешъ деньги и — скрывается. Вскорѣ приходящъ и поварищи, узнающъ обманъ и обвиняющъ хозяйку въ шомъ, зачѣмъ опдала она шкапулки одному, не дождавшись всѣхъ проихъ, какъ ей было приказано. Дѣло пошло на судъ, всѣ обвиняли хозяйку, и бѣдняжка расплашилась бы своими денежками, еслибъ не помогъ ей (разумѣясь не даромъ) одинъ умный Адвокашъ. — “Милосшивые Государи, сказалъ онъ купцамъ, препензія ваша соспоишъ въ шомъ, чшо хозяйка должна была опдашь вамъ шкапулки, когда бы вы всѣ шрое вмѣспѣ пришли за ними . . .”, — Да, да! опвѣчали прошиеди. — “Очень хорошо; извольше же пожаловашъ шеперь *всѣ трое вмѣстѣ* и получише.” — Да, да! сказали судьи. — Ишакъ хозяйка оправдана? — Да, да! хвала и честь смѣшливому Адвокашу!

Съ Франц. А. Р.

О новолѣ аеролитѣ *).

Близъ одного селенія Нижняго Лангедока, Жювенасъ, или Жюриньасъ, въ Епископствѣ Вивіерскомъ 15 ч. Іюня прошедшаго года упалъ камень, вѣсомъ во 112 килограммовъ (около 225 фунтовъ) съ такимъ ужасомъ шумомъ, что шамошніе жители цѣлую недѣлю не смѣли подойти къ тому мѣсту. Наконецъ пришли они туда. Маршалъ Албуфера прислалъ одинъ изъ шаковыхъ кусковъ въ Парижскую Королевскую Академію наукъ. По разложеніи, учиненномъ первоначально Г. Вокеленемъ и попомъ Г. Ложіеромъ, оказалось, что сей аеролитъ содержалъ въ себѣ: гольщевой земли 40,0 — окисла желѣза 25,5 — глинистой земли 10,4 — извести 9,2 — хрома 1,0 — шальковой земли 0,8 — сѣры 0,5 — кали 0,2 — мѣди 0,1. Опытомъ сѣмъ дознано также, что въ общей массѣ аеролита находилась нѣкоторая часть полеваго шпата (feldspath); по сему-то самому Г. Ложіеръ и приписываетъ такое малое количество окиси вшагося въ ономъ кали. Онъ присоединяетъ къ тому, что, сославъ сего аеролитъ

---

*) Спашья сія доставлена недавно изъ чужихъ краевъ. Издашеть благодарить за оную почтеннаго своего друга И. М. Ф.

ша, по его мнѣнію, совершенно сходенъ съ сосисавомъ атмосферическаго камня, подобнымъ образомъ упавшаго въ окрестностяхъ деревни Луспола въ Финляндіи. — Весьма примѣчательно, что до сего времени ни въ одномъ изъ аеролишовъ, подвергаемыхъ испытанію, не открывалось нисколько николу, и что всѣ они содержатъ въ себѣ: хромъ, малую часть сѣры и шальковой земли, а также довольно значительное количество извести и гольшевой земли. Г. Ложіеръ произведеніемъ сего опыта заслужилъ полную благодарность Парижской Академіи.

Съ Франц. А. Р.

Извѣстіе о новой книгѣ.

Храмъ Благочестія, или избранныя герты изъ житій святыхъ и дѣянія добродѣтельныхъ мужей и женъ, прославившихся въ христіанствѣ. Переводъ съ Французскаго, умноженный многими статьями, избранными изъ отечественной Исторіи. Въ двухъ частяхъ. Москва, въ Ун. тип. 1822, въ малую 8 ку. Въ первой части 224, а во второй 268 стр. При первой части приложенъ фронтисписъ

копорый представляешъ Вѣру, спящую на земномъ шарѣ въ густыхъ облакахъ и держащую одною рукою крестъ, а другою свѣшпильникъ. Вокругъ свѣшпильника, слѣдующая изъ Евангелія надпись: *свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма его не обвятъ.* *)

Примѣры добродѣтелей гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на сердце, нежели самыя лучшія наставленія и разсужденія, и попому всякая книга, содержащая въ себѣ описаніе подвиговъ добродѣтельныхъ и великихъ мужей, несмотря на всѣ недоспашки расположенія и слога, не можетъ не принести пользы. Желательно, что бы книги сего рода не выходили изъ рукъ юношества: впечатлѣнія, получаемыя нами въ юности, даже въ дѣтствѣ, не рѣдко имѣютъ величайшее вліяніе на всю жизнь нашу. Что бы дашь лучшее понятіе какъ о содержаніи, такъ и о переводѣ упоминаемаго нами здѣсь сочиненія: *Храмъ благодетія*, выпишемъ изъ онаго нѣкопорыя спашья.

---

*) Прод. въ *Москвѣ* у Коммиссіонера памощнаго Университера А. С. Ширлева; а въ *С. П. бургѣ* у Коммиссіонера Россійской Академіи В. А. Плавильщикова. Цѣна за 2 часши 10 р.

*Нѣсколько анекдотовъ о Винцентѣ де
Полѣ.*

“Винцентъ де Поль, коего одинъ вышеупомянутый посшупокъ *) могъ бы посшавить выше другихъ челоѡковъ, былъ образцемъ всѣхъ добродѣтелей, украшающихъ родъ челоѡческій; между прочимъ, сколько несчастныхъ обязаны ему облегченіемъ своихъ бѣдствій и даже жизни.,,

“Въ 1639 году, узнавъ, что въ Лопарингіи ужасный голодь производишь опустошенія, онъ нагалб (1) сборы и скоро значительную подалб (2) помощь Лопарингцамъ

---

*) Извѣстно, что сей благочестивый мужъ добровольно зашунилъ въ Марсели мѣсто галернаго невольника, доведеннаго до отчаянія шемъ, что сѣмейство его оставалось безъ пропитанія, и пробылъ тамъ два года. Когда Папа услышалъ о семъ, по невольню воскликнулъ: *Altaria erigantur!* (Да воздвигнущя ему алтари!)

(1) Здѣсь переставилъ бы я слова, ш. е. вмѣсто: онъ нагалб, написалъ бы: нагалб онб. За дѣепригастіелб долженъ слѣдовать сперва глаголб, а потомъ уже мѣстоименіе. По крайней мѣрѣ шакъ я думаю и шакъ пишушь всѣ лучшіе наши прозаики. *Изд.*

(2) Зачемъ здѣсь вспавленъ глаголб между прилагательными и существительными? Не правильнѣе ли было бы написашъ шакъ: и скоро подалб значительную помощь? Прилагательное будешъ подлѣ существительнаго, а глаголб подлѣ нарѣчія.

Сказываютъ, что сумма, въ теченіи года пересланная имъ въ сію провинцію, простиралась до 1.600.000 ливровъ, и сверхъ того у него осталось довольно денегъ для прокормленія множества несчастныхъ разнаго званія, которые оставя свои жилища, повергались въ опеческія его объятія. *Таковы сильны* (3) были его просьбы и шакова была довѣренность, которую онъ внушилъ людямъ, извѣстнымъ своимъ званіемъ и богатствомъ!;

«Онъ *въ сіе же время* (4) нашелъ способъ дѣлать пособія Шампаньи и Пикардіи, войною и бѣдностію доведеннымъ до отчаянія. Туда его стараніями доставлены были хлѣбъ и одежды; дома были поправлены; ремесленники получили нужныя орудія, а женщины прялки и носковъ; онъ также снабдилъ земледѣльцевъ пахотными орудіями и сѣменами для засѣянія полей *своихъ* (5). Долго раздача сія стоила 10, 12 и даже 16 тысячъ ливровъ въ мѣсяць.

---

(3) Надлежало бы сказать: *такъ сильны*, а не *таковы сильны*.

(4) Между мѣстоименіемъ и принадлежащимъ къ оному глаголомъ вставлены четыре слова: *въ сіе же время*. Не лучше ли бы сказать такъ: *въ сіе же*, или *въ то же время онъ нашелъ способъ*.

(5) Не *своихъ*, а *ихъ*, т. е. не Винценша Поля, а земледѣльцовъ.

Винценсъ не только при жизни своей хотѣлъ бытъ оцемъ нуждающихся, но и послѣ смерти своей желалъ имъ оставишь пособія. Онъ учредилъ въ Парижѣ, и во многихъ провинціяхъ поварищесства женъ благочестивыхъ для посѣщенія и подавнн помощи бѣднымъ больнымъ, что и было первымъ основаніемъ (6) *сестръ милосердія*, копорья и нынѣ сущесствуюшь; ему же обязаны учрежденіемъ *Общества милосердія* для подавнн помощи бѣднымъ въ каждомъ приходѣ; *женъ крестодсицѣ*, имѣвшихъ попеченіе о воспитанн дѣвицъ и просто называемаго *женскимѣ*, доставлявшимъ во все главнѣйшія больницы въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ служиселей прилѣжныхъ и внимательныхъ обоого пола; сей же отецъ несчастныхъ учредилъ и руководствовалъ больницы *Милосердія* и *Бисетрскую*.,,

“Дѣши, оставленные въ минушу своего рожденія родиселями злосердыми, или немущими, признали и теперь признаюшь его своимъ избависелемъ въ *учрежденн* (7) для несчастно-рожденныхъ. Множесство сихъ невинныхъ шворенн выспавлялось къ дверямъ церковнымъ, или на площади; нѣкопорья

(6) Здѣсь, кажется, пропущено слово: *ордена*.

(7) Не въ *заведенн* ли?

умирали отъ голода и спужи. Тѣ, копорыя собираемы были полиціей, нѣскольکو позже оканчивали жизнь свою у кормилицъ; ихъ даже продавали, или отдавали желающимъ; и часпо, слѣжа облегченіемъ женщинамъ нездоровымъ, они съ молокомъ ихъ всасывали ядъ, поражавшій ихъ смерщю. Винценшъ просилъ сперва нѣкопорыхъ участницъ своего общесшва милосердія посѣпшиъ несчастныхъ младенцевъ. Зрѣлице сіе, по ожиданію благочесшиваго мужа, не обмануло ихъ; не могли взять къ себѣ всѣхъ, онѣ приняли нѣкопорыхъ. Доброе сіе дѣло распроспранялось по мѣрѣ умноженія способовъ. Наконецъ, когда общесшво, подѣ председапельствоомъ благочесшиваго мужа, *собралось*, рѣшилисъ для опыша *собрать* всѣхъ несчастныхъ младенцевъ. Сіе продолжалось въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ; но какъ число несчастныхъ младенцевъ беспрестанно умножалось, а содержаніе ихъ стоило болѣе 40.000 ливровъ, по жены милосердія лишились пвердостп и объявили, что не въ силахъ поддерживать такіе расходы. Винценшъ бпашъ созвалъ общее собраніе и когда *снесли* (8) въ него часпъ младенцевъ, онъ произнесъ проспранное слово, копорое оканчивалось

---

(8) Внесли, а не снесли.

слѣдующимъ: “Ипакъ, Милосливья Госуда-
 “рыни, милосердіе и соспраданіе заставили
 “васъ дѣшми своими признашь несчастныхъ
 “оставленныхъ младенцовъ; вы были маше-
 “рями ихъ по милосердію въ то время, ког-
 “да матери по плоши ихъ оставили: и вы
 “хошище ихъ оставишь; вы изъ мащерей
 “дѣдаетесь ихъ судіями; жизнь и смерть
 “ихъ въ рукахъ вашихъ. Я буду собирашь
 “голоса и мнѣнія. Время уже произнеспи
 “приговоръ ихъ и узнашь, желаете ли вы
 “еще бышь къ нимъ милосердыми. Они бу-
 “душъ живы, если вы примете о нихъ и-
 “стинное попеченіе; умрушь несомнѣнно,
 “когда вы ихъ оставище. Опышь разрѣшитъ
 “всѣ ваши сомнѣнія.”—Слова сіи и зрѣлище,
 предъ глазами слушательницъ оставленное,
 подкрѣпило прежнія чувства. Съ рыданіями
 всѣ сняли съ себя золото, драгоценности и
 даже часть одежды, и пошчасъ оставился
 капишаль для содержанія на вѣчныя време-
 на сего учрежденія.; (Ч. I. стр. 147—152.)

Не менѣе прогашельныя чершы приве-
 дены здѣсь изъ жизни Женевскаго Епископа
 Франциска де Сались, Лудовика IX Короля
 Французскаго, и пр. Спрашно только, что
 между дѣяніями добродѣтельныхъ мужей и
 женъ, прославившихся въ христіанствѣ, помѣ-
 щены и разсужденія, въпрочемъ весьма хоро-
 шія изъ Массильона, Митрополита Платона

Леванды и пр.—а всего страннѣе то, что шутъ же напечатаны два ошривка изъ прозаической Поэмы Мармонтеля: *Инки, или разрушеніе Перуанской Имперіи*, и не только о добродѣтельномъ Ласъ-Казасѣ, но и о Коршецѣ, какъ онъ освободилъ Мексиканскихъ плѣнниковъ, копорыхъ хощѣли принести въ жертву идоламъ, чего вѣроятно нѣтъ въ жизни Коршеца. — Выборъ и расположеніе въ сей книгѣ могли бы бытъ гораздо лучше. Переводъ не масперской; однако же и не дурень.

Шарада.

Когда нечаянность приводитъ въ удивленье,
Тогда мой *первый* слогъ идешь въ упошреб-
ленье;

А если женщинѣ *вторымъ* случится бышь,
Сшараеся она сей недоспапокъ скрышь.
Но *цѣлое* почши мы всякой день выдаемъ;
Имъ плашье, экипажъ и мебель украшаемъ.

Костявицъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № XXXII.

ЗОМИРЪ И ЗОРА.

Баллада.

“Ахъ! проспи: я ѣду къ бою;
Долгъ меня шуда зовешъ;
Но швой образъ вѣкъ со мною—
Онъ во мнѣ живешъ.

*

Если скоро прекрашися
Пламень бишвы роковой —
То Зомиръ спрѣлой примчися
Къ Зорѣ дорогой.,,

*

Такъ сказавъ, Зомиръ направилъ
Пушь свой въ дальнюю спрану;
Онъ любезную оставилъ
Въ гореспи одну.

*

Рѣзвый конь, какъ вихрь, несешя
Съ нашимъ вишяземъ младымъ;
Пыль клубясь, сполпами вѣшся
По слѣдамъ за нимъ.

*

Онъ въ долину приѣзжаешь;
 Вошь Зомиръ среди полковъ—
 Съ нешерпѣньемъ ожидаешь
     Грянушь на враговъ.

*

Бой насталь—Зомиръ грозою
 Сыплешь громы въ вражій спрой,
 И шрепещущей сппою
     Врагъ бѣжишь шолпой.

*

Смершь и ужасъ шамъ несущся,
 Гдѣ Зомировъ мечъ блеснешъ;
 Всюду рѣки крови льюшся,
     Гдѣ Зомиръ идешъ.

*

Но когда, враговъ сражая,
 Пушь кровавый совершалъ,
 Вдругъ свисшишь спрѣла, сверкая—
     И Зомиръ бы палъ.

*

Смершь уже надъ нимъ парила,
 Мигъ еще—и онъ угасъ.
 Ахъ—Судьба лишь опдалила
     Смерши грозный часъ.

*

Щишь невѣдомой рукою
 Опразиль спрѣлы ударъ

И Зомиръ, спасень Судьбою,
Принялъ жизни даръ.

*

«Кто ты, вишьязь сокровенный,
Разогнавшій вражій спрой?»,
Вопросилъ Зомиръ спасенный
Въ часъ сей роковой.

*¹

Юный рашникъ согласился
Снять съ главы пернашый шлемъ,
И прелесный взоръ открылся
Блещущій огнемъ.

*

«Небо! — Зора!», восклицаешъ
Въ изумленіи Зомиръ,
И въ восторгъ забываешъ
Онъ себя и міръ.

*

О! не сонъ ли полько лесный
Представляешъ образъ швой,
Образъ милый и прелесный
Зоры дорогой?»,

*

—Это я, о другъ мой милой!
Зора вѣрная швоя:
Безъ шебя бы вѣкъ посшлой
Провождала я.

*

Пренебрегши страхъ сраженья,
 Тайно я съ побой была—
 О благое Провидѣнье!
 Жизнь тебѣ спасла.

*

Мой ты нынѣ — Рокъ жестокой
 На съ опятьъ соединилъ :
 Онъ въ душѣ сей одинокой
 Радость поселилъ.

*

И Зомиръ съ своей любезной
 Съединилися навѣкъ,
 Въ тихой радости прелестной
 Прошекалъ ихъ вѣкъ.

*

И блаженство усладило
 Ихъ любовь и красоту,
 И спокойство озарило
 Юную чешу.

Федоръ А . . . сб.

~~~~~

ЦВѢТОЧИКЪ.

Цвѣсточикъ милый! скоро ты
 Едва раскинувшись увянешь,
 И блескомъ прежней красоты
 Гостей эфирныхъ не приманишь.

*

Зефиръ тебѣ не прохладитъ
 И рѣзвый мошелекъ забудетъ;
 Тебѣ роса не освѣжитъ
 И лучъ денницы не пробудитъ.

*

Ахъ! такъ-то—я: пора прошла!
 Меня не веселишь веселье;
 Я въ жизни горести нашла—
 Найду ли что на новоселье?

Катерина Бгорова.

~~~~~

БАСНИ.

1. Гусеница и Муравей.

Ползъ Муравей—и Гусеницу вдругъ
 Находишь онъ сосѣдку:
 Уединившись ошъ подругъ,
 Укрывшись подъ вѣшку,
 Въ забошахъ и шрудахъ
 Плела бѣдняжка сѣшкѣ,
 Какъ водился весной у Гусеницъ въ садахъ.
 Мой Муравей, не справясь съ цѣлю,
 Смѣялся спалъ и ей, и рукодѣлю:
 “Въ умѣль, сосѣдка, шы? Тебѣ мнѣ право
 жаль
 Съ рабошою пущой!”, — и пошацился вдаль,

Обиду, кошь и муравьину,
 Снесшь не легко—но скромница снесла,
 Сама, не помня зла,
 Какъ съшь свою плела,
 Давай опять плесни, зашкалась въ паушину,
 И спала куколкой. Вошь и пора пришла
 Ей кончить заключенье срочно;
 Случись и Муравей пушь снова какъ на-
 рочно.

Вдругъ Гусеница порхъ
 На воздухъ бабочкой—какой для ней возпоргъ!
 Ему какое изумленье!

Глядишь, ошполбенѣвъ—ошкуда превращенье?
 А ша ему вопросъ: “сосѣдушка, поспой!
 Жалкаль я, повшори, съ рабошою пустою?,”
 Пошомъ нравоученье:

“Оказывашь другимъ насмѣшки, иль пре-
 зрѣнье

“Не глуполь, самъ вообрази:
 “Иной и ничего, но послѣ—удивленье!
 “Вошь видишь, я лечу; а пы, дружокъ, ползи.,”

2. Цвѣты и Мотылекъ.

Въ одинъ изъ пѣхъ садовъ
 Гдѣ пронь свой ушвердила Флора,
 Гдѣ тысячѣ куршинъ сокровища цвѣшповъ
 Разсыпали для взора—
 По запаху, или по вѣшерку,
 Прекраснымъ днемъ влешъшь случилось мо-
 пыльку.

Тущъ гостя милаго вспрѣчая,
 Привѣстивующъ гряды фіялокъ, розъ, лилей,
 Съмья прелесныхъ дочерей
 Весны и пламеннаго Мая,
 И каждая наперерывъ
 Листочки развернувъ и спебель распрямивъ,
 Та красками цвѣповъ, а ша благоуханьемъ
 Спарающа привлечь красавчика вниманьемъ.

Эвирной щеголь мой,

Весь внѣ себя, любясь ихъ убранствомъ—

Но какъ дашь первенство одной

Влекомому непосоямствомъ?—

Едва къ лилеѣ сѣлъ, ужъ розою манимъ,
 Лишь розы крылышкомъ коснулся—и мгновенно

Летишь къ фіалкамъ молодымъ,

Прельщенъ попеременно

То эцю, то той—

И не удержишь ни одной!

“Красавицы мои! цвѣшише дни вы ясны,»

Лепечешъ въпренникъ цвѣшамъ:

“Всѣхъ васъ я радъ любить; вы есѣ равно
 прекрасны;

“Но ни одной—свободы не отдамъ!,,

Сказалъ—и сельскую, прѣсную

Былинку видишь онъ въ пѣни надъ муравой;

“Дай осчасливлю, поцѣлую!,,

Вспорхнулъ къ ней, полетѣлъ — и далъ ни
 ногой.

О чудо! что такое спалъ,

Игривой Мопылёкъ! съ побой?
 Какъ скоро вольноспи желанье миновало!
 Чшо къ бѣдненькой шебя былинкѣ приковало?
 Прохлада, аромашъ, иль цвѣпъ?
 «Нѣпъ!»

«Но пчелки часпо посѣщали
 «Ее среди своихъ работъ,
 «И непримѣшно сообщали
 «По капелькѣ ей сладкой сопъ.
 «Еспъ много розъ блестящихъ въ
 полѣ,
 «Но красомы у нихъ свои;
 «Былинки сладоспъ по неволь
 «Сковала крылышки мои!»,

*

Въ своемъ, Лилепа, полѣ
 Ты та же Роза-красомы;
 Рожденной всѣхъ плѣняшь, чего же нужно
 болѣ,
 Когда въ ней съ прелесшью и сладоспъ до-
 броспы?

А ... И ...iй.

~~~~~

ДЕЛИЛЕВЪ ОБЪДЪ.

Анекдотъ изъ Булви.

Воспоминанія молодыхъ лѣтъ никогда не испребляющся изъ нашей памяти, и дѣйствующъ съ большею силою надъ тѣми, кои одарены живымъ, пылкимъ воображеніемъ: по сему друзья Делилевы часто замѣчали, что знаменитый Спихопворецъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, любилъ воспоминашь всѣ удовольствія, которыя окружали его въ то время, когда онъ восхищаль Парижъ сладостными звуками своей лиры.

Изъ всѣхъ собраній, гдѣ сей великій Поэтъ читываль стихи свои; болѣе всего приходилъ ему на память завпракъ; данный въ 1780 году одною дамою; извѣсною по своимъ дарованіямъ въ словесности и по знанному своему происхожденію. Сіе общество, въ которомъ находились отличнѣйшіе остроумцы того времени и любезнѣйшія женщины, было угощаемо въ рестораціи голубыхъ солнечныхъ тасовъ (Cadran - Bleu), на

Тампльскомъ бульварѣ. Здѣсь Делиль въ первый ' разъ чипаль опривки изъ своей Поэмы: *Воображеніе*; здѣсь-то, чипая прекрасный эпизодъ о молодомъ художникѣ, заблудившемся въ подземельномъ Римскомъ кладбищѣ, произвелъ онъ въ слушапеляхъ своихъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Всякой слѣдовалъ мысленно за юнымъ несчастливцемъ по мрачному лабиринту, въ кошорый онъ споль безразсудно пуспился; всякой внуспренно опвѣчалъ гореспнымъ его воплямъ; всякой искалъ съ нимъ въ темношѣ безцѣвную нишъ, кошорая одна шолько могла возврапиль ему дневный свѣшъ и жизнь. О Делиль! въ сію минушу показался шы споль же обилень, какъ Виргилій, споль же ужасень, какъ Данте! Не знали, кому болѣе въ шебѣ удивляпшься: Поэшу, чеспи опечеспва и вѣка своего, или неподражаемому чпецу, ко его искусство и выразишельность придали еще большій блескъ несравненному его дару.

Сіе достопамятное собраніе доспавило Делилю шакое удовольспвіе, что съ шѣхъ цоръ почувспвовалъ онъ къ

респорациі голубыхъ газовъ особую привязанность, и не могъ пропитьсь ей. Съ каждымъ наступленіемъ весны ходилъ онъ съ искренними своими друзьями шуда обѣдаться; и называлъ это своимъ *народнымъ обѣдомъ* (un diner populaire). Онъ любилъ вмѣшиваться въ толпы посѣщителей, копорыхъ шамъ находилъ, и вслушивался внимательнo во всѣ ихъ разговоры, Радость однихъ, неперѣливость другихъ, и повсюду волненіе, жизнь и довольство—все сіе вмѣстѣ, поражая воображеніе занимательнымъ разнообразіемъ, подкрѣпляло—по словамъ Делиля—его здоровье, приводило его въ спихошворческій восторгъ, и располагало сердце его къ самымъ приятнымъ чувствованіямъ.

Будучи надолго лишенъ полишическии замѣшательствами столь прелестныхъ для него обѣдовъ, сей знаменитый мужъ, по изгнаніи своемъ изъ опечества, хопѣлъ возобновить ихъ въ Лондонѣ; однакожь не находилъ онъ и въ самыхъ лучшихъ тамошнихъ шавернахъ ни той ошкровенной веселости, ни той привлекашельной вѣжливости, кои

могуть назваться истиннымъ наследіемъ Французовъ. Сколько разъ сожалѣлъ онъ о Тампльскомъ бульварѣ, о своей любимой респорации: Cadran-Bleu! Наконецъ бури утихли; Делиль возвратился въ Парижъ и спѣшилъ увидѣвъ снова мѣсна, доставлявшія ему столько сладостныхъ воспоминанія; но изданіе въ свѣтъ его твореній, коими обогатилъ онъ Французскую словесность, увеличило славу его до такой степени, что онъ не могъ уже появиться въ обществѣ, не будучи окруженъ толпою почитателей, упоминавшихъ его скромность. На послѣдокъ судьба, какъ бы желая явить живой образъ Гомера въ самомъ снѣгѣ и самомъ лучшемъ Поэтѣ Франціи, лишила его зрѣнія.

Пѣвецъ Садовъ и Блаженства Сельской жизни, спривалъ болѣе, нежели кто другой, будучи удаленъ отъ позорища свѣта и заключенъ въ уединенномъ уголкѣ. "Если лишенъ уже я удовольствія, говорилъ онъ: созерцаю сей лазуревый сводъ, который подалъ мнѣ мысль къ сочиненію *Диѳирамба на безмертвіе души*; если не наслаждаюсь бо

дѣе дивнымъ зрѣлищемъ Природы: по крайней мѣрѣ могу внимать ушѣшительному голосу дружбы; могу еще, вмѣшиваясь въ веселыя бесѣды, услышать иногда счастливыя выраженія, разнообразный крикъ этого добраго народа, которые меня пробуждаютъ, развеселятъ и заспаваятъ позабытъ все немощи преклонныхъ лѣтъ. О друзья мои, присовокупляя оныя, обращаясь къ окружавшимъ его: постарайшесь, что бы прежде, нежели усну навѣки, могъ я еще хоть разъ опобѣдать въ Cadran-Bleu!.,

Напрасно возражали ему, что его шамъ узнаютъ; обезпокоятъ, и что въ его лѣта неблагоразумно подвергаться опасностямъ такого появленія: великій живописецъ Природы опвѣчалъ на все сіи возраженія умоляющимъ голосомъ младенца, просящаго возврашить ему любимую игрушку: “постарайшесь, чтобъ я могъ еще хоть разъ опобѣдать въ Cadran-Bleu!., — Не могу огорчить его опказомъ — говорила вѣрная подруга Делилева, которую называлъ оныя своею Аншигоною: но не могу и подуматъ о выполненіи его желанія, безъ крайняго

опасенія о здоровьѣ, а можешь быть и о самой его жизни! — «Послушайте — сказала ей одинъ изъ Делилевыхъ друзей, Г-нь N., художникъ доспойный всякаго уваженія какъ по дарованіямъ своимъ, шакъ и по душевнымъ качествамъ: естъ средство доспавишь ему по удовольствію, котораго онъ желаетъ, не подвергая опасностямъ, могущимъ произойти для него опъ появленія въ большомъ обществѣ — онъ ничего, не видишь; воспользуемся эшимъ, что бы обманушь его и съ шемъ вмѣстѣ угодишь ему. Уменя естъ въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи большой, весьма удобный домъ, съ перрассою, примыкающею къ садамъ и обсаженною деревьями; шудашо повеземъ мы нашего спараго младенца. Положишесь на меня: увѣрю васъ, что сунругъ вашъ найдешъ шамъ всѣ удовольствія, какихъ шолько ожидаешь, и подумаешь, будшо онъ въ самомъ дѣлѣ на своемъ народнолѣ обѣдѣ.,»

-Предложеніе сіе приняшо съ благодарностію, и для исполненія онаго назначень день. Эшо было спуспя нѣскольکو времени послѣ того доспопамяшна-

го засѣданія Академіи, когда Французскій Виргилій, предсѣдавшій въ оной, какъ бы разпрощался со своими соповарищами, произнесши послѣдній разъ стихи свои, въ коихъ еще виденъ былъ прежній его жаръ. Сей шоль давно ожидаемый обѣдъ занималъ Делиля, какъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ въ его жизни. Онъ встрѣшилъ наступленіе условленнаго дня съ неизъяснимою радостію: съ самага упра нарядился, какъ на большой праздникъ, располагаясь съ важностію войши въ шумную толпу, и горѣлъ нешерпѣніемъ замѣшашься между многочисленными посѣщителями Тампльскаго бульвара.

Наконецъ послышался спукъ подѣхавшей карепы. Г. N. подаетъ руку Делилю, онъ садится со своею любезною подругою, и всѣ шрое скоро прибыли въ домъ, находящійся въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи, гдѣ до нихъ еще собрались многіе изъ членовъ Французской Академіи, ученые, славные художники, женщины, дѣлающія своею любезностію честь своему полу, и опличные актеры изъ первыхъ театровъ столицы.

Всѣ они распредѣлили между собою разныя роли, что бы доставивъ удовольствіе почтенному спарцу и увѣришь его, что онъ точно въ кругу того добраго народа, съ копорымъ хопѣль бышь вмѣстѣ.

Лишь только Делиль вышелъ изъ карены, приврашница дома, копорой напередъ сказано было, какъ пошупашъ, спросила у него, подражая голосу шорговки усприцами: не угодноли вамъ сударь, усприць? Самыя свѣжія усприцы, настоящія Канкальскія! — “Давай, давай, отвѣчалъ Поэшь въ самомъ радостномъ расположеніи духа: сегодня ни въ чемъ не спану себѣ отказывашъ,, — Онъ входитъ въ проспранный заль, гдѣ болѣе шесшидесяши челоуѣкъ, сидя за небольшими круглыми споликами, говорили вдругъ разными голосами и о разныхъ матеріяхъ. Знаменишый слѣпецъ улыбулся и воскликнулъ: “Такъ! эшо самое шо народное жужжаніе, копорое люблю до безумія! Сколько здѣсь предметовъ для наблюдащеля!.... гей! челоуѣкъ!,, — Что прикажешъ, сударь? сказаль подойдя къ нему одинъ изъ пер-

выхъ актеровъ Французскаго Театра.—
 “Другъ мой! нѣшь ли особаго споллика
 съ прѣмя приборами гдѣ нибудь въ спо-
 ронѣ, опкуда однакожь можно бы все
 слышать?,, — Да вошь здѣсь, сударь, въ
 уголку, подлѣ камина. — “Прекрасно! А
 какъ зовушь шебя?,, — Павелъ, къ ва-
 шимъ услугамъ.—“Ну, любезный Павелъ,
 послужи намъ хорошенько; ты оспа-
 нешься мною доволенъ. Принеси мнѣ
 каршу, да прежде всего бушылку Со-
 шерну, полько самаго лучшаго! Напе-
 редь шебѣ сказываю, что я сварой ла-
 комка,, — Темъ лучше, сударь, шакихъ
 то намъ и надобно!

Обѣдъ начался съ усприць; попомъ
 послѣдовала первая перемѣна, во вре-
 мя кошорой Г. Н. сказывалъ Делилю и
 заспавлялъ его выбирать кушанья по
 нарочно заготовленной для того кар-
 шѣ. Вдругъ у сосѣдняго сполла поднялся
 шумъ; спорили о проценпахъ, вексе-
 ляхъ, кредитѣ, балансѣ, и ш. ц. — “Это
 конечно мѣновщики и маклера, сказалъ
 Поэшь улыбаясь: видно, что сегодня
 возвысился курсъ,, — За другимъ спо-
 ломъ заговорили при женщины, Непе-

мѣрное ихъ болшанье, громкій хохоть и самыя грубыя, простонародныя ошибки прошивъ языка заспавили Делиля подумашь, что эпо были мѣщанки изъ Лувье *), кошорыя въ отсутствіе мужей своихъ возобновляютъ *обѣдъ трехъ кулушекъ* **), «Наспоящій бапальной огонь! вскричалъ онъ, засмѣявшись. Ахъ! еслибъ я былъ помоложе, съ какимъ удовольствіемъ подсѣлъ бы къ нимъ и пошушилъ съ ними! Никогда еще не удавалось мнѣ слышатъ такого забавнаго и оригинальнаго разговора.,—

За другою перемѣною, другъ почтеннаго слѣнца пригоповиль ему самое забавное явленіе. Съ намѣреніемъ спросиль онъ его громко: «Ну, любезный Делиль, какъ вамъ эпо кажешся?», — Пожалуйше не называйше меня по имени: меня узнають; и тогда я принужденъ буду уйши. — При сихъ словахъ, подошелъ къ нему одинъ изъ членовъ Французской Академіи, извѣстный по своему веселому нраву, и сказалъ на-

*) Островъ Louviers образуешся однимъ рукавомъ Сень.

***) Извѣстная Лафонтенева Сказка: Les trois commères.

рѣчимъ жипелей Сен-Бернардской при-
спани: “смѣю спросишь, сударь, вы ко-
нечно Г. Делиль, у котораго славной
ренской погребъ въ улицѣ *Мармузетъ*,
подъ вывѣскою *безголовой женщины?* —
Нѣшь, сударь, нѣшь: я не шорую вина-
ми и нѣшь у меня никакой *безголовой*
женщины.... Не правда ли, моя милая?
примолвилъ онъ, оборотясь къ Г-жѣ
Делиль съ самою приятною улыбкою.—
Однакожь, прибавилъ съ веселостию
другъ его, у Г. Делиля есть большой
запасъ, которымъ ежедневно многіе
пользуются.—“Такъ я не ошибся, продол-
жалъ Академикъ: черезъ два часа отпра-
вляюсь я въ почтовой коляскѣ въ О-
зерръ; если угодно вамъ, Г. Делиль, сдѣ-
лашь мнѣ какое препорученіе, по будъ-
ше увѣрены, что я въ точности его
выполню. Я одинъ изъ братьевъ Берш-
рановъ: уже двѣспи лѣтъ, какъ наша
фамилія занимается посшавкою винъ.,—
Покорнѣйше васъ благодарю, отвѣчалъ
Стихотворецъ; но не имѣю никакой
нужды въ вашихъ услугахъ.

Сей забавной разговоръ вдругъ былъ
прерванъ споромъ, происходившимъ у

одного спола, между многими посѣлителями, о томъ, которое изъ швореній Делиля приносишь ему болѣе славы. Одинъ говорилъ, что должно предпочесть переводъ *Георгиковъ*, гдѣ Спихотворецъ совершенно вникнулъ въ красоты подлинника; другой утверждалъ, что нѣтъ ничего такого, чтобы могло сравниться съ тѣми исполинскими усиліями ума и дарованій, какія заключаетъ въ себѣ его переводъ *Энеиды*; третій предпочиталъ переводъ *Потеряннаго Рая*, потому что онъ встрѣшилъ здѣсь несравненно болѣе затрудненій, и споль удачно преодолѣлъ ихъ; четвертый доказывалъ, что болѣе всего надобно цѣнить собственныя дары Поэта, и что онъ выше всѣхъ переводовъ Делиля ставилъ его Поэмы: *Сады* и *Воображеніе*. Наконецъ послѣдній увѣрялъ, что должно почесть Поэму: *Жалость* (*La Pitié*) за основаніе славы ея шворца. "Честь и слава, продолжалъ онъ: тому, кто умѣетъ обворожать нашъ разумъ; но вѣчная благодарность тому, кто заставляешь насъ быть чувствительными къ бѣдствіямъ подобныхъ намъ существъ! — Такъ преобразимъ же нашъ

споръ, вскричалъ весело шестой собесѣдникъ. Предпочитая попеременно многочисленныя Делилевы творенія, дѣлаете вы имъ самую достойную похвалу!... Выпьемъ за здоровье Пѣвца, котораго всѣмъ вообще нравицца! За здоровье Французскаго Виргилія! вскричали вдругъ многіе голоса при веселомъ звукѣ спакановъ: о если бы увидѣли мы сшольпнее чело его, украшенное лаврами Парнасскими.—Увидѣшь его? подхвашилъ одинъ изъ нихъ. Да какъ? и гдѣ? Онъ никуда теперь не выходитъ и весьма немногіе наслаждаются его присутствіемъ. — Для чего лишены мы удовольствія видѣшь этого почтеннаго мужа? примолвилъ другой: видъ человѣка знаменишаго доставляетъ такое благополучіе, что кажется, будто голосъ его насъ одушевляетъ, и всякое его движеніе показываетъ намъ путь къ славѣ. — “Ахъ! сказала шихонько пронутый до слезъ спарець: какъ мнѣ трудно скрывать мои чувства; еслибы можно, то подошелъ бы къ нимъ, самъ бы открылъ имъ свое имя и бросился въ ихъ объятія.,,

Наконецъ спавяшъ десертъ, въ продолженіе кошораго подобныя прежнимъ сцены удосповѣряюшъ Делиля, что онъ подлинно обѣдаетъ въ Cadran-Vleu, и что не узнаюшъ его. Онъ пошребоваль счета, и подавая Гжѣ Делиль для расплаты кошелекъ, сказалъ: “сегодня угощаю я отъ маленькихъ моихъ избытковъ; но можно ли чѣмъ заплашъ за все то удовольствіе, которое здѣсь я чувствовалъ!”, — Какъ же удивился онъ, когда ему сказали, что вмѣсто счета принесли отъ хозяина слѣдующую записку: “честъ, что я могъ угостишъ у себя величайшаго Поэта Франціи, есть единственная и самая приятнѣйшая для меня плата. — Рестораторъ Генневе., — “Нѣшъ, воскликнулъ спарець, всшавая со своего мѣста: не могу согласишъся на это, пошому что не имѣю никакого права на щедросшъ хозяина., — Никакого права? возразиль нѣкто, взявшій на себя ролю Ресторатора. Ахъ, Г. Делиль! вы имѣете полное право на уваженіе и благодарносшъ всякаго благомыслящаго Француза. — “Что бы ни спало намъ угостишъ васъ, примолвила супруга Де-

лидева прияшея Гна N, назвавшаяся Гжею Генневё: но все остались бы мы должниками вашими за сдѣланную намъ честь, что пакой великій Поэпъ, какъ вы, удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. “При сихъ словахъ неволью схватила она руку спарца и напечатлѣла на ней почтительный поцѣлуй. Другъ мой! сказала Гжа Делиль, не уже ли оторчишь ты отказомъ эсихъ добрыхъ людей? — “Ахъ! я не въ силахъ сдѣлать эшого, отвѣчалъ онъ прерывающимся голосомъ: однакожь соглашаюсь съ шемъ только условіемъ, чтобъ Г. и Гжа Генневё сдѣлали мнѣ дружбу, приѣхали къ намъ обѣдать тогда, когда имъ заблагоразсудится: я не могу угостить ихъ такими опборными: блюдами; но по крайней мѣрѣ они увидятъ доказательство моего къ нимъ уваженія и благодарности.,, Послѣ обыкновенныхъ въ шакомъ случаѣ споровъ и взаимныхъ учтивостей, послѣ опдачи мнимому Павлу шести франковъ за его услуги, Делиль, видя, что его узнали, и желая избѣгнуть опъ излишнихъ вѣжливостей, могущихъ его обременить пред-

ложилъ своей Аншигоѣ идиши липъ кофе въ *Турецкомъ саду*, что бы успокоиться шамъ опъ сильного душевнаго волненія на сеѣжемъ воздухѣ, въ кошоромъ имѣлъ нужду.

Свели его съ лѣспницы, повели черезъ дворъ, попомъ черезъ садъ, и зашавя, пройши шакое же почши разстояніе, какое между респораціею *Sadran-Vleu* и *Турецкимъ садомъ*, проводили на шеррассу, укращенную цвѣтами и деревьями. Тамъ заранѣе собрались уже прежніе акшеры, взявшіе на себя новыя роли, чшобъ увѣришь Делиля, будшо онъ въ самомъ дѣлѣ находилсѣ въ одной изъ рошицъ публичнаго сада, примыкающаго къ Тампльскому бульвару.

“Ахъ! какъ приятно дышашъ здѣсь! сказалъ онъ снимая шляпу. Люблю свѣжую зелень и запахъ цвѣшовъ; люблю, чшо бы солнечные лучи согрѣвали осьмидесятилѣшнюю мою голву.,,

Делиль велѣлъ подать кофе, въ кошоромъ, какъ извѣшно, былъ онъ большой знашокъ.—“Эшо самый лучшій Мокскій кофе!”, воскликнулъ онъ, отвѣдавъ его.—Не дивилсѣ, сказалъ Г. N: я очень

часто бываю здѣсь съ моимъ сѣмей-
ствомъ, и напередъ былъ увѣренъ, что
намъ подадутъ все самое лучшее. — “Не
удобно ли, господа, мороженого? спра-
силъ одинъ знаменитый живописецъ,
представлявшій тушь лимонадчика „,
Нѣтъ, не надобно мороженого, сказала
сказала супруга Делилева: оно можешь
сдѣлать тебѣ вредъ. — “Напропивъ, оно
подкрѣпитъ меня... Какое у тебя моро-
женое? „ — Какого угодно вамъ, сударь:
мороженое съ ванилью, земляничное,
малиновое, лимонное, писташевое, шер-
бещъ съ ромомъ, съ мараскиномъ, *кремъ
а ла Жакъ Делиль*.... “Что, что? прервалъ
онъ съ невольнымъ движеніемъ: что это
такое, *кремъ а ла Жакъ Делиль*? — “Но-
вое мороженое, которое теперь въ боль-
шой модѣ. Оно дѣлается изъ самыхъ
лучшихъ и рѣдкихъ припасовъ. Расходъ
на него чрезвычайной; особливо моло-
дые спихотворцы большіе до него охот-
ники, другаго уже и не спрашиваютъ.
Отвѣдайте, сударь, вѣрно оно и вамъ
понравится. — “Хорошо, хорошо? ска-
зала Делиль, начиная подбѣрѣвать, что
его узнали. Спранно, продолжалъ онъ,

оборотясь къ Г. N.: я никакъ не ожидаю такой выдумки., — Ничего страннаго не нахожу шуть, отвѣчалъ Г. N.: всякой старается сбывать какъ нибудь съ рукъ товаръ свой, и можешь быть имя ваше также обогатишь продавцевъ мороженаго, какъ оно обогатило уже книгопродавцевъ. —

Подали ему мороженое, которое было просто ананасное; и восхищенный Поэтъ, по предубѣжденіюль, или по невольному самолюбію, увѣрялъ, что въ жизнь свою ничего не находилъ столь вкуснымъ. Между темъ, какъ онъ наслаждался симъ неожиданнымъ удовольствіемъ, слышались въ ближней рощицѣ голоса многихъ Академиковъ, переспавшихъ уже тогда приговоряться. Делиль узналъ ихъ. — Точно это они, подтвердилъ Г. N.: съ доспойными преемниками Паннара и Колле *). — «Ахъ, сказалъ Делиль: если они меня узнаюшь!», — При сихъ словахъ надѣлъ онъ свою шляпу, надвинулъ ее на глаза и оборотился

*) Извѣстные писатели Франціи.

спиною къ рощицѣ, откуда вдругъ раздалось пѣніе замысловатыхъ куплетовъ, доспойныхъ великаго Спихопворца, котораго въ нихъ прославляли. Между прочими одинъ оканчивался сими замѣчательными словами:

Здѣсь нѣкогда Гомеръ великій
Въ Поэсахъ предсѣдалъ. *)

“Гомеръ! Гомеръ! повшорялъ Делиль съ самую добродушную скромностію: они смотряшь только на глаза мои...,, Другой куплетъ заключалъ въ себѣ предсказаніе, что шворенія сего новаго Гомера перейдутъ въ опдаленнѣйшее потомство. “Не уже ли эши любезные пѣвцы шакже слѣпы, какъ и я?,” — сказала онъ своему другу.

Наконецъ слышались въ нѣкошоромъ разшояніи усладительные звуки арфы. “Это, сказала Г-жа Делиль: два брата изъ Лангедока, которые нѣсколько уже времени ходяшь по улицамъ

*) On a vu l'autre jour Homère
Présider l'Institut:

Парижскимъ и привлекающъ къ себѣ всѣхъ проходящихъ: вошь они остано- вились прямо прошивъ насъ., И въ по- же мгновеніе, на концѣ шеррасы, двѣ мо- лодыя дѣвицы, съ отличнымъ даровані- емъ, начинаютъ прелюдію на арфахъ; а одинъ изъ славнѣйшихъ пѣвцовъ въ Ев- ропѣ, подражая Провансальному произ- ношенію, говоритъ: “господа и госпожи! мы будемъ имѣть честь пропѣть передъ вами славный кантъ *Іакову*: не *Іакову пустыннику*, не *Іакову Колпостельско- му* и не *Іакову младшему*; а *Іакову старшему*, который иначе называется *Іаковъ Делиль*, пашронъ стихотворцевъ Французскихъ и любезнѣйшихъ стари- ковъ....., — По окончаніи сихъ словъ, раз- дались на арфахъ новые звуки, съ ко- торыми соединился восхищительный голосъ, воспѣвшій цѣлую жизнь Поэта, со времени дѣтства его въ Лиманьи (Limagne) до послѣдняго возвращенія въ Парижъ. Особливо сей счастливый слу- чай выраженъ былъ хоромъ, споль при- яшнымъ и трогательнымъ, что Делиль не могъ удержаться отъ слезъ, кои оросили почтенное лице его; увѣрять

болѣе прежняго, что точно находится въ Турецкомъ саду и окруженъ безчисленною толпою зрителей, сказала онъ своей Анпигонѣ, схвативъ ее поспѣшно за руку: “уйдемъ отсюда! постарайся скрыть меня отъ народныхъ привѣщивій, которыхъ я опасуюсь и которыхъ, какъ теперь вижу, нарочно были приготовлены.” — Это правда, отвѣчалъ ему Г.М.: но будьте спокойны и не опасайтесь ничего. Вы не на Тампльскомъ бульварѣ. — “Какъ?,” — Вы не въ Садан-Влеу обѣдали. — “Что вы говорите?,” — А у меня, любезнѣйшій Делиль, въ кругу моего семейства и многочисленныхъ моихъ гостей, которые пять часовъ уже представляютъ разные роли, доставившія вамъ такое удовольствіе. — “Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ Спихошворецъ: не повѣрю, чтобы можно было столь искусно поддѣлаться. Нельзя такъ мастерски подражать разнымъ выговорамъ, движенію и неприщиворной веселости народа!,” — Однакожь это суцая правда, любезнѣйшій собратъ! сказала ему веселый Академикъ, представлявшій винаго по-

спавщика. Вѣдь эшо я опвелъ вамъ кварширу въ улицѣ *Мармузетъ*, подѣ *въвѣской безголовой женщины*. — Узнаете ли Павла, спросилъ первый Комикъ Французскаго Театра: служилъ Павла, кошорому пожаловали вы шесть франковъ; онъ просилъ у васъ позволенія сохраняшь ихъ во всю жизнь свою. — Мы мѣновые маклера, праздновавшие повышение курса, говорили многіе извѣстные художники. — А мы Лувьерскія кумушки, примолвили ихъ супруги. — Я пропѣлъ вамъ каншь *Іакова*, сказалъ пошь, кого называюшь во Франціи *новымъ Орфеємъ*. — А я, продолжалъ одинъ изъ первыхъ Французскихъ живописцевъ: былъ разнощикомъ мороженаго и подчивалъ васъ *кремомъ а ла Жакъ-Делиль*. — Эшо мы спорили съ шакимъ жаромъ о вашихъ сочиненіяхъ, вскричали, пожимая ему руки многіе члены Французской Академіи. — Наконецъ, говорила хозяйка дома: я предспавляла Г-жу Генневе; вы согласилесь, что мнѣ никакъ нельзя было взять съ васъ деньги за обѣдъ, и я имѣла причину сказать, что чешъ угощашъ васъ

въ моемъ домѣ, ешь для меня единственная плаша. — “Боже мой! вскричала Делиль, переходя изъ объятій въ объятія: какъ выразишь то, что я чувствую?...И сколько почтеннѣйшихъ людей собралось забавлять бѣднаго старика!... Въ одной Франціи можно получить столько сладостныхъ награды, столько въ опечесствѣ своемъ можно удостоиться такихъ чувствительныхъ знаковъ усердія!... Друзья мои, сотрудники, люди любезные, знаменитые художники, меня окружающіе!... и вы, прелестныя женщины, которыхъ присутствіе здѣсь чувствую, которыхъ, кажется, еще вижу! еслибъ могли вы раздѣлять со мною радость мою!... Ахъ! когда не будешь уже меня, то вы и мѣше право говорить другъ другу: *мы продолжи бытіе слѣпаго пѣвца; съ нами Делиль проелъ самый лучший день своей жизни.*”

Съ Франц. С.

Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ.

(Письмо къ Издателю.)

Издаваемый вами Журналь, имѣя благонамѣренную цѣль, подаешъ мнѣ смѣлосшь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: недавно умеръ 10 класса Сол...тъ, находившійся въ службѣ слишкомъ двадцать лѣтъ; онъ оставилъ жену и чепырехъ дѣшей безъ куска хлѣба, безъ копѣйки денегъ и починатыхъ. Слишкомъ дорого спановишся имъ дневное пропитаніе и, кромѣ слезъ, ничего болѣе у нихъ не оспашся.— Не откажишесь, М. Г., помѣститъ сіе извѣстіе въ вашемъ Журналь: слезы сихъ несчастливцевъ укажутъ, можетъ бытъ, дорогу хотя нѣкопору подавнію онъ сострадательныхъ благотворителей *).

Имѣю честь бытъ, и проч.

1 Августа 1822.

Ст.

~~~~~

---

*) Пособія для сего несчастнаго сѣмейства могутъ бытъ адресованы Минской Губерніи въ г. Слуцкъ Его Высокоблагородію Ивану Ивановичу Деменкевичу-Закревскому, для доставленія вдовѣ Сол... ой, или къ Изд. *Благонам.*

Извѣстія о новыхъ книгахъ. 1822.

1. *Основанія Россійской Словесности. Четвертое изданіе. Въ двухъ частяхъ. Въ первой части 87, во второй 121 стран. *)*

Книга сія, по препорученію бывшаго Министра военныхъ морскихъ силъ Адмирала Павла Васильевича Чичагова, написана Дѣйствительнымъ Спашскимъ Совѣшникомъ и Членомъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи *А. С. Никольскимъ*, для морскихъ училищъ, разсмотрѣна и одобрена Ученымъ Собраніемъ Государственнаго Адмиралшескаго Департамента. Пренія при изданіи разошлись очень скоро, пошому что она введена въ употребленіе не только почти во всѣхъ частныхъ училищахъ, но и въ казенныхъ, какъ шо: въ Губернскихъ Гимназіяхъ,

---

*) Продается у Сочинителя, живущаго Липеиной части 4 квартала, въ переулкѣ за церковью Спаса Преображенія, въ собственномъ домѣ подъ No 400, и въ книжныхъ лавкахъ И. П. Глазунова. Цѣна 5 р. Тутъ же можно получать новый переводъ *Лесажева Романа: Жилбазъ де Сантиллана*, въ 8 частяхъ съ портретомъ Автора и съ гравированными картинками при каждой части. Цѣна за всѣ 8 частей, здѣсь въ С. П. бургѣ 25, а съ пересылкою въ другіе города 30 р.

Корпусахъ, и пр. Вѣроятно и нынѣшнее четвертое изданіе вскорѣ также будетъ раскуплено. Первая часть, кромѣ *Введенія*, заключаетъ въ себѣ *Грамматику*; а впоряд *Риторикѣ* и *Поэзію*; или *Піишику*. Правила изложены кратко и ясно, а примѣры приведены вездѣ съ надлежащею разборчивостію, что не всегда наблюдалось у насъ прежде и въ учебныхъ книгахъ.

2. *Ключъ къ сочиненіямъ Державина, съ краткимъ описаніемъ жизни сего знаменитаго Поэта.* С. П. б. въ пип. Ив. Глазунова, въ 8 ку, V и 95 стран. *)

Издашеть сей книги, извѣстный Липшерашоръ Н. Ѳ. Осполоповъ, въ предисловіи своемъ къ оной говоритъ: «Творенія покойнаго Г. Р. Державина, исполненныя піическихъ изображеній, высокихъ мыслей и чувствованій, имѣють еще и по достоинству, что большая часть оныхъ заключаетъ любопытнѣйшія обстоятельство, принадлежащія къ незабвенному времени Великой ЕКАТЕРИНЫ; но сіи обстоятельство,

---

*) Продается въ книжной лавкѣ И. В. Слейина у Казанскаго моста по 5 р.

или лучше сказать происшествія, весьма часто скрываемаыя аллегоріею, вымышленными именами, шайншвенными намѣками, могутъ быть извѣсны или малому числу очевидцевъ, или шѣмъ шолько, которыхъ безсмертный Поэшь удостоиваль своей опкровенности. Изъ сего видно, чемъ болѣе мы спанемъ удаляшсья опъ времени существованія Державина, темъ его сочиненія будутъ казаться непроницаемое, и наконецъ не можеть ли съ ними послѣдовать того же, чему подверглись многія шворенія Горация, Пиндара и другихъ какъ Греческихъ, шакъ и Римскихъ Писателей? Чипая ихъ, мы или смѣшиваемъ подобныя между собою происшествія, или вымышленныя имена принимаемъ за дѣйствительныя, или наконецъ, плѣняясь остроумными и смѣлыми выраженіями, не знаемъ по какому случаю омыя сказаны и къ какому лицу относяшся; и пошому полное право имѣемъ упрекать современниковъ ихъ, оставившихъ насъ въ шакоемъ лабиринтѣ, изъ коего выдти не имѣемъ шеперь ни малѣйшей возможности.,

„Имѣвъ счастье пользоваться благо-склонностію Г. Р., я успѣль подъ его руководствомъ собрать самыя достоверныя объясненія на большую и лучшую часть его сочиненій; и не желая пользоваться однимъ шакимъ сокровищемъ, рѣшился нынѣ сооб-

щипъ сіи объясненія моимъ соотечественникамъ — надѣясь, что не только они, да же и самыя опдаленнѣйшія попомки, до кошорыхъ, безъ сомнѣнія, достигнутъ преоренія Державина, примутъ услугу мою съ благодарностію. А дабы сдѣлать изданіе мое полнѣе и занимательнѣе, присовокупляю и крашкое описаніе жизни Державина, соспавденное изъ собшвенныхъ его записокъ.,,

“Сіи объясненія, или *Ключъ*, вообще показывающъ: 1) время, въ кошоромъ писаны лучшія стихотворенія Державина; 2) достопримѣчательные случаи, служившіе поводомъ къ сочиненію оныхъ, и 3) весьма любопытныя анекдоты, относящіеся къ самому Державину и ко многимъ извѣстнымъ въ его время лицамъ. Сверхъ того означаются и нѣ сочиненія, въ кошорыхъ безсмертный нашъ Поэтъ подражалъ древнимъ и новѣйшимъ писателямъ — о чемъ въ изданіи твореній его не упомянуто.,,

Мы съ своей стороны смѣло рекомендуемъ сію книгу любителямъ стихотвореній Державина, ш. е. всѣмъ просвѣщеннымъ любителямъ опечественной словесности: эпо единшвенный и весьма любопытный комменпарій къ сочиненіямъ того, кшо *постижбъ, изобразилъ ЕКАТЕРИНУ, БОГА* *). При семъ

*) Надпись къ литографированному портрету Державина, кошорый находится при сей книжкѣ

случаѣ нельзя не пожелать, что бы изданы были особо, хошя безъ комменсарій и критическихъ замѣчаній, лучшія стихошворенія Державина. Вѣроятно сославили бы они одну шолько книгу; но эша книга поиспинѣ была бы классическою.

3. *Путешествіе Капитана Парри въ 1819 году, для открытія сѣверо-западнаго пути.* С. п. б. въ шип. Н. Греча, въ 8 ку, 98 стр. Съ меркапорскою картою сѣверныхъ полярныхъ странъ.
4. *Путешествія Капитановъ Росса и Бухана въ сѣверныя полярныя страны.* С. п. б. въ шип. Н. Греча, въ 8 ку, 42 стр.
5. *Записки Канцеляриста Рюмина о приключеніяхъ его съ Беніовскимъ.* С. П. б. въ шип. Н. Греча, въ 8 ку, 54 стр.

Всѣ сіи три книжки содержатъ въ себѣ весьма любопытныя путешествія, помѣщенныя уже впрочемъ въ Журналахъ: *Сынъ Отечества* и *Сѣверный Архивъ*. Онѣ продающся въ книжной лавкѣ И. В. Сленина. Цѣна первой 3 р., а послѣднимъ двумъ по 2 р. за каждую особо.

О подпискѣ на новую книгу.

Въ прошедшемъ 1820 году объявлено было въ *Вѣстникѣ Европы и Сынѣ Отечества* о намѣреніи моемъ издашь собраніе старинныхъ опечесшвенныхъ стихошвореній. Собраніе сіе приведено уже мною къ окончанію и въ непродолжипельномъ времени будепъ напечапано подъ названіемъ: *Духъ Русской Поэзіи, или собраніе старинныхъ Русскихъ стихотвореній, заслуживающихъ вниманіе или по содержанію, или по изложенію своему*. Оное собраніе состоиптъ изъ семи книжекъ, или опдѣленій, соспавляющихъ двѣ часши.

Часть первая.

заклѹчаетъ въ себѣ: 1. Пѣсни хороводныя.
 2. — — — свяшочныя.
 3. — — — свадебныя.
 4. — — — заимсшвовавшіе предметъ свой изъ часшной, или сѣмейсшвенной жизни.

Часть вторая.

1. Стихошворенія Элегическія
2. — — — Анакреоншическія.
3. Крацкія описанія и повѣсшвованія.

Изъ сего раздѣленія видно уже, что въ первой части собранія старался я представить каршину нравовъ и обычаевъ предковъ нашихъ; во второй, показашь слѣды пимическаго ихъ генія и успѣхи лингвистическаго времени. — Ко многимъ спихопвореніямъ сдѣланы мною примѣчанія; предъ каждымъ опредѣленіемъ помѣщено краткое разсужденіе о спихопвореніяхъ, въ ономъ заключающихся; а въ концѣ приложенъ словарь особенныхъ словъ и выраженій, встречающихся въ семъ собраніи, съ показаніемъ различнаго ихъ употребленія въ старинныхъ Русскихъ спихопвореніяхъ.

Желающіе подписаться на сію книгу могутъ получать билеты у Казанскаго моста въ книжной лавкѣ И. В. Сленина и у Синяго моста въ библіотекѣ для чтенія В. А. Плавильщикова. Цѣна здѣсь въ С. Пешербургѣ за обѣ части 10 рублей; иногородные прилагаютъ въсовыхъ за два фунта.

Присупая къ изданію старинныхъ Русскихъ спихопвореній, считаю обязанностію принести благодарности мою: А. Х. Воспокову, А. Е. Измайлову, Г. И. Спасскому и Н. А. Полевому, за доставленіе мнѣ нѣкоторыхъ спихопвореній.

Князь Цертелевъ.

Омонимъ.

Смысль цѣлаго рѣченья,
 Имѣешъ шолько два значенья:
 И въ пищу можеше меня упошребляшь,
 И можно изъ меня сѣрѣляшь.

Костявицѣ.

~~~~~

Шарада, напечатанная въ XXXI N^o, значишь: ба-хрома.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № XXXIII.

З Ю М А,

или опкрытіе цѣлебныхъ свойствъ
хины.

*Историческая повѣсть Гжи Жан-
лисѣ.*

Около половины XVII вѣка, ожесточеніе Южно - Американскихъ Индѣйцевъ противъ Испанцевъ существовало еще въ полной своей силѣ: угнетенный и обезсиленный народъ сей сохранялъ въ вѣрныхъ преданіяхъ память жестоко-стей своихъ завоевателей. Индѣйцы были угнетены, но непокорены; Испанцы поработили только толпу невольниковъ, и господствовали надъ ними единственно страхомъ. Въ то время одинъ Вице-Король, суровѣйшій всѣхъ своихъ предѣшниковъ, навлекъ на себя въ высшей степени ихъ безсильную и скрышную злобу. Находившійся при-

немъ Секретарь былъ почтнѣйшій исполни- шель своевольствъ его и ненасытнѣйшій грабишель; почему Индѣйцы ненавидѣ- ли его еще болѣе, нежели самаго Вице- Короля. Онъ умеръ скоропоспѣжно, и ужасныя смертныя судороги подали по- водъ думать, что онъ оправленъ Индѣй- цами. Опыскивали виновныхъ, но не- могли найши. Сей случай надѣлалъ мно- го шуму: ибо такое злодѣяніе уже не въ первый разъ замѣчено между Индѣй- цами. Всѣмъ извѣстно было, что они знающъ смертоносные яды: нѣсколько разъ уже уличали ихъ въ оправленіи; но ни пытки, ни самая смерть не из- шоргнули изъ нихъ признанія въ сей пагубной шайнѣ.

При такихъ обстоятельстввахъ Ви- це-Король былъ опозванъ; Испанскій Дворъ назначилъ на его мѣсто Графа де Синхона. Эшопъ Графъ, человекъ сред- нихъ лѣтъ, одаренный всѣми качествами, какія только могутъ успокоить возмущенные умы и привязать къ себѣ сердца, незадолго предъ темъ вступилъ въ бракъ съ молодою и прекрасною осо- бою, кошую любилъ спрашно и вза-

имно былъ любимъ ею. Графиня хотѣла сопутствовать своему супругу; но шотъ, сколь ни тягостно ему было разлучиться съ нею, спрашась за нее Индѣйцевъ, настояль, чпобъ она осталась въ Испаніи; Графиня съ своей стороны ужасалась вшайнѣ, воображая, что супругъ ея будетъ окруженъ скрышными умыслами ненависти и мщенія. Достоверныя происшествія, а болѣе всего увеличенныя слишкомъ рассказы прежняго Вице-Короля, изображали ей Индѣйцевъ подлыми невольниками, кошорые, будучи по наружности покорны и даже привержены, не упускали случаевъ измѣнять самымъ коварнымъ образомъ. Повсюду говорили о невѣрояшномъ дѣйсствіи шамошнихъ ядовъ, и въ семь случаевъ ничего не увеличивали *). Ужась, наведенный Графинѣ такими рассказа-

---

*) По описаніямъ путешественниковъ и еспешноиспытателей, въ Америкѣ есть такіа ередныя расшѣнія, что нельзя наступить на нихъ даже обушою ногою, не почувствовавъ гибельнаго ихъ дѣйсствія.

ми, еще болѣе ушвердилъ ее въ намѣреніи слѣдовать за супругомъ, чшобъ охранять жизнь его со всѣми предосторожноспями и неусыпносшію, которыя только могутъ внушить страхъ и любовь. Она взяла съ собою нѣсколько Испанокъ, кои должны были сославлять дворъ ея въ Лимѣ. Въ томъ числѣ находилась искренняя подруга ея, ошъ самаго дѣшества къ ней привязанная, по имени Беаприкса. Она была нѣсколькими годами старѣ Графини, и привязанность ея къ сей послѣдней походила на маперинскую любовь. Она упопрѣбила всѣ усилія, чшобъ убѣдить Графиню оспашься въ Мадридъ; наконецъ видя, что намѣреніе ея непоколебимо, изъявила желаніе ѣхать вмѣстѣ съ нею.

Между тѣмъ Индѣйцы радуясь, что избавились ошъ прежняго Вице-Короля, не лучше были расположены и къ его преемнику: онъ былъ Испанецъ, и потому ожидали они ошъ него однѣхъ несправедливосшей, алчноспи къ богатству и пиранства. Напрасно увѣряли ихъ, что Графъ крошокъ, челоѣколюбивъ и справедливъ: они говорили другъ

другу: онѣ Испанецѣ! ... а сіе слово означало у нихъ все, что только можешь выразишь ненависть. Христіанская вѣра не умягчила еще сихъ порывистыхъ чувствованій злобы, - а правительство не старалось внушить дикимъ превосходнаго правоученія Вѣры: ихъ принуждали выполняшь нѣкоторыя наружныя обряды; но Индѣйцы сохраняли еще между собою большую часть своихъ суевѣрій и прежняго идолослуженія.

Съ самаго покоренія Америки производили они въ шайнѣ надъ Испанцами такое мщеніе, которое ни одному изъ сихъ послѣднихъ не приходило даже и на мысль. Завоеватели вымучили у Индѣйцевъ золото и драгоценныя камни новаго свѣша; но сіи послѣдніе скрыли отъ Испанцевъ сокровища, несравненно драгоценнѣйшія и полезнѣйшія для человѣчества. Передавая въ ихъ руки всѣ роскошныя дары природы, оставили они для себя собственною ея истинныя благодѣянія. Одни они знали сильныя противоядія и чудесныя лѣкарства, которыя прозорливая природа, или лучше скажешь, само Провидѣніе разсѣяло шамъ

на помощь смертнымъ опъ гибельныхъ болѣзней. Однимъ Индѣйцамъ также извѣсны были удивительныя свойства цѣлебной коры хиноваго дерева; но они торжественно дали другъ другу обѣщаніе, поклялись ужаснѣйшими клятвами и время опъ времени возобновляли оныя, чшобъ никогда не опкрываемъ своимъ ушѣснителямъ сей важной шайны *).

Въ самомъ рабствѣ, Индѣйцы соблюли между собою нѣкошорый родъ внутренняго правленія; они выбирали себѣ старшину, кошораго должность состояла въ томъ, чшобъ сзывать ихъ ночью въ извѣстное время для подшверженія ихъ кляствъ и нерѣдко для назначенія жертвъ ихъ злобы изъ числа общихъ ихъ враговъ.... Индѣйцы, живущіе въ селеніяхъ, будучи свободныи шѣхъ, кошорыхъ брали на службу ко двору Вице-Королей, или употребляли въ казенныя работы, непременно явля-

---

*) Всѣ сіи подробности взяты изъ Истории.

лись на сіи ночныя сборища. Мѣстомъ оныхъ были горы и пусшынныя урочища, куда достигали только шаками проинками, которыя Европейцамъ казались совершенно непроходимыми. Но для Индѣицевъ были мѣста сіи, если не счастливымъ присаищемъ свободы, то по крайней мѣрѣ единственнымъ убѣжищемъ отъ угнетенія. Въ это время шайнымъ и главнымъ ихъ спаршиною (ибо они имѣли многихъ) былъ спарець, по имени Ксимео. Озлобленная бѣдспвіями опечесства и собспвенно ему сдѣланными несправедливостями, душа его, отъ природы возвышенная и склонная къ добру, съ давняго уже времени зашворилась для всякаго кропкаго и нѣжнаго чувствованія. Одно сильное чувство негодованія, необузываемое никакими правилами, возвысилось до того, что онъ сдѣлался злобенъ и жестокосердъ. При всемъ томъ малодушное и низкое звѣрство—оправляшь ядомъ, казалось ему презришельнымъ: никогда не употреблялъ онъ сихъ ужасныхъ средствъ къ опмщенію и даже запрещалъ оныя сво-

имъ единомыслиемъ; такого рода убійства дѣлались безъ его согласія. Ксимео имѣлъ сына, по имени Мирвана, котораго онъ весьма любилъ и коему внушилъ часпъ своей ненависти къ Испанцамъ. Мирванъ былъ молодъ, красивъ и великодушенъ; при года уже былъ онъ соединенъ брачными узами съ Зюмою, прекраснѣйшею изъ всѣхъ Индіянокъ въ окрестностяхъ Лимы. Зюма, будучи споль же пища и чувствительна, сколь прекрасна, составляла все блаженство своего супруга, и жила сполько для него и для двухлѣпняго своего сына.

Другой старшина Азанъ, послѣ Ксимео, болѣе всѣхъ былъ уважаемъ Индѣйцами. Азанъ имѣлъ нравъ буйный и жестокій, и ни одна добродѣтель не смягчала въ немъ непреодолимой склонности къ злѣвѣдѣнью. Сии два старшины выводили родъ свой отъ славнаго племени и величались происхоженіемъ своимъ отъ царскаго поколѣнія Инковъ.

За нѣсколько дней до прибытія новаго Вице-Короля, Ксимео назначилъ ночное собраніе на холмѣ *древа здравія*

такъ называли они Хиновое дерево; и когда всѣ собрались, тогда онъ произнесъ слѣдующую рѣчь: “Друзья! новой мучитель будешь властвовать надъ нами: возобновимъ клятву праведнаго мщенія. Увы! мы можемъ произносить ее только во шмѣ ночной! Несчастныя чада Солнцевы принуждены шайшья во мракѣ!.... Повшоримъ въ сѣни древа здравія спрашную клятву, обязывающую насъ вѣчно скрывать наши шайны.,,—Потомъ, возвыся голосъ, сказалъ сіи слова: “Клянемся не открывать сынамъ Европы дивныхъ свойствъ сего священнаго дерева, единственнаго богатства, намъ оспающагося! Горе тому вѣроломному Индѣйцу, который, будучи обольщенъ ложными добродѣтелями, или побуждаемъ страхомъ и малодушіемъ, откроетъ сію шайну истребителямъ его боговъ, дарей и опечесства! Горе предашелю, который поднесетъ сіе сокровище здравія въ даръ извергамъ, насъ порабѣшившимъ, коихъ предки сожгли наши храмы и города, завладѣли нашими полями и омылись въ крови опцевъ нашихъ, замуча ихъ неслыханными каз-

нями. . . . Пусть храняшь юни опняшое у насъ золошо, къ кошорому чувспвуютъ ненасышную алчность; золошо, кошорое купили они цѣною поликихъ злодѣйствъ: сохранимъ для себя хопя сіи единспвенные дары неба! . . . Если между нами найдешся когда нибудь измѣнникъ, по клянемся опыскашь и испребишь его, кшобъ онъ ни былъ, опецъ нашъ, брашь, или сынъ; клянемся, если онъ соединенъ узами брака, преслѣдовать въ лицѣ его жену и дѣшей, когда они сами его не выдадутъ; и если дѣпи его еще младенцы, умершвишь ихъ, дабы совершенно испребишь преступный родъ его. . . . Друзья! произнесите всѣ и опю всей души сію ужасную кляпву, кошорую передали вамъ опцы ваши и кошорую вы уже нѣсколько разъ повпоряли; — Такъ, такъ! провозгласили вмѣстѣ всѣ Индѣйцы: мы произносимъ сіи закланія на всякаго, кто измѣнишь нашей шайнѣ; клянемся хранишь оную съ неизмѣнною вѣрностію, и если нужно, скорѣе прешерцѣшь ужаснѣйшія мученія и самую смерть, нежели опкрышь ее. — “Вспомните, сказалъ суровый,

Азань, вспомните, что въ первые годы нашего порабощенія, когда тысячи Индѣйцевъ испязаемы были ужаснѣйшими пытками, ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ спасти жизнь свою опкрышиемъ сей шайны, копорую народъ нашъ хранитъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ!... Подумайте же, можно ли найти споль великую казнь, копорой бы не заслуживалъ пошъ, кто измѣнитъ ей? ... Если между нами найдется Индѣецъ, способный на такое преступленіе, то погибнетъ онъ отъ руки моей; и если сей вѣроломецъ будетъ имѣть жену и грудныхъ дѣшей — клянусь всѣхъ ихъ поразитъ кинжаломъ! „... — Сія звѣрская рѣчь сказана была не безъ намѣренія: Азань ненавидѣлъ юнаго Мирвана, сына Ксимеова, не попому шолько, что онъ не находилъ въ немъ излишняго озлобленія противъ Испанцевъ, но болѣе за то, что Мирванъ, сумругъ прекрасной Зюмы и отецъ милаго дитяши, былъ счастливъ; а злые, будучи всегда несчастны, всегда бывають и зависливы. “Азань! опвѣчалъ ему Мирванъ: можно бытъ вѣрнымъ своему слову и безъ

швоего ожеспоченія; никто изъ насъ не способенъ къ вѣроломству; угрозы швому никому не страшны и потому бесполезны. Кому неизвѣстно, что для насыщешя своей жестокости, готовъ шы преслѣдовать измѣнника, и пролить кровь собственными своими руками?», Раздраженный Азанъ хопѣль опвѣчалъ; но Ксимео предупредилъ возгарающійся раздоръ, представя, сколь безразсудно и опасно продолжалъ безъ пользы сіи скрышныя ночныя сборища, и всѣ немедленно разошлись.

Индѣйцы, принуждены будучи притворяшся, оказывали всегда наружное почшеніе и покорность. Многочисленная шолна молодыхъ Индіянокъ съ корзинами цвѣшовъ, явилась у ворошъ Лимы при вѣздѣ въ оную Вице-Королевы. Зюма шла впереди, и Графиня съ перваго взгляда споль была поражена ея красошою, приапнымъ и скромнымъ видомъ, что спусця нѣсколько дней объявила желаніе имѣшь ее при себѣ, въ числѣ Индѣйскихъ невольницъ, назначаемыхъ во дворець для прислугъ Вице-Королевъ. Скоро Графиня почувспвовала

такую привязанность къ Зюмѣ, что опредѣлила ее на служеніе въ своихъ компаніяхъ и собственно при себѣ. Сія благосклонность казалась неблагоразуміемъ Беаприксъ, подругъ Графининой: ея возмущеніе было такъ наполнено ужасными разсказами о вѣроломствѣ Индѣйцевъ, что несмотря на природное свое великодушіе, предавалась она горестнымъ предчувствіямъ и мрачнымъ подозрѣніямъ, какія только страхъ и недоувѣрчивость внушишь могутъ. Съ одной стороны эшо было ей извинительно: она спрашилась не о себѣ, а о другѣ своемъ. Съ неудовольствіемъ видѣла она привязанность Графинину къ Индіанкѣ, а женщины Графинины даже завидовали новой любимицѣ. Онѣ воспользовались слабостію Беаприксы и внушили ей худыя мысли о Зюмѣ, говоря, что она скрышна, припворна, честолюбива и слишкомъ надѣется на красоту свою; что она не любитъ Графиню и ненавидитъ Испанцевъ. Въ слѣдъ за симъ выдумывали новыя обвиненія и приписывали ей дерскія рѣчи. Беаприкса не всему вѣрила, однакожь эшо навело ей

сильное беспокойство и сомнѣніе, поселившія въ ней совершенное отвращеніе къ Зюмѣ. Сіе отвращеніе усиливалосьъ еще болѣе отъ того, что ей ни какъ не возможно было ослабить Графинину къ Зюмѣ довѣренность, копоярая съ каждымъ днемъ возраспала; и бѣдная Индіянка сдѣлалась предметомъ ненависти, злобы и клеветы всѣхъ окружающихъ ее. Зюма съ своей стороны сердечно была предана Графинѣ; но стараясь избѣгать неприятностей, сидѣла запершись въ своей комнашѣ и тогда только являлась, когда Графиня ее призывала.

Вице-Король упошреблялъ всѣ средства, чтобы приобрѣсти любовь Индѣйцевъ; но они видѣли уже во многихъ его предмѣспникахъ сначала крошосшь, справедливосшь и снисхожденіе, а потомъ и самыя признаки сихъ упѣшишельныхъ добродѣтелей исчезали: посему-то испинная доброта Графа не произвела въ нихъ никакого приятнаго впечатлѣнія. Они принимали ее за притворство, или слабосшь, причиною копорой былъ страхъ, внушаемый ско-

ропоспижною смертію Секретаря, служившаго при послѣднемъ Вице-Королѣ.

Прошло четьре мѣсяца со времени приѣзда въ Лиму Графини, и здоровье ея примѣшно, расстроивалось. Сначала приписывали сію неожиданную перемѣну чрезмѣрно жаркому климату; но ей со дня на день становилось хуже, и наконецъ открылась въ ней лихорадка. Въ извѣстныя тогда лѣкарства были употребляемы, но безъ всякаго дѣйствія. Беспокойство Беаприксы доходило до крайности; она спрашивала наединѣ лѣкаря, привезеннаго изъ Испаніи; а пошь не умѣя вылѣчить болѣзни, опѣвчалъ ей съ шайншвеннымъ видомъ, что приписываетъ оную необыкновенной и неизвѣстной ему причинѣ. Сомнительный видъ его, опривисшыя и запинающіяся слова, все подавало Беаприксѣ поводъ думать, что другъ ея умираетъ отъ медлительнаго яда. Съ того времени не могла она ни на минупу успокоиться: щашельно скрывая ошь Графини и даже ошь Графа бѣдшвенныя свои подозрѣнія, не ушла однако ихъ ошь Графининыхъ женщинъ, кошо-

рыя еще болѣе ушвердили ее въ оныхъ. Но кто же могъ рѣшиться на такое злодѣйство?... Никто, кромѣ Зюмы: Зюма во всякое время свободно входила къ Графинѣ. Но Зюма была осыпана благодареніями Графини! Какіе виды побудили бы ее къ споль безчеловѣчному поступку? — Ненависть на все същещъ отвѣсть. Зюма лицемѣрна, щеславна, самолюбива, къ помужь она пипаетъ пайную, пресшупную спрасть къ Вице-Королю .... Наконецъ, она Индіянка, и съ самага дѣшства привыкла къ неслыханнымъ злодѣйствамъ.

Беашрикса нѣсколько дней спаралась изгнать изъ мыслей сіи пагубныя подозрѣнія; но видя почти неизбѣжную смерть своей подруги, въ спрахѣ о ея лишеніи, не власна была размыслишь и видѣшь собспвенными глазами; она выслушала сіи доносы и повѣрила самымъ несбышочнымъ клеветамъ. Спрахъ овладѣль равномѣрно Графомъ, кошорый, ни мало не думая о скрышныхъ злодѣяніяхъ, беспокоился о продолжительноспи жестокой болѣзни. Наконецъ казалось, будто бы Графинѣ спало легче, и

Это на нѣсколько дней подало надежду. Ободренный лѣкарь почти опвѣчалъ за выздоровленіе, сомнѣнія утикли и Беатрикса успокоилась. Однакожь она не опмѣнила даннаго ею приказанія, примѣчая вшайнѣ за Зюмою и ни въ какое время не пускала ее въ ту комнату, гдѣ спавили Графинино пишье и лѣкарства.

Невинная и чувствительная Зюма, думала только объ одной Графинѣ, которую любила со всею искренностію души чистой и благодарной. Она весьма огорчалась, вспоминая, что есть несомнѣнное лѣкарство опъ помившей ее болѣзни, но что ей не возможно было употребить его. Зюмѣ извѣстны были ужасныя кляшвы, копорыми Индѣйцы обязывались вѣчно хранить сію шайну. Еслибъ Зюма жершвовала только собою, то немедленно опкрыла ее; но сіе опкрытие предавало неизбѣжной смерти ея супруга и сына. Наконецъ она знала, что мщительный Ксимео, дабы надежнѣе положитьсь на ея скромность, опдалъ милаго сына ея въ залогъ свирѣпому Азану и Тамиру, прешьему

спаршинѣ, хопя не споль жестокому, какъ Азанѣ, но не менѣ того ненави- дѣвшему Испанцевѣ. Посему Зюма не смѣла даже ввѣришь своей горесши Мир- вану, скрывала свои слезы и печалилась вшайнѣ. Сія печаль скоро еще увеличи- лась: слабая надежда о выздоровленіи Графини исчезла, лихорадка снова уси- лилась; лѣкаръ признался, что не опвѣ- чаешъ за жизнь Графини и что она не перенесешъ такихъ припадковъ, если они продолжашся еще двѣнадцать, или нятнадцать дней!—Весь дворецъ погру- зился въ горесшь; жестокое сіе призна- ніе привело въ опчаяніе Графа и Беа- приксу и разшерзало сердце Зюмы. Гра- финя, угадывая свое состояніе, была споль же шверда, сколь крошка и бого- боязненна: шопъ спокойно расшпается съ самою благополучною жизнью, чья совѣсть была чиста во все ея шеченіе. Графиня пошребовала, что бы надъ нею совершили священныя шайншва, и съ благоговѣніемъ приняла ихъ; нѣжно про- щалась съ подругою и супругомъ своимъ, просила сего послѣдняго, приложись всѣ попеченія о счасшіи Индѣйцевъ и

въ особенності о милой ея Зюмѣ: попомъ совершенно предалась утѣшеніямъ вѣры. Зюма, бывъ свидѣтельницаю сего прогашельнаго прощанія, не могла противостоять тѣснившей ея горести; здоровье, уже весьма ослабѣвшее въ продолженіе прехъ мѣсяцевъ, шеперь совсемъ ее оспавило; ввечеру она почувствовала шу же самую болѣзнь, ошъ копорой Вице-Королева лежала на смершномъ одрѣ. Послѣ двухъ, или прехъ лихорадочныхъ припадковъ, Мирвань, съ согласія Индѣйцевъ, принесъ ей пошохоньку драгоцѣнный порошокъ, долженствующій исцѣлить ея; но съ договоромъ, давань ей онаго не въ запасъ, а по одному приему на каждой день. Поупру Зюма получила первый приемъ, копорый должно ей было взять ввечеру, ложась въ постелю. Когда она оспалась одна, шо взглянула на порошокъ, и слезы выкапились изъ глазъ ея; она подняла глаза къ небу и ошазала: “Великій Боже! ты внушаешь мнѣ мысль сію!.. я могу спасти ея, пожертвовавъ собою; участь моя рѣшена: я не ошкрою эшой пагубной шайны. Смерть моя, даже въ

ихъ глазахъ, оправдаешь мое соспраданіе; но они не будутъ и подозрѣвать сей произвольной жертвы; они приишутъ ея выздоровленіе пособіямъ врачей. Я не подвергну опасности ни Мирвана, ни сына моего, не приступлю нашихъ клятвъ, умру—но она останется живъ. Къ чему служишь существованіе бѣдной Зюмы?...И напропавъ того какъ драгоценна жизнь сей дочери Небесъ, которая упопреляла власть свою единственно на то, чтобы помогать несчастнымъ и утѣшать спраждущихъ; жизнь великодушной покровительницы бѣдныхъ невольниковъ, которая ослабѣвшимъ голосомъ еще просила за сихъ жестокихъ Индѣйцевъ, оставляющихъ ее умереть безъ помощи! О моя благодѣтельница! когда мраки смертные уже тебя окружали—ты и тогда не позабыла вѣрной своей Зюмы: я слышала, какъ уста твои называли и благословляли ее!...такъ, я клянусь свѣтомъ солнечнымъ, для меня священнымъ, клянусь спасти тебя.,—Произнесши сіи слова, Зюма завернула хиновой порошокъ, спряшала его на груди своей и

хошла идти; попомъ оспановясь, подумала о средствахъ, какъ бы шихонько пробраться въ кабинетъ, въ копоромъ спойшь Графинино пишье. Она и не воображала о ужасныхъ подозрѣнйхъ, прошивъ нее возбужденныхъ, ни о предоспорожноспяхъ, взяспыхъ для шого, чшобъ ни подъ какимъ видомъ не пускашь ее въ кабинетъ, равно какъ и другихъ Индѣйскихъ невольницъ. въ простотѣ сердца своего думала она, что со времени болѣзни Графининой, Испанскія служительницы взяли особенно на себя прислугу во внуспреннихъ комнашахъ изъ усердйя, или изъ зависти, или по какому нибудь изъ шѣхъ обыкновенйй, о коихъ ей такъ часпо швердили, и копорыя называли снѣ *прилигалии*. Она разсудила пойши въ кабинетъ вечеромъ, думая, что въ это время найдешъ шамъ одну изъ женщинъ спящую; въ прошивномъ случаѣ пригошвилась ошвѣчать, что беспокоясь о здоровьѣ Графини, пришла спросишь о ней. Желая шопъ же часъ узнашь, можно ли ей будешъ войши шуда, не проходя чрезъ Графинины комнашы, пошла

она по длинному корридору, кошорый прилѣжно разсмапривая, увидѣла, что естъ маленькая дверь изъ сего кабинета въ корридоръ, шакъ какъ она и предполагала, и что ключъ находился въ сей двери. Она рѣшилась войши шуда ночью съ этой спороны, и съ шакими мыслями возврашילהсь въ свою комнапу.

По приказанію Беаприксы, всѣ шщательно примѣчали за Зюмою, и ей было уже донесено, что Мирванъ въ пошь день приходилъ къ женѣ своей; что одна изъ женщинъ подслушывала у двери ихъ разговоръ, но не могла ничего слышашь, ибо они говорили очень шихо; что Мирванъ, выходя опъ жены, былъ весьма смущень; что послѣ сего Зюма ходила по корридору и разсмапривала всѣ двери; что она оспанавливалась у дверей кабинета съ шакимъ видомъ, кошорый ясно показывалъ страхъ бышь примѣченной и вслѣдъ за симъ ушла въ свою комнапу. Сей разсказъ привель въ ужась Беаприксу; она шопчасъ догада-лась, что Зюма имѣла намѣреніе вечеромъ прокрасшья въ кабинетъ; женщины намъ приказано было въ шу же минушу

дашь ей знашь, какъ скоро Зюма покажешся, выдти немедленно всѣмъ изъ кабинета и оставишь ключъ у двери. Беаприкса тогда же уведомила о помѣ Вице-Короля, кошорый хопя и не вѣрилъ ея подозрѣнїямъ, однакожь былъ встревоженъ и согласился вмѣспѣ съ нею скрышься въ кабинетѣ.

Чрезъ часъ по наступленїи вечера, Беаприксѣ дали знашь, что Зюма сошла съ лѣспницы, безъ огня и со всѣми возможными предосторожностями. Беаприкса и Графъ тотчасъ скрылись въ кабинетѣ. Спуска нѣсколько минутъ услышали, что дверь тихонько отворилась и увидѣли вошедшую Зюму. Она блѣднѣла, шрепешала, шла тихо и съ усилениемъ, Осмошрѣла кабинетъ съ такою недовѣрчивостїю, кошорая доказывала ея смяшенїе и страхъ; слушала у двери, ведущей въ Графинину комнату, все было тихо ... Зюма подошла къ столу, на кошоромъ нарочно было оставлено одно питье въ хрушальномъ карафинѣ; Зюма вынула изъ запазухи бумагу съ хиновымъ порошкомъ, развернула ее, одною рукою взяла карафинъ,

а другою всыпала въ него порошокъ. Въ ту же минуту Вице-Король съ ужасомъ вбѣгаетъ въ кабинетъ и кричитъ: “злѣдѣйка! чего ты всыпала въ это питье?,” — При семъ неожиданномъ явленіи, при семъ грозномъ вопросѣ, Зюма пугается, препенешетъ—карафинъ падаетъ изъ рукъ ея и разбивается въ мѣлкія дребезги, Зюма падаетъ на спуль, и сказавъ: я погибла!...лишаешься чувствъ...Ее опносятся въ комнату. Графъ и Беаприкса рѣшились уплатить отъ Графини сіе мнимое покушеніе на жизнь ея. “Она стала бы умолять о прощеніи этого чудовища; сказалъ Графъ, а ни что въ свѣтѣ не принудитъ меня просить ея; дѣло сіе требуетъ примѣрнаго наказанія—и я его исполню.,” — Тотчасъ разнесся по всему дворцу и по городу слухъ, что Зюма приличена въ намѣреніи оправить Вице-Королеву. Въ ночь же вечеръ предали ее суду и заключили въ темницу. Мирванъ, услышавъ сію ужасную вѣсть пошелъ къ Азану и Тамиру, и съ опчаеніемъ чловѣка, носящаго смерть въ груди своей, сказалъ имъ: “Сынъ мой въ вашихъ рукахъ; общайте мнѣ по-

крайней мѣрѣ, что если мы вѣрно соблюдемъ шайну, по вы, по смерти нашей, отдадите сего младенца опцу моему.,— Клянемся въ шомъ, опшвѣчалъ Азань: но помни, что малѣйшая нескромность ваша будетъ спойшь ему жизни.—“Мы рѣшились умереть, сказалъ Мирвань.,— Съ сими словами оставилъ онъ свирѣпаго Индѣйца и добровольно пошелъ въ заключеніе. Онъ догадался уже, что сдѣлала Зюма; но не опкрывалъ сего: ибо чрезъ такое опкрытие бѣдный сынъ его погибъ бы опъ звѣршва ~~занова~~; онъ рѣшился умереть вмѣстѣ со своею супругой.

(Окончаніе въ слѣд. N°).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОЕГО ЖУРНАЛА 1821" ГОДА.

На ловца звѣрь бѣжитъ, говоришь пословица, и справедливо! — Не многіе, можешь бышь, болѣе меня любяшь слушаешь липшерашурные споры, и конечно не многимъ чаще меня удаецца слышать ихъ. Вчера, напимѣрь, сидѣлъ я

въ Лѣшнемъ Саду, совершенно не думая ни о сочинителяхъ, ни о сочиненіяхъ — вдругъ вижу среди аллеи оспановились при человекѣ; они, казалось, о чемъ-то спорили, и послѣ нѣсколькихъ минутъ жаркой декламации, очутились возлѣ меня. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на мое сосѣдство, свободно продолжали они разговоръ свой, и я услышалъ слѣдующее: “знаете ли, говорилъ одинъ изъ нихъ: что въ шипографіи знакомца нашего печатающагося уже досуги любителя литературныхъ рѣдкостей, или кунсткамера Россійской Словесности?..., —

— Это что за вздоръ? — спросила маленькая живая фигурка, играя лорнетомъ.

“Не вздоръ, а книга, кошорая можешь быть полезнѣе многихъ книжекъ и книжечекъ. Мы имѣемъ собраніе лучшихъ произведеній нашей Словесности; почему же не имѣшь и уродцовъ ея? Примѣры недоспашковъ часно сполько же бывають наставительны, какъ и примѣры совершенствъ; надобно сполько умѣшь сдѣлать выборъ и предсавишь ихъ въ яркомъ свѣтѣ; часно одинъ

взглядъ на дурное дѣйствуетъ болѣе на нравственный вкусъ, нежели чтеніе толстыхъ трактатовъ; въ семь-то отношеніи упомянутая книга можешь быть полезна, и темъ болѣе, что мы, говоря искренно, почти не имѣемъ кришки.,,

На это есть свои причины, ошвѣ-
валь прешій сосѣдъ мой.

“Не могу понять, продолжалъ первый: отъ чего ни одно изъ Литшературныхъ нашихъ Обществъ не посвятивъ досуговъ своихъ сей полезной отрасли Словесности? Одинъ человекъ можешь ошибаться, можешь судить пристрастно, и следовательно чинашеть не всегда ему вѣривъ; но сужденіе цѣлаго общества, сужденіе людей образованныхъ, стремящихся къ одной цѣли, одушевляемыхъ любовью къ общественному слову, заслуживаетъ полное довѣріе: оно можешь сдѣлаться оракуломъ Публики, пушеводителемъ слабыхъ писателей, вѣспникомъ юныхъ дарованій, наградой опытности и совершенства — наградой говорю, ибо одна только безпристрастная, шонкая кришка, утверждаетъ навсегда славу писателя.,,

— Да что у насъ криптиковашь, ска-
заль вшорой: много ли у насъ выходить
хорошаго? —

“Я думаю, что вы, какъ писашель,
знаете это лучше меня; впрочемъ по-
ложимъ, что у насъ нѣтъ ничего хоро-
шого; криптикуйте, осмѣивайте безоб-
разное, по крайней мѣрѣ вы приучите
насъ, какъ говоритъ Жуковскій, назы-
вашь дурное дурнымъ, приуготовите
къ хорошему; остережете неопытность,
а это уже не бездѣлица; въ особенно-
сти же полезно замѣчать недоспапки
хорошихъ писашелей. — Чистая Бапюш-
кова, Жуковскаго, я восхищаюсь, шаю,
шакъ сказать ошъ удовольствія; но лишь
самъ за перо, и на первой спрокѣ не-
лѣпость—желаю подражать красошамъ,
и невольню подражаю погрѣшностямъ;
но укажете мнѣ погрѣшности сихъ
писашелей, и я увѣренъ, что не сдѣлаю
подобныхъ.,,

— Все шакъ, но почему вы думаете,
что чашашель долженъ болѣе вѣрить
вкусу рецензента, нежели вкусу сочи-
нителя? —

“Вы забываете, что я говорю о ре-

цензіяхъ, издаваемыхъ просвѣщеннымъ обществомъ; впрочемъ никто не требуетъ отъ васъ слѣпаго довѣрія, но справедливости. Повѣряйте крипику вашимъ умомъ и сердцемъ. Не въ одной Математикѣ есть аксіомы: изящныя искусства также имѣютъ ихъ. Еслибы, на примѣръ, попались вамъ слѣдующіе стихи:

Въ дыханіи весны, все жизнь младую пѣешь
 И нѣгу пайнаго желанья,
 Все дыцешь радостью, и мнишься съ кемъ-
 то ждешь
 Обѣщаннаго свиданья!

не уже ли, прочитавъ ихъ, не замѣтили бы вы какой-то спранныости въ выраженіяхъ?,,

— Нимало! —

“Вошь что значишь сила привычки!
 Но разсмотрише ихъ со вниманіемъ:
 все, ш. е. вся природа пѣешь, въ дыханіи весны, младую жизнь, нѣгу желанія, и ждешь съ кемъ-то обѣщаннаго, или обѣщаннаго свиданья. — *Пить нѣгу желанія*, довольно уже смѣло; *пить младую жизнь*, спранны; — но *пить всѣ*

эпи модные, пишпические напитки въ *дыханіи весны* — для меня и спранно и непоняшно! Прибавыше къ сему объшпованное кемъ-шо и съ кемъ-шо свиданіе, кошораго ждепъ природа, и вы конечно согласипесь, что желаніе блисшашь новыми выраженіями и облекашъ мысли въ какую-шо шаинспвенноспъ, не всегда удается. — И эшакъ пишупъ люди съ дарованіями; чего же ожидашъ ошъ другихъ? Признаюсь, я часто съ досадою бросаю журналы наши, видя какъ молодые поэшы, одаренные превосходными шаланшами, предавшисъ, шакъ сказашъ, пишпическому буйспву, не щадяшъ ни Логики, ни Грамматики.,

— Ни Грамматики, повшориль вшпорой сосѣдъ мой, ни Грамматики! И вы говорите это не шупя? Знаете ли, что у насъ сполько Грамматику, сколько счинишпелей, и сполько правописаній, сколько пишпографій? —

“Угадываю мысль вашу: вы хошите сказашъ, что мы не имѣемъ еще полныхъ, шочныхъ правилъ языка нашего; шакъ, но Грамматики Ломоносова и Академическая могушъ служишъ доспа-

почнымъ руководствомъ — чего нѣтъ въ нихъ, дополните по наблюдениемъ общаго употребленія.,

— Ломоносова Грамматика, какъ первая, заслуживаетъ нѣкоторое уваженіе. Академическая полнѣе, но и въ ней есть недосшатки; а объ употребленіи и говорите нечего: человекъ, сколько нибудь занимающійся Липшерапурью, имѣетъ уже право не быть рабомъ употребленія. —

“Извините, М. Г., *usus, tiranus*, говорили Римляне, и весьма справедливо.— Что другое значишь Грамматика, какъ не употребленіе, объясненное и приведенное въ систему? Самые даже капризы языка уважаешь должно: они составляютъ опшѣнки его, или если можно такъ выразиться, физиогномію.,

— По этому вы хотите подчинить стихосворца тѣмъ же законамъ, которыми подчинены прозаикъ?—

“Въ отношеніи къ языку конечно; правила языка должны быть священны для того и другаго.,

— А ципическая вольность? а *licentia*, которую признавали и древніе?—

“Пишическая вольность не есть свобода коверканья слова, нарушанья правила языка, составленье спранных выраженья; она есть болѣе необходимость сочишеля, въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражающьясь особеннымъ образомъ, приличнымъ человѣку говорящему въ спрашпи, въ воспоргѣ. Само по себѣ разумѣнся, что въ семъ образѣ выраженья не всегда соблюдается точный грамматическій порядокъ словъ; логическій занимающъ въ немъ первое мѣсто, но сей никогда не долженъ бытъ прошивень духу языка. Можно дѣлать выпущенія нѣкоторыхъ словъ; но не писать прилагательныхъ безъ существительныхъ и цѣлыхъ периодовъ безъ глагола; можно дѣлать переспановку въ словахъ, но чтобы она не оскорбляла слуха и употребленія, не ослабляла и не измѣняла мыслей. Часно отъ одного, у мѣста пославленнаго слова, зависящъ вся сила выраженья. Возьмите лучшые стихи изъ Трагедій Озерова, Басень Дмишрѣева, или Крылова, и попробуйте сдѣлать въ нихъ переспановку словъ—вы увидите, что привсей гибкости языка нашего, они много

поперяюшъ. Выраженія въ рѣчи сущъ
поже, что группировка въ живописи; а
слова по же, что изображаемые пред-
меты — дайше имъ другой порядокъ,
и мысль совершенно измѣнится; отъ
сего по часшо случается, что чита-
тель не понимаетъ сочинителя.—Знае-
ше ли однако же, что мнѣ всего досад-
нѣе встрѣчатъ у нѣкошорыхъ изъ на-
шихъ писателей? — это, безстыдство
и дерзость! Личныя ругательства и
сладострастіе сдѣлались любимыми
предметами ихъ сочиненій, какъ будто
нельзя говорить о книгѣ, не прогая ав-
тора, кришиковать произведение безъ
зависши, изъ одной любви къ истинѣ,
желая ошдѣлить хорошее отъ дурнаго—
какъ будто нельзя веселишься безъ пьян-
ства, говорить о любви языкомъ благо-
роднымъ? Повѣрите ли, что я читаль
спиши, высшавленные за образецъ По-
эзи:

“Куда красавица?, — За дѣломъ, не узнаешь!
и проч.*)

---

*) См. Грегескую Антологію.

Споишь ли это того, что бы переводить, печашать и хвалишь? Удивительно ли, что послѣ сего другой напечаталъ оригинальное уже сочиненіе, въ кошоромъ поздравляя знакомую свою со днемъ именинъ ея, говоришь:

Сегодня всѣ на именины
Родные будутъ на обѣдѣ,
А можешь бышь, и проч. *)

И это спиши къ женщинѣ, и, можешь бышь, почщенной! Скажите ради Бога, гдѣ вкусъ? гдѣ приличіе? — А что всему причиною? — Равнодушіе писателей нашихъ къ крипикѣ, диспрашпие и лѣность журналистовъ **). Но я вижу, что вы начинаете зѣвать — *peut on si bien prêcher qu'on ne dorme au sermon?*

Житель Васильевскаго Острова.

*) Къ Имянинницѣ. См. Урывки времени, собраніе сочиненій Андрея Козлянова. 1820. Извините, Господинъ Издашпель Благодѣлбреннаго, я говорю слышанное. Ж. В. О.—

***) *On fait ce qu'on peut, et non pas ce qu'on veut.* Изд.

Къ Другу.

(На просьбу его, чтобъ я перевелъ нѣсто
изъ Бейрона.)

Ручей, пробираясь въ душистыхъ лугахъ
Сквозь стебли зеленого шмина,
Журчаніемъ робкимъ лелѣешь спада,
Довольный окрестностью пѣсной.

*

Дерзнешь ли онъ спруи, вѣсь, покашишь
Къ кристальнымъ холмамъ водопада?
Тошь серебряной пылью заспелешь его,
И громомъ разсѣешь журчанье!

*

Такъ, другъ мой, и я не дерзну понеспись
Во слѣдъ за Поэтомъ безсмертнымъ!
Такъ, я не дерзну въ опголоскахъ излишь
Громовые звуки Бейрона!

*

Пусть Шиллера сверстникъ помчится за нимъ,
Жуковский, отважный въ полетѣ.
Небесные звуки знакомы ему
И звѣздный вѣнокъ пѣснопѣвца!

Пл. Ободовскій.

Эпитафіи.

I.

Самоубійца здѣсь Поэтъ похоронѣнъ .

“Чтожь онъ зарѣзлся; разшибся, ушопился?,,
—Пошѣлъ надъ одою холодной при дни онъ,
И самъ отъ сшрофъ своихъ, бѣдняжка, прѣ-
сшудился! —

2.

Скупаго гробъ на семь кладбищѣ,

Рѣзчикъ! ты симъ сшпихомъ означъ:

“Здѣсь спитъ, кшо для себя былъ нищій,

“А для наслѣдниковъ богачъ.,,

А. Иллитевскій.

Эпиграммы.

I.

Кокешкина, ученость полюбя ,

Съ разочарованнымъ навѣкъ прѣспилась свѣ-
шомъ.

“Займуся, говоритъ, познаніемъ себя...,,

Такъ ошъ іного - шо, все она—за шуалешомъ!

Ты могъ бы участью съ спихами
Твоими помѣняшься, Клишь!

Тебя кто знаешь, пошь бранишь;

Не знаешь ихъ нишпо-и полько чшо мышами
Нарушень ихъ покой въ приюпномъ уголкѣ.

Въ непоплендомъ, холодномъ чердакѣ
Ошь сшужи чупъ живымъ зимой шебя на-
ходяшь —

Спихи швои у многихъ въ камелькѣ
И лѣшомъ грѣюшся, изъ жара не выходяшь.
Чашенько голодомъ сидишь ты по шри дни—
Подъ сдобнымъ пирогомъ для нихъ ошводяшь
мѣшпо,

И корочки исподней шѣшпо

Всѣхъ прежде, лакомки, ошвѣдають они:
Чшо скажете шеперь вы, Кришики обидны?
Нѣшь, Клишь! не правда ихъ—спихи швои
завидны!

А. Иллитевскій.

~~~~~

Анекдоты.

Великій Канцлеръ Англіи, славный То-
масъ Морусъ, прогуливался въ Лондонѣ по
высокой шеррасѣ, неподалеку ошь дома су-
масшедщихъ. Вдругъ одинъ изъ сихъ несча-

спныхъ подбѣгаетъ къ нему, хватаетъ его поперекъ, пачишъ къ краю шеррассы и говоришъ ему: “скачи внизъ, а не шо я себя сброшу.,—Томасъ Морусъ, не въ силахъ будучи сладить съ нимъ, опвѣчалъ ему весьма хладнокровно: что за мудрость соскочить ошсюда внизъ! Хочешь ли ты, я снизу вскочу на эту шеррассу?—“Не ужь ли?,, — Посмотри; сойдемъ же напередъ съ шеррассы: — Но прежде, нежели сошли они, Канцлеръ успѣлъ призвать къ себѣ на помощь людей своихъ, копорые и опвели сумасшедшаго въ его жилище.

Когда у Кребилльона написаны были полько еще два акта Трагедіи: *Катилина*, сдѣлался онъ опасно болѣвъ и приступилъ уже къ духовному завѣщанію. Лѣкаръ, копорымъ онъ былъ очень недоволенъ, просилъ его опсавить ему на память по себѣ неоконченную имъ Трагедію. Кребилльонъ улыбнулся и опвѣчалъ ему слѣдующимъ стихомъ изъ своего *Радалиста*:

Ah! doit-on hériter de ceux qu'on assassine! *)

*) Убійцы не должны получать наслѣдства опъ ихъ, копорыхъ они лишили жизни.

Регулъ Прадона, принявъ былъ Публикою очень хорошо, а *Антигона* очень худо. Бскоръ послѣ представленія этой пьесы встрѣтился онъ съ однимъ насмѣшникомъ, копорый видя, что на Трагикъ былъ новый плащъ изъ лучшаго краснаго сукна и самое вешное плащье, сказалъ ему: “вошь маншія Регула и рубище Антигоны!,,

Одинъ Принцъ замѣнилъ ему, что онъ въ своихъ пьесахъ многіе города перенесъ изъ Европы въ Азіи. — “Что дѣлашь, Ваша Свѣшлость, опвѣчалъ Прадонъ: я не шакъ — шо швердо знаю *Хронологію*.,,

Аббашъ Вуазенонъ до послѣдней минуты сохранилъ веселый нравъ свой. За нѣсколько времени до его кончины принесли къ нему свинцовый гробъ, копорый самъ онъ заказалъ себѣ. “Вошь моя послѣдняя эпанча (*gêdingote*)!,, сказалъ онъ. Попомъ, взглянувъ на одного изъ своихъ служителей, копорый часто воровалъ у него плащье, примолвилъ: “надѣюсь, что этой по крайней мѣрѣ шы уже не украдешь.,,

Шапель очень любилъ славную и оспроумную дѣвицу Шуаръ, копорая, шакже какъ и онъ, очень любила хорошіи споль и хо-

рошее вино. Шапель часто ходилъ къ ней ужинать. Однажды очень долго просидѣли они вдвоемъ за столомъ. Горничная дѣвицы Шуаръ удивлялась, что такъ долго они не встають; но еще болѣе удивилась, когда сквозь двери услышала плачь и рыданіе. Она вошла къ нимъ въ комнату и увидѣла въ слезахъ госпожу свою и Шапеля. Горничная осмѣлилась спросить ихъ, о чемъ они плачуть.—“Мы оплакиваемъ, оплѣчаль Шапель, плача на взрыдъ: славнаго Спихотворца Пиндара, кошораго невѣжи, Греческіе Докшора, уморили въ цвѣтѣ лѣтъ. Тутьъ рассказали онъ горничной такъ прогашельно о кончинѣ сего достойнаго Поэта, что и та невольно съ ними прослезилась.—На сей случай есть весьма остроумные Французскіе стихи.

“Правда ли, что Г. Гарлай пожалованъ Графомъ Оксфордскимъ и Великимъ Канцлеромъ Англіи?,, спросилъ одного изъ своихъ знакомыхъ Марсель, славный Французскій шанцоръ.—Точно такъ, оплѣчаль ему приятель.—“Не понимаю, вскричалъ Марсель: что Королева нашла въ немъ! Два года училъ я этого человѣка и ничего не могъ изъ него сдѣлать.

Омонимъ, напечатанный въ XXXI N°. значишь *лукъ* (оружіе и расшѣніе.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № XXXIV

ЗЮМА.

Повѣсть.

(Окончаніе.)

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, совѣшь собрался, что бы спросить и осудить Мирвана и Зюму. Двери судилища были отворены, и Индѣйцамъ сказано, что они могутъ войти туда; почему они собрались многочисленною толпою, предшесвуемые пайными ихъ старшинами: Ксимеомъ, Азаномъ и Тамиромъ. Несчастные супруги были приведены въ оковахъ. Зюма, увидя Мирвана, вскричала: «онъ невиненъ; онъ нимало не участвовалъ въ томъ, что я сдѣлала, и даже не зналъ о моемъ намѣреніи., — Поспой, Зюма! прервалъ ее Мирванъ: тебя осуждаютъ на смерть; для чего же ты меня защищаешь?...меня никто не осуждаетъ, и я охотно под:

вергаюсь одинакой съ побою учаспи.... Зюма! умремъ въ молчаніи, умремъ мужественно, и сынъ нашъ останешся въ живыхъ!—Зюма поняла почный смыслъ этихъ словъ; она ничего не отвѣчала, но залилась слезами. Допросъ начался.

Зюма не могла заперешся въ помъ, чему Беаприкса и самъ Вице - Король были свидѣтелями. Ее спрашивали, опъ кого она получила помъ порошокъ, копорый положила въ питье?—“Опъ меня!”, сказалъ Мирванъ. Зюма опвергнула это, ушверждая снова, что онъ совсемъ не зналъ ея намѣреній.— Какіяжъ были твои намѣренія? спросили у нее.— “Я не думала оправляшь Графиню.,— Для чего же ты всыпала порошокъ? ... или ты хоѣла употребить его, какъ вѣрное лѣкарство? ... При семъ вопросѣ взоры Зюмины заблещали; но въ помъ же мигъ вспрѣпились они со взорами суроваго Азана и грозный видъ его привелъ ее въ ужась. “Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала она въ смяшеніи; нѣтъ, я не знаю никакого лѣкарства.,—Такъ ты признаешся, что это былъ ядъ?—“Я ни въ чемъ не признаюсь!.,—Отвѣчай же.—“Я могу только

молчашь.,—При сихъ словахъ Ксимео подошелъ, и ставъ между обоими супругами, сказалъ: заключите и меня въ оковы; и я хочу умереть съ ними.—“Опець мой! живи для нашего сына!”,—вскричали вмѣстѣ Мирвань и Зюма.— Ксимео наспоаялъ въ своемъ прѣбываніи.

Судьямъ дано было повелѣніе, не упошреблять пышки и не разыскивать соучастниковъ прѣступленія; для сего приказали они удалить Ксимео и опвесши обратно въ темницу двоихъ супруговъ. Призвали Лѣкаря Графини и разспрашивали его; онъ объявилъ, что какъ болѣзнь ея упорно продолжалась, несмотря на самыя вѣрныя лѣкарства, и при оной открывались необыкновенныя припадки, то онъ съ самаго начала приведенъ былъ въ великое недоумѣніе, и что покушеніе Зюмы, не оставляя никакого сомнѣнія о безчеловѣчномъ ея намѣреніи, ушвердило его въ той мысли, кошорую онъ долгое время спарался испребишь; наконецъ онъ уже не сомнѣвался, что сія вѣроломная невольница оправила Вице - Королеву медлительнымъ ядомъ; а будучи пошомъ уда-

лена опъ прислугъ въ ея комнаѣ, и опасаясь, что бы молодосѣ Вице - Королевы и старанія , прилагаемыя о ея излѣченіи , не преодолѣли дѣйствія оправы, данной въ маломъ количествѣ, хошѣла она довершитъ свое злодѣйство, подмѣщавши въ пишье Графинино приемъ гораздо сильнѣе. При семъ объясненіи судьи ужаснулись и немедлѣнно собравши голоса, осудили двоихъ супруговъ, какъ изобличенныхъ въ оправленіи ядомъ, казнишь въ пошъ же день сожженіемъ на кострѣ. Привели ихъ въ залу судилища для выслушанія приговора; Мирвань выслушалъ его съ мужественною швердосію; Зюма, обливаясь слезами , бросилась къ его ногамъ: “Я шебя погубила, вскричала она: и только въ эпомъ раскаяваюсь; прости меня!,, — Переспанъ, опвѣчалъ онъ: будемъ обвиняшь только жестокосѣ нашихъ судей. Ушѣшься, Зюма; шираны, осудившіе насъ на погибель , освобождаюшь насъ опъ поноснаго ига; чрезъ нѣскольکو часовъ мы уже не будемъ ихъ невольниками! .,, Слова сіи смягчили даже окаменѣлое сердце Азаново! — “Мирвань,

вскричалъ онъ: успокойся объ участи швоего сына; я буду любитьъ его, какъ своего собшвеннаго.,,

Тогда было девять часовъ утра; повелѣніе приготовишь косперъ, было уже ошдано.

Вице - Королева находилась почти при смерти; Лѣкаръ объявилъ ея супругу, что шеряешь всю надежду, что она не перенесетъ еще шрехъ параксизмовъ лихорадки и чрезъ шесць, или семь дней жизнь ея прекратишься. Графъ былъ въ ужасномъ опчаяніи, съ копорымъ могло шолько сравнишься опчаяніе Беаприксы; ему и въ мысль не приходило пощадишь Зюму; къ шому же считаая ея люпѣйшимъ извергомъ, заглушилъ онъ въ сердцѣ своемъ всякое объ ней сосшраданіе. Онъ велѣлъ шолько обѣщашъ помилованіе Мирвану, если шопъ добровольно во всемъ признаешся. — “Скажише Вице-Королю, опвѣчалъ Мирванъ: что если бы обѣщаль онъ просишь даже Зюму—шо и шогда не услышалъ бы опъ меня ни одного слова.,,

Вице-Король не хотѣлъ ошавашъся въ Лимѣ при совершеніи сей жестокой

казни. Онъ уѣхалъ въ загородной домъ, распояніемъ на полмили отъ города, предполагая возвратиться шуда не прежде ночи.

Бѣдный Ксимео щепно соспавлялъ въ умѣ своемъ тысячу различныхъ плановъ къ освобожденію Мирвана и Зюмы; онъ хотѣлъ собрать друзей своихъ; но все утро за Индѣйцами столь стрѣго присматривали, что ему не возможно было переговорить впайнѣ даже съ Азаномъ и Тамиромъ. Тотчасъ обнародовали повелѣніе, что бы всѣ находящіеся въ Лимѣ Индѣйцы собирались видѣть совершеніе казни. Они были безъ оружія; Испанская спража удвоена и спавлена вокругъ коспра, кромѣ того двѣспѣ солдатъ должны были сопровождать несчастныя жершвы. Оспавалось только покориться необходимости; опчаянный Ксимео положилъ на сердцѣ намѣреніе — броситься въ косперь и сгорѣть вмѣспѣ съ дѣшми своими.

Между темъ, какъ весь городъ со спрахомъ ожидалъ сего плачевнаго зрѣлица, Вице-Королева, не зная ничего о шомъ, что случилось; лежала въ посше-

лѣ; слабость ея и болѣзнь еще болѣе усилились. Замѣтя съ шести часовъ упря необыкновенное волненіе между окружавшими ее женщинами, чрезвычайно удивилась она тому, и наконецъ догадалась, что опъ нее скрывающъ нѣчто по приказанію Беаприкса. Беаприкса часто выходила изъ комнаты, что бы плакать на свободѣ. Въ одну изъ сихъ минушъ Графиня настоятельно потребовала объясненія опъ бывшей съ нею женщины и велѣла ей сказать всю правду. Женщина рассказала ей все, прибавя къ тому, что Зюма и Мирванъ не только не шайли своего прѣступленія, но вмѣняли еще оное себѣ въ честь. Удивленіе и ужасъ овладѣли Графинею, когда узнала она сію бѣдспвенную шайну. — “Творецъ милосердый! воскликнула она: скоро спану призывашъ имя швое съ болъшею надеждою!”, Тотчасъ приказала она какъ можно скорѣе приготошиться для нее опкрышья носилки, встала при помощи своихъ прислужницъ, закушалась въ длинное кисейное плашье и велѣла надѣшъ на себя покрывало. Носилки были гошовы; ни убѣжденія, ни сле-

зы сбѣжавшихся къ ней Испанокъ и Бе-
априксы, не могли удержатъ Графиню;
она велѣла положить себя на носилки
и нести чепыремъ невольникамъ; пя-
тый держалъ надъ ея головою большой
шафшяный зонтикъ; такимъ образомъ
оправилась она на площадь.... Часы про-
били двѣнадцать! ... Въ это время Мир-
ванъ и Зюма, обремененные цѣпями,
выходили изъ шемницы на мѣсто каз-
ни. Зюму вели двое солдатъ; она едва
держалась на ногахъ и опиралась о Свя-
щенника; безчисленное множество на-
рода спекалось ее видѣть. Въ толпѣ
примѣшила она Азана, который держалъ
на рукахъ и показывалъ ей сына ея. При
семъ видѣ испустила она пронзительный
крикъ, крикъ машери, опозвавшійся во
всѣхъ сердцахъ... и собравъ всѣ свои си-
лы, что бы приблизиться еще однаж-
ды къ сему милому младенцу, вырвалась
изъ рукъ Священника и солдатъ и ки-
нулась къ Азану, который подошелъ къ
ней... Азанъ положилъ дитя на препе-
щущую грудь машери: несчастная про-
ливала ручьи слезъ, давая сыну своему
последній машеринскій поцѣлуй. “Зюма!

пихо сказала ей Азанъ: укрѣпись; подумай, что самая смерть своя есть уже мщеніе, и что она темъ болѣе утвердишь нашу пайну...,, — О! не хочу мщенія, отвѣчала Зюма: если бы только могла я спасти Вице - Королеву! .,, Ничего болѣе не могла сказать она; солдаты снова взяли ее; Зюма почищала уже себя мершвою, когда опняли у нее сына, и только въ эту минушу почувствовала, что лишеніе жизни есть ужасная жертва.

Шествіе началось снова; оспавалось уже не болѣе прехъ сошь шаговъ до мѣста казни. Въ сіе время плачевный звукъ трубъ возвѣспилъ приближеніе жершвъ; косперъ запылалъ сверху, гдѣ накладыны были смолистые деревья... Мирванъ и Зюма вспустили въ плашановую аллею; въ концѣ ея видѣнь былъ роковый косперъ, коего унылое пламя разливалось въ воздухъ. При семъ ужасномъ видѣ, Зюма запрещала оць страха: въ ту минушу мучительное воспоминаніе о супругѣ и сынѣ испребилось изъ ея памяти; безчувствіе заступило мѣсто чувствительности и

Зюма ни о чемъ не думала, кромѣ близкой своей гибели; она видѣла только неизбѣжную смерть, и смерть въ ужаснѣйшемъ образѣ! . . . Она чувствовала, что силы ея оставляющъ; заспывшая кровь ея не переливалась по жиламъ, и не лишась еще памяти, она упала на руки Священника, который, несмотря на ея увѣренія въ невинности, увѣщавалъ ее къ раскаянію. . . . “Зюма, сказалъ Мирванъ: смерть наша не будетъ мучительна; посмотри, какіе облака дыму надъ костромъ: мы скоро задохнемся! . . . — Ахъ! опивчала Зюма умирающимъ голосомъ: я вижу только огонь . . . пламя. . . Между темъ они подходили, и каждый шагъ, приближая Зюму къ мѣсту казни, умножалъ непреодолимый страхъ ея! . . . Горестная чета могла уже оплечить Индѣйцевъ, стоящихъ въ мрачномъ уныніи вокругъ костра; всѣ они имѣли въ рукахъ кипарисныя вѣтви въ знакъ печали; Испанская шража окружала ихъ . . . Вдругъ послышался вдали крикъ: показался верховой; онъ скачетъ во весь опоръ, крича: “постойте, постойте! Вице Королева приказываетъ вамъ по-

медлишь; она будешь сюда вслѣдъ за мною.,—При сихъ словахъ всѣ остано- вились. Зюма, сложивъ руки, умоляетъ небо; но душа ея, объятая страхомъ, не можетъ еще предаться надеждѣ!... Наконецъ являющся носилки съ Вице- Королевою; она побуждаетъ носильщи- ковъ идти поспѣшнѣе; скоро они до- спигають до несчастныхъ супруговъ и останавливаются подлѣ нихъ; Испан- ская спрѣжа прибѣгаетъ и становит- ся вокругъ Вице-Королевы; Индѣйцы приближаются и шѣснясь полукру- гомъ напрошивъ ее. Тогда Вице-Короле- ва поднимаетъ покрывало и открыва- етъ лице свое, блѣдное и помное, но сіяющее крошестію и ласковостію, ко- торое уже съ перваго взгляда общаетъ милость. “Не въ моей власши, сказала она: драгоценное право миловать; но я увѣрена, что супругъ мой исполнишь мою просьбу и просишь ихъ: въ ожи- даніи того, беру я подъ мое покрови- шельство и сохраненіе сихъ несчаст- ныхъ. Снимише съ нихъ оковы, пошу- шите эшопъ опврашишельный косперъ, кошорый никогда бы не возгорался, ес-

либъ я прежде о томъ была извѣщена.,— При сихъ словахъ Индѣйцы бросають свои кипарисныя вѣтви и наполняютъ воздухъ радостными кликами: *да здравствуетъ, да живетъ Вице-Королева!* Ксимео выбѣгаетъ изъ толпы и кричитъ: *такъ, она будетъ жить!*... Зюма падаетъ на колѣни восклицая: “Боже Всемогущій! доверши твое дѣло!...”,— Вице-Королева приказываетъ Мирвану и Зюмѣ слѣдовать за собою подлѣ ея носилокъ, и такимъ образомъ возвращаешся во дворець, въ сопровожденіи многочисленной толпы народа, благословляющаго съ восторгомъ ея милосердіе и добродѣтель. Прибывъ во дворець, велѣла она Мирвану и Зюмѣ войти въ ея комнату; тамъ легла снова въ постелью и приказала изумленнымъ супругомъ спать по обѣ стороны ея кровати. Усталость и душевныя волненія сполько ослабили ея силы, что казалось, будто она приближается уже къ своему концу. Умиравшая Вице-Королева подала одну руку Мирвану, а другую Зюмѣ, которая, со слезами и споя на колѣняхъ, приняла ее. Беатрикса, не въ

силахъ будучи видѣшь споль гореспнаго для нее зрѣлица, заплакала и умоляла Графиню, что бы она позволила имъ выдти въ ближнюю комнату и оспашься шамъ до возвращенія Графа. “Нѣшь, нѣшь! сказала Вице-Королева: я опвѣчаю за нихъ, и опвѣчаю предъ Всевышнимъ Судією, копорый всѣхъ насъ судишь будешъ! Оспавъше ихъ здѣсь; они опворяпъ мнѣ райскія двери!,, — Боже мой! воскликнула Беаприкса: можно ли видѣшь тебя въ обяпшіяхъ убійць швоихъ? — “Гдѣ же найду я лучшее для себя мѣспо въ эту минушу? опвѣчала Вице-Королева: въ обяпшіяхъ дружбы чувспвовала бы я шолько, излишнюю гореспь; но эши шрепещуція руки, копорыя держу въ моихъ рукахъ, придаюпъ мнѣ болѣе бодрости; одинъ видъ сихъ несчастныхъ разливаешъ въ душѣ моей спокойспвіе и увѣренность!,, — О благодѣшельница моя! говорила Зюма, задыхаясь ошъ рыданія: если Небо не совершишь послѣдней моей надежды, тогда увидяшь, любила ли васъ несчастная Зюма! Нѣшь, не переживу васъ! — Слова сіи привели въ содраганіе Беаприксу: “ад-

ское лицемъ рсиво!,, вскричала она. — “Не оскорбляй ихъ, сказала Графиня: они разкаяваюшся; видишь ли ихъ слезы? !.. Ахъ, Зюма! продолжала она: черты лица твоего показываютъ душу небесную; я всегда любила тебя; могу ли же ненавидѣть передъ моею смертію?... Обоихъ васъ почишаю орудіями вѣчнаго моего блаженства и прощаю вамъ безъ всякаго усилія. О! еслибъ могли вы возвратишься въ объятія вѣры съ такимъ же чистосердечіемъ!,, — Зюма, будучи внѣ себя, хотѣла говорить, и можетъ бытъ открыла бы ошчаспи пайну, кошорая шеперь въ тысячу разъ болѣе шягошила ее, нежели тогда, какъ могла она симъ ошкрышіемъ спасши жизнь свою; но Мирвань прервала ея рѣчь. “Зюма, сказала онъ: будемъ молчать до времени, и поручимъ себя Богу, кошорого Вице-Королева призываетъ; онъ сохранитъ драгоцѣнную жизнь ея и оправдаетъ насъ!,, — Слова сіи были произнесены голосомъ шполь увѣришельнымъ и съ такимъ шоржеспвеннымъ видомъ, что сама Беашрикса была поражена ими. Графиня пошребовала объясненія

опъ Мирвана; но щещно: онъ просиль, чшобъ она уволила его опъ опвѣшовъ, и цѣлые два часа храниль упорное молчаніе.

Вице - Королева, спѣша освободить Зюму, не позабыла опсправить гонца къ Графу, прося его возврашиться какъ можно скорѣе; она ожидала его каждую минушу и удивлялась его медлѣнности; хотѣла уже послать другаго гонца, какъ вдругъ послышался на дворѣ замка необычайный шумъ; но копорый повидимому возвѣщаль радость, Беатрикса вышла освѣдомиться о причинѣ онаго; чрезъ минушу послѣ, Графиня услышала голосъ Вице-Короля; она велѣла опворишь дверь, крича: “прощеніе, прощеніе виновнымъ!”, — Они избавишели швои, сказалъ Вице-Король, вступаая въ комнату. Всѣ бывшіе шупъ окаменѣли опъ изумленія. Вице-Король держаль на рукахъ прекраснаго мальчика; Зюма, увидя его, вскрикнула опъ радости: это былъ сынъ ея. Графъ бросился къ ней, положиль дшпя на грудь машери, и изъявляль ей знаки чувспвишельнѣйшей благодарности. Ксимео слѣдовалъ за

нимъ и подошедъ къ Мирвану, сказали; “теперь можешь говорить; съ согласія всѣхъ Индѣйцевъ, шайна наша открыта, и мы всѣ глопали порошокъ въ присуствіи Вице-Короля; онъ самъ принялъ его прежде, нежели рѣшился дать своей супругѣ.” — При сихъ словахъ, Зюма въ восторгъ и съ радостными слезами, прижавъ къ груди своей дитя, благодаритъ Небо; Мирванъ обнимаетъ отца своего; Графиня дѣлаетъ тысячу вопросовъ одинъ за другимъ; Вице-Король рассказываетъ ей въ самыхъ короткихъ словахъ, что узналъ онъ отъ Индѣйцовъ. — “Боже милосердый! вскричала Графиня, обнявъ Зюму: это ангельское существо жертвовало мнѣ собою — и ее хопѣли за то казнить! За превосходный, неслыханный подвигъ осуждали ее, какъ за ужаснѣйшее злодѣяніе! ...”, — И для спасенія жизни своего младенца, прибавилъ Вице-Король: эта великодушная чета съ непреодолимою твердостью подвергалась стыду, безславію и ужасамъ позорной смерти! — “Ахъ! сказала Зюма: Вице-Королева сдѣлала для насъ несравненно болѣе: счищая меня и Мирвана своими

убійцами, она заспупилась за насъ, спасла, ушѣшила — и съ какою кропосшію, съ какимъ милосердіемъ!., — Вы обѣ получите награду за ваши добродѣтели, сказалъ Вице-Король: ты будешь лѣчишь ее!.. Вошь два приема этого благошворнаго порошку: одинъ для Зюмы, а другой для Графини. Послѣ сихъ словъ, всыпала онъ хиновый порошокъ въ два спакана воды; Зюма первая выпила, а Вице-Королева, не иначе какъ изъ ея рукъ, кошѣла принявъ это спасительное пишье. Всѣ были въ слезахъ; Графиня, подкрѣпляемая радосшію и надеждою, съ восторгомъ обнимала своего супруга, Беаприксу и счастливую Зюму; взяла къ себѣ на руки Зюмина младенца, осыпала его ласками и общалась бышь ему вшорою матерью. Беаприкса и всѣ Испанки окружили Зюму, не могли на нее на-смотрѣшься и удивлялись ей. Беаприкса, почти въ изспупленіи, цѣловала у нее руки, благодѣтельные руки, копорья недавно почишала орудіемъ ужаснѣйшаго злодѣянія!... Въ эту минушу восторга, Вице-Король взявъ за руки Мирвана и Зюму, вывелъ ихъ на балконъ,

копорый былъ на большую улицу, наполненную тогда Испанцами и Индѣйцами. "Вошь, говорилъ онъ, указывая на Мирвана и Зюму: вошь произвольныя жершвы благодарности, чувствованій природы и свяности обѣшовъ! Индѣйцы! несравненныя добродѣтели ихъ и Вице-Королевы заславили васъ позабышь ненависть, копорая нѣкогда была споль праведна, но нынѣ была бы несправедлива! Вы одни могли единодушно сложить съ себя жестокою кляшву, порожденную мщеніемъ.—И вы сдѣлали эшо: изъ шайныхъ враговъ нашихъ слали вы благотворителями спараго свѣта! Опнынѣ попеченіе о вашемъ благѣ будешь для насъ не сполько долгомъ челоуколюбія, но и долгомъ благодарности; и сей долгъ будешь вышолнить. Индѣйцы! вы всѣ, копорые на семъ вѣчно-памятномъ собраніи пожертвовали закоренѣлою злобою удивленію добродѣтели и сладостному состраданію, Индѣйцы, вы свободны! Такія чувствованія дѣлають васъ достойными быть наравнѣ съ вашими побѣдителями; наслаждайтесь сею славою; васъ освобождаетъ

добродѣшель!...Любите вашего Государя, будьте ему вѣрны; вамъ будущь розданы учасѣтки земель; разводите на оныхъ *древо здравіа*; и разводя его, помните, что цѣлый міръ будеть вамъ обязанъ за опкрытіе сего пворческаго благодѣанія!., — Рѣчь сія возбудила всеобщій восторгъ, и Вице-Король, желая довершитъ эпопѣ радостный день торжествомъ Зюмы, велѣлъ одѣшь ее въ великолѣпное платье, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; ее посадили въ богашой паланкинѣ и всѣ женщины Вице-Королевы, въ предшесивіи Беаприксы, слѣдовали за Зюмою; почешные пѣлохранишели Вице-Королевы шажѣ ее сопровождали; глашатай, сидя на лошади, вѣхалъ впередъ и кричалъ: *вотъ Зюма, супруга добродѣтельнаго Мирвана и спасительница Королевы!* Зюма, облокотясь на парчевыя подушки, держала въ колѣняхъ своего сына, а въ рукѣ имѣла вѣшвѣ *древа здравіа*. Такъ посѣшила она всѣ улицы города Лимы, при восклицаніяхъ народа, который толпами сбѣгался видѣшь ее и осыпалъ благословеніями. Когда Зюма возвращилась во дворець, то Графиня

приняла ее въ свои объятія, а потомъ повели ее въ прекрасныя комнаты, приготовленныя нарочно для нее и супруга ея; тамъ нашли они назначенную для нихъ прислугу, и съ того времени содержали ихъ, какъ искреннѣйшихъ и любезнѣйшихъ друзей Вице - Королевы. Вечеромъ дворецъ и весь городъ были освѣщены, а въ садахъ разставлены столы, за которыми угощали Индѣйцевъ.

Лихорадка совершенно оставила Вице - Королеву и Зюму: чрезъ недѣлю Графиня совсемъ оправилась. На той самой площади, на которой народъ съ ужасомъ видѣлъ роковый костеръ, Вице - Король велѣлъ соорудитьobeliskъ изъ бѣлаго мрамора, на коемъ было написано большими золотыми буквами:

Зюмѣ, другу и избавительницѣ Вице - Королевы, и благодѣтельницѣ стараго свѣта.

По обѣ стороны сегоobeliska посажено было *дерево здравія*; сіе драгоценное дерево, означенное великими подвигами великодушія, сдѣлалось съ того времени у Индѣйцевъ символомъ добродѣтелей, болѣе всего украшающихъ

человѣчество . Вице-Король немедленно опшправиль въ Европу значительное количество сего драгоценнаго порошку, копорый долго назывался *Графининымъ порошкомъ* *), и понынѣ еще сохраняешъ сие названіе на Лапинскомъ языкѣ .

Почести и богатство не произвели ни малѣйшей гордости въ великодушной и чувствительной Зюмѣ: она совершенно была достойна и своей славы и своего счастья .

Съ Франц. С.

РѢКА ЖИЗНИ.

Изъ странъ *Рожденія* рѣка
По царству *Жизни* протекаешъ,
Играешъ бѣгомъ челнока
И въ *Вѣчность* исчезаешъ .

*

Въ ней рѣдко видишь пищу
И рѣдко спруй успокоенье;
Но чаще бури бысприну ,
Волны съ волной боренье .

*

*) La poudre de la comtesse . Историческая достоверность .

Не отдыхая Жизнь плывешь
 По сей рѣкѣ шуманной,
 И борешься съ волнами бѣдъ
 До приспани желанной.

*

Лишь Муза съ берега глядишь
 На изнуренье Жизни хилой
 И розами ей пушь кропишь
 Окресъшь кормы унылой.

*

О Муза, спутникъ дней моихъ,
 Будь неизмѣнный мой вожапый!
 Твой взглядъ умножишь радость ихъ
 И облегчишь души ушрапы.

Гр. . . .

~~~~~

Г Р У С Т Ъ .

Напрасно такъ бьешься
 Ты сердце мое!
 Напрасно волнуешь
 Унылую грудь:

*

Нѣшь сердца, чшобъ билось
 Къ ошрадѣ швоей;
 Нѣшь друга, чшобъ горестъ
 Мою облегчилъ.

*

Я видно родился
 Для бѣдствій однихъ,
 Воспишанъ несчастьемъ
 Для вздоховъ и слезъ.

*

Природой оставленъ,
 Забытый людьми,
 Судьбою гонимый,
 Живу сиротой.

*

Пойду ли съ другими
 Въ пирующій кругъ—
 Тамъ всѣ веселяшя;
 Я опъ міру прочъ.

*

Брожуль по дубравамъ
 Размыкашь печаль;
 Но ахъ! все за мною
 Она по слѣдамъ!

*

Приду ли обратно
 Въ свой перемъ пуспой:
 Все шихо, лишь въ сердцѣ
 Злодѣйка не спишь.

*

Лешунья крылаша,
 Надежда моя!
 Не тыль обѣщала
 Найши мнѣ приюшь?

*

Не ты ли мнѣ льстила,
 Чшо страспью моей
 Я милой Полины
 Любовь заслужу?

Но ты улешѣла
 И Богъ вѣсшь куда;
 А я по неволѣ,
 Опяшь сиршой!
 1811.

Ө. Р.

~~~~~

МОРЕ И ЗЕМЛЯ.

(Изъ Мосха.)

Когда голубая пучина спруишся,
 Опъ пихаго вѣпра сребрясь чешуей:
 Мнѣ берегъ не миль, и мой духъ веселишся
 Ея безмяшежной, нѣмой пишиной.

*

Когдажъ она воешь, исполнена гнѣвомъ
 И пѣна сѣдая клубами шумишь,
 И бурныя волны сражающся съ ревомъ:
 Мнѣ воды не милы и берегъ мнѣ льшишь.

*

Тогда мнѣ прияшна и роца гусшая,
 Расшушая дико на мрачныхъ лугахъ,
 Гдѣ вѣпръ завываешъ, деревья качая,
 И свищешъ уныло въ иглисныхъ соснахъ.

*

Сколь рыбарей бѣдныхъ несчастна судьбина!
Ихъ одръ и жилище—колеблемый чолнъ;
Ихъ поприще—водъ неизмѣрныхъ пучина,
А рыба—добыча невѣрная съ волнъ.

*

Блаженнѣй спокрашно, кшо взоровъ мрач-
ныхъ,
Подъ сѣнью густою въ безопасности спить,
При сладостномъ ропотѣ спруекъ прозрач-
ныхъ
Ручья, чшо зелены равнины кропишь.

М. Загорскій.

~~~~~

НАДПИСЬ КЪ МОЕМУ АЛЬБОМУ *).

Оспраду отъ заботъ, отъ службы
Въ бесѣдахъ дружескихъ всегда я находилъ,
Я только дружбой счастливъ былъ...
Любовь! ... но чшо любовь безъ дружбы?

И.

~~~~~

*) Названному мною: *Памятникъ дружбы.*

О ВЕЛИКОМЪ ХАРАКТЕРѢ.

Ignes est ollis vigor et coelestis origo.

Aeneid. L. VI. v. 730.

(Сила его огненная, происхождение небесное.

Енеиды Кн. VI, ст. 730.)

Геній есть совершенство ума, великій характеръ есть совершенство воли.

Совершенство всего человѣка состоитъ въ соединеніи великаго генія съ великимъ характеромъ.

При недоспапкѣ великой силы характера и генія въ соединеніи, согласіе между умомъ и характеромъ составляетъ нѣкопорую степень совершенства въ человѣкѣ. Въ большей части людей видимъ мы, вразсужденіи сего, разительныя несообразности. Одни не имѣютъ ума, приличнаго своему характеру; у другихъ не достаетъ характера для ума. Послѣдніе имѣютъ болѣе генія, нежели воли; они, въ поступкахъ, не слѣдуютъ своимъ понятіямъ; видятъ хорошо, но дѣйствуютъ

несообразно со своимъ мнѣніемъ: это люди слабые. Первые напрашивъ болѣе имѣюшъ воли, нежели генія; понятія ихъ необширны и очень ограничены; но въ поступкахъ своихъ они слѣдуютъ симъ понятіямъ съ рѣдкимъ постоянствомъ: это люди упрямые.

Нельзя возвысить своего генія до характера; ибо геній есть даръ природы; но можно возвысить характеръ до генія, потому что характеръ соспоишь въ волѣ; въ семъ отношеніи величіе наше зависишь отъ насъ самихъ.

Что такое великій характеръ? Изъ какихъ началъ онъ соспоишь? Какія дѣйствія производишь въ нравственномъ мірѣ? Какія обстоятельствова способствують раскрытію его? Вотъ вопросы, копорые хотимъ мы объяснить здѣсь. Не входя въ подробности, предложимъ одни начала.

Характеръ *добрый*, характеръ *благородный*; т. е. образованный правилами нравственности, характеръ *благородный* и характеръ *великій* весьма различны между собою.

Характеръ *добрый* есть тошъ, ко-

пораго наклонности, спремленія, привычки, по благодѣянію самой природы, не имѣюшь ничего злобнаго; характеръ добродѣтельный предполагеть въ чловѣкѣ направленное и поспоянное спремленіе чувствованій, понятій и дѣяній къ порядку и законамъ; первый имѣеть достоинство отрицательное, а послѣдній положительное. Съ добрымъ характеромъ люди раждаюшся, а добродѣтельный приобретаюшь; шопъ есть слѣдствие обстоятельство, а эшопъ произведеніе искусства; добрый часшо бываеть слабъ, а добродѣтельный мало помалу достигаетъ своего совершенства.

Благороднаго характера опличительныя черты составляютъ безкорыстіе. Чловѣкъ благороднаго характера чуждъ всѣхъ низкихъ спраспей, всякой личности; забывая самаго себя, онъ чувствительнъ только къ добротѣ дѣяній, живеть для благошвореній. Но такой характеръ можетъ быть еще слабымъ, можетъ не имѣть той силы, которая необходима для знаменитыхъ дѣяній.

Великій характеръ есть самый со-

вершиннѣйшій и самый рѣдкій. Въ немъ соединяется благородство съ величїемъ. Сила воли, хотя бы она была желѣзная, не составляетъ великаго характера; но нѣтъ великаго характера безъ силы воли. Сила въ человѣкѣ не ручается намъ ни за свойства цѣли, его, ни за свойства средствъ. Характеръ возвышенный, благородный, не есть еще характеръ великій, поелику въ немъ можешь еще недоставаешь силы и твердости; но нѣтъ великаго характера безъ возвышенности души; ибо сіе только одно свойство уснащаетъ человѣка къ великой цѣли и составляетъ его опровергать низкія средства.

Такимъ образомъ великій характеръ предполагаетъ двѣ вещи: силу воли и господство мыслей надъ нуждами и выгодами. Разкроемъ сіи два начала.

Дайше мнѣ, сказалъ Архимедъ, почку, на которой бы можно было опереть силу; тогда подыму я весь міръ. Человѣкъ съ характеромъ имѣетъ сію неподвижную почку въ самомъ себѣ; эта почка есть его воля. Что бы произвести величайшія дѣйствія въ нрав-

свенномъ мірѣ, что бы хопѣшь сильно, постоянно, непременно, стоишь только хопѣшь.

Въ мірѣ видимъ мы только двѣ силы: природу и волю, ш. е. силу физическую и свободную. Съ перваго взгляда кажется, что свобода должна пасшь подь силою природы; но какъ ни грозна и ни сильна природа, человекъ не долженъ спрашивъся борьбы съ нею. Если воля не всегда можешъ покоряшь себѣ и перемѣняшь природу, то и природа не можешъ также поржесшвовашъ надъ свободою; ибо воля или сопрошивляешъ природѣ и измѣняешъ ее, или сама ей повинуется; но и въ семъ повиновеніи она являешся еще владычицею самой себя.

Слѣдсвенно воля естъ первая изъ силъ; а первое свойсшво, какое долженъ имѣть характеръ, естъ *твердость*. Кто не имѣешъ сего драгоценнаго свойства, тотъ не имѣешъ характера.

Сила воли сосшощъ изъ постоянства, съ какимъ шрешмшся она къ предмету, изъ количесшва усилій, какія употребляешъ для досшженія онаго, и изъ продолженія сихъ усилій.

Силу воли можно опредѣлять, какъ опредѣляющія силы физическія, массою, сопротивленіемъ и скоростію.

Одна сила воли не составляетъ великаго характера; существенная принадлежность онаго есть направленіе воли.

Нужды, выгоды и мысли служатъ предметомъ и цѣлю воли.

Нужды могутъ иногда возбуждать продолжительныя усилія, необыкновенную твердость въ намѣреніи и великое пожертвованіе силъ. Счастливая охота споймъ иногда дикарю болѣе, нежели завоеваніе провинціи полководцу. Занятія въ художествахъ, особливо въ младенчествѣ ихъ, всѣ вообще предполагаютъ весьма много воли. Нѣтъ ничего въ семъ случаѣ удивительнѣе пчелъ и бобровъ; воля ихъ, повинующаяся одному инстинкту, кажется, сама дѣлается нѣкоторымъ родомъ инстинкта.

Выгоды предполагаютъ высшую степень образованности и просвѣщенія; ибо онѣ основаніемъ своимъ имѣютъ пользу, а въ борьбѣ полезнаго есть дѣйствіе размышленій и расчетовъ. Кто

совѣтуешся со своими выгодами, пошь объемлеть гораздо болѣе предметовъ, нежели рабъ минувныхъ нуждъ; онъ покаряешъ настоящее будущему, сравниваешъ средства съ цѣлю и причины съ дѣйствіями. Но какъ всѣ сіи счеши и всѣ размышленія опнесяшся только до него и цѣлю имѣюшь его личное благополучіе; по онъ, хошя и превосходишь умомъ дикаря, рабски повинующагося влеченію нуждъ, но не превосходишь его великостію души. Чего бы онъ ни искалъ — домогался бы прона, или какой нибудь малозначущей почести, спарался ли бы о приобрѣшеніи милліоновъ, или нѣсколькихъ копѣекъ, о снисканіи любви нѣсколькихъ особъ, или цѣлаго большаго города — все равно, какъ скоро онъ смошришь только на себя самага, на благополучіе свое, или шѣхъ, кто къ нему ближе. Если достигнешъ онъ своей цѣли, по успѣхъ докажетъ его дѣятельность и швердосшь въ намѣреніи: но можно имѣшь глубокомысленный умъ, сильную, швердую волю, и вмѣстѣ малую, низкую душу.

Къ несчастію большая часть людей не возносятся выше нужды и выгоды; они употребляютъ волю свою на то, что бы удовлетворить первымъ и достигать послѣднихъ. Свобода для нихъ есть не что иное, какъ только орудіе для достиженія предмешовъ приащныхъ или полезныхъ; то, что есть божественнаго въ природѣ человѣческой, покоряется въ нихъ земному, самому грубѣйшему; божество употребляется на дѣла самыя простыя: это Аполлонъ, пасущій стада Адметовы и, своимъ видомъ, своими поскупками, опровергающій доставшіяся ему въ удѣлъ божескія качества. Простые люди забываютъ, что они должны быть художники своей жизни, или лучше сказать своего характера, что должны образоваться оный впечатлѣніемъ свободы; замѣняя сіе искусство механическою работою, они спешиваясь только простыми ремесленниками своихъ качествъ. У большей части образованіе характера походитъ на начертаніе лѣхъ фигуръ, какія изображаются на пескѣ движеніе вѣтра, или кошорвыя даешь машеріи движеніе еши-

хій; то и другое суть произведенія слѣ-
пыхъ причинъ, а не мысли дѣйствующей.
Отсюда-то происходитъ крайнее
убожество характеровъ, достойныхъ
сего названія. Сія - то одна печальная
испина изъясняетъ эту мрачную кар-
тину, которую неоднократно пред-
ставляла исторія міра.

Надъ нуждами и выгодами берутъ
верхъ идеи, въ смыслѣ самомъ ошвле-
ченномъ ошъ машеріи, поколику пред-
ставляющъ ошъ какой либо идеаль со-
вершенства, или лучше сказать имѣющъ
какой либо предметъ общій.

Сіи идеи всѣ имѣющъ одно общее
свойство, сколько ни различны ошъ по
другимъ ошношеніямъ; всѣ ошъ соспав-
ляющъ ошвлечение недѣлимага, которое
всегда занимаетъ только одну точку
пространства и времени, и объемлющъ
всѣ времена и всѣ мѣста.

Не должно думать, будто всѣ сіи
идеи могутъ бытъ подведены подъ идеи
нравственнаго порядка и обязанности.
Законъ нравственный конечно есть идея,
но болѣе отрицательная, нежели поло-
жительная, болѣе упреждающая и за-

прещающая дѣйствія; нежели произво-
дящая ихъ. Напрошивъ шѣ идеи, о кошо-
рыхъ мы говоримъ, существенно сущъ
начала дѣйствія. Законъ нравственнѣй
не предписываетъ героизма; а идеи вну-
шаютъ въ насъ героизмъ въ самомъ об-
ширномъ значеніи сего слова.

Сей героизмъ есть не что иное, какъ
совершенное безкорыстіе. Кто умѣетъ
презираетъ то, чего большая часть лю-
дей боится; кто сдѣлалъ для себя чуж-
дымъ все относящееся къ его лицу и
посвящаетъ всего себя какому нибудь
великому предмету; шопъ есть герой,
какого бы рода сей предметъ ни былъ.

Сии идеи относятся къ шемъ пред-
метамъ, кошорые должно любить для
нихъ самихъ, безъ всякихъ другихъ ви-
довъ, каковы сущъ: Богъ, или Религія,
честность или добродѣшель, всеобщее
счастіе или человѣчество, благо и мо-
гущество народа, или опечество.

Прилѣпиться къ какой либо изъ сихъ
идей всею силою ума и сердца, сдѣлать
ее господствующею и управляющею сво-
ею идеею на цѣлую жизнь; слѣдовать
ей съ бодростію, постоянствомъ и швер-

доспїю, вопшъ умспвенный образецъ вѣдїкаго характера!

Душа, вознесенная на шакую высоту еспешпвленнымъ расположенїемъ своимъ, или великимъ шрудомъ надъ собою, будучи выше всего, видїшь все въ опдаленїи и не позволяешъ вещамъ взяшь предъ нею преимущесшво; будучи внѣ предѣловъ всего, чшо люди и случаи могутъ дать, или опннншь, находїшь она всегда себя самую и свою апмосферу.

Великїй характеръ можетъ имѣшь нѣкошорыя спрасшн; еспь даже, кошорыя ему весьма приличны: но онъ на самыхъ спрасшяхъ напечатлѣваетъ нѣкошорымъ образомъ свои собспвенныя чершы, печать своего величїя. Въ чесплюбїи, въ любви къ славѣ, въ гордосшн имѣешъ онъ какое-шо особенное величїе, кошорымъ оплнчается и кошорому подражашъ невозможно.

Его человѣколюбїе никогда не обрашнтся въ жадносшь исканїя чеспей, любовь къ славѣ въ дѣшскую суешносшь, гордосшь въ высокомѣрїе. Живн для однѣхъ великихъ и вѣчныхъ выгодъ человѣчесшва, пернн изъ виду личносшь и

погружаясь добровольно въ идеи безсмершныя, въ нихъ полагаешъ онъ свое честполубіе, свою славу, свою гордосшь. Онъ можешъ говоришь о самомъ себѣ; но онъ сполько великъ, что не будешъ говоришь часпо, не будешъ любовашься собою; великія идеи и великія дѣянїя ему споль обыкновенны, что на рассказы объ нихъ не будешъ онъ шерашъ много времени; его дѣяшельносшь, изобиліе и богатсшво влекушь его къ будущему, которе ожидаешъ его, призываетъ, пребуешъ, и заспавляюшь забывашъ прошедшее. Онъ будешъ чувспвишелень къ одобренію, какъ къ невольному знаку почпенія, какое оказываюшь люди досшшинсшву; но будешъ презирапшь хвалу; чувспвованіе своего досшшинсшва поселишь въ немъ ошвращеніе къ низосшямъ лешши. При самомъ даже недосшашкѣ правилъ, одинъ вкусъ заспавиль бы его ненавидѣшь всякое увеличиваніе; онъ не позволишь поклоничесшва предъ собою, защищится ошъ шакого оскорбленія и не захочешъ, что бы современники, унижая себя предъ нимъ, унизили его въ очахъ цощомсшва.

Вошь опличительныя чершы великаго характера! Онъ состоишь изъ двухъ началъ: изъ идей, направляющихъ силу, и силы, приводящей идеи въ исполненіе.

Человѣкъ бываетъ великимъ только по великому характеру. Одинъ гений не даетъ еще величія. Гений есть даръ природы: а чрезъ то, что получается отъ природы, нельзя быть великимъ; великимъ дѣлають человека шѣ только качества, которыя даетъ онъ самъ себѣ; величіе его должно быть его собственное дѣло; совершенство воли гораздо выше совершенства ума, потому что оно есть дѣйствіе самой воли.

Что касается до гения, то рѣдко можно различить что принадлежитъ ему, и что должно отнести къ благопріисловивавшимъ ему общошественствамъ, или къ постороннимъ пособіемъ и къ спешенію вторыхъ причинъ, которыя дѣлають его дали важныя послѣдствія. Но гораздо почтѣе можно узнать, что принадлежитъ великому характеру; по крайней мѣрѣ шаконъ человекъ самъ всегда знаетъ, чемъ обязанъ онъ самому себѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

И жизнь проводишь безмятежно;
 Вдали же на горѣ шамъ видѣнъ Божій храмъ,
 Куда собираются прихожане смиренно
 Принесшь Творцу мольбы усердья еиміамъ (5).

Ошпудажъ не далѣко,

Угодноль, я васъ поведу

Хошь въ поле, или вѣлѣсь, или въ рѣкѣ широкой,
 Гдѣ алчный челоуѣкъ живошнымъ на бѣду,
 На пользу для себя, а часпо для забавы
 Спановишъ сѣшь, силки, не рѣдко и ошравы,
 Иль скачешъ на коняхъ изъ за гусшыхъ лѣ-
 совъ

Съ спаницей гончихъ псовъ (6).

Костявицѣ.

~~~~~

Шарада.

Для смѣха *первое* идетъ въ употребленье,
Второе знашь во всемъ насъ учашъ мудрецы;
 А *третье* мое естъ дщеръ воображенья.
 Большею частію ей преданы пѣвцы.

Костявицѣ.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° XXXV.

О ВЕЛИКОМЪ ХАРАКТЕРЪ.

(Окончаніе.)

Сила генія, подобно всѣмъ силамъ природы, есть только относительная; въ немъ все зависитъ отъ точки сравненія; но совершенство воли можетъ быть определено независимо; нельзя и не должно утверждать, будто достигнутъ онаго не возможно.

Достоинство силы генія есть только условное и зависитъ отъ ея направленія и предмета дѣйствія; характеръ одинъ избираетъ се направленіе и сей предметъ: слѣдовательно одна только великость характера можетъ дать великость генію.

Можетъ быть даже, что съ великимъ характеромъ неразлучна нѣкоторая крѣпость генія. Владычество идей надъ душою возвышенною и сильною

предполагаетъ всегда великую силу умственной способности. Такимъ образомъ великій характеръ всегда даетъ своимъ произведеніямъ — послупки ли то — сушь, или сочиненія — печать оригинальности; онъ разливаешь на все, что дѣлаешь, какую-то пимпическую и шворческую очаровательность, попому что все, что онъ дѣлаешь, показываешь вдохновеніе.

Великіе характеры весьма явно открыли себя въ пѣхъ вѣкахъ и спранахъ, въ коихъ они были; они произвели на нравственный міръ счастливое и сильное вліяніе. Смѣлыя, но не превышающія силъ человѣческихъ предпріятія; продолжительныя и прудныя занятія, которыхъ плоды оспаешся собираешь попомшву; уваженіе ко временамъ древнимъ и попеченіе о пользѣ для временъ будущихъ; не много идей, но идей великихъ, дѣяшельныхъ, всегда занимающихъ; мало словъ, но много дѣйствія; рѣчь мужественная, сильная, живая; сила безъ усилія, пожертвованія безъ щеславія, спрасши безъ низосши въ выборѣ предметовъ и средствъ; ненависть, или

привязанность, открышыя, но безъ-личныхъ побужденій; въ дѣлахъ государственныхъ увѣренность въ безсмертіи государства, и попому виды далекіе и обширныя; въ Политикѣ предпочтеніе славы и чести выгодамъ корысти и прибыли; въ войнѣ побѣда, или смерть; въ нравахъ праводушіе и опкровенность; въ Философіи глубокомысленность безъ шемнопы, проницательность безъ шонкопей, смыслъ возвышенный, прямой и ясный; въ Поэзіи и искусстввахъ богатство и природа; въ формахъ достоинство и во всемъ благородная и привлекательная простота — вотъ нѣкоторыя опличительныя черты сихъ счастливыхъ вѣковъ!

Противоположность еще лучше покажетъ свойство и красоту того оппечатка, какой произвели въ своихъ вѣкахъ великіе характеры. Что видимъ мы въ тѣхъ временахъ, въ кошорыхъ нѣтъ великихъ характеровъ? Множество идей въ обращеніи, но мало началъ, мало шакихъ понятій, кошорыя бы, вкореняясь въ умѣ, производили рѣшительное впечатлѣніе на дѣянія; презрѣ-

ніе къ прошедшему, слѣдствіе лѣности ума и гордости, и къ будущему великое равнодушіе, которое наспоющему счастью жеривуесть будущими поколѣніями и ограбивъ опцовъ, лишаесть наслѣдства дѣшей; планы на все, начертываемые и оспавляемые съ равною скоростію; опважнось въ предпріятіяхъ и робоснь въ мѣрахъ исполненія. Люди сихъ временъ не умѣють ни любить, ни ненавидѣть; но умѣють привязываться ко всякому, кпо услуживаетъ, или можесть услужить имъ, умѣють вредить тому, кпо вредить, или можесть вредить имъ; говоряшь много, но дѣлають мало; терпяшь разныя мнѣнія по одной безопасности, бывають челоувѣколюбивы по слабости, миролюбивы по склонности къ покою; безопасноснь предпочитаютъ независимости и чести, а личную безопасноснь всему; лучше любяшь жалкимъ образомъ пресмыкаться, нежели умереть со славою. Свѣсь безъ великихъ характеровъ есть не что иное, какъ шрупъ, сохраняющій нѣкоторые признаки жизни, и родъ челоувѣческій, не

имѣя мыслей, дѣлающихъ его благороднымъ, и силы, соспавляющей истинное существованіе, внушаетъ только жалость и опвращеніе. Таково было состояніе Римскаго государства въ началѣ пятаго столѣтія по Р. Х. Тогда появились на землѣ оныя завоеватели, бичи Божіе, копорые всѣмъ желали только зла и рабства, но знали, чего желали. Напавъ на образованность силою всѣхъ богатствъ самой образованности и гоня переродившіеся народы бичемъ желѣзнымъ, нашли они для себя выгоду въ семъ перерожденіи. Попомство болѣе изъявило ужаса къ пиранамъ, нежели жалости къ жершвамъ, заслужившимъ такую участь, и попомство право..

Осмоенадесять столѣтіе имѣло двухъ человекъ, копорые, по великости характера, равнялись всему, что въ древнемъ мірѣ было великаго. Это были Пепръ, шворецъ Россіи, и Фридрикъ. Какъ ни различны сіи два героя; хопя одинъ въ цозіи жизни своей неравень и величественъ, подобно Даншу и Михель-Анжу, а другой величественъ и со-

вершень, какъ Софокль и Рафаель: однакожь они близки и сходны по великости характера. Оба они, во всю жизнь свою, исполнены были мыслию обеспечитьъ политическую независимость своего отечества, утвердить сію свободу на истинномъ основаніи, на могуществѣ, и произвести сіе могущество разкрытіемъ всѣхъ силъ народовъ ихъ; оба были воины, но война была для нихъ не что иное какъ средство положить въ самомъ народѣ своемъ обеспечение существованія и правъ его; не хотѣли покорить міра, но желали столько завоеваній, сколько было нужно, чтобы не быть покоренными; не позволяя себѣ ослѣпляться успѣхами и идти шакъ-далеко, какъ могло бы вести ихъ счастье, умѣли они остановиться; удивля и испраша свѣтъ своими побѣдами, успокоили оный своею умѣренностію; оба испытали ужасныя неудачи и приобрѣли чудесныя побѣды; въ счастіи не знали слабости мечтаній и гордости, въ несчастіяхъ сохранили спокойствіе духа, довольнаго собою и знающаго свои силы; оба были просны, скромны; спра-

спсны къ наукамъ и художествамъ, спарались болѣе шворишь и сохраняшь, нежели разрушашь.

Сб Франц. Ф.

тпттпт

ЧЕРТОГЪ ЗОРАИДЫ *)

Калифъ *Гади* **), коему великодушный Гарунъ по праву первенства успунилъ пресполъ, воспріялъ — до полученія завѣщаннаго родителемъ вѣнца — правительство надъ Калифаномъ. Воспитанъ будучи въ нѣдрахъ гарема, онъ былъ своенравенъ, недовѣрчивъ, подозрѣвающъ, скрышенъ, памятозлобенъ, неремѣчивъ и сластолюбивъ; къ тому

*) Изъ Повѣспи: *Вѣнецъ Калифа Альманзора*.

***) *Гади*, четвертый Калифъ поколѣнія Аббасидовъ, сынъ *Магади* и братъ *Гарона*, или *Гаруна Ал-Рашида*. См. Гербелоша Восточную Библиошеку, Том. II, стр. 165. Слово: *Гади*, значить повелитель, предводитель, также какъ и слово *Ал-рашидъ* значить справедливый, правосудный. См. шамъ же стр. 167 и 205.

же онъ былъ скоръ въ движеніяхъ сердца своего и неперпѣливъ въ своихъ намѣреніяхъ. Хитрые царедворцы, проницательнымъ окомъ соглядающіе поступки своего повелителя, поспѣшь узнали умъ его и душу. Внезапно устроился окрестъ его полкъ ласкашелей, которые превознесли его хвалами и, подавляя другъ друга, спѣшили исполнить его волю. Изъ сонма полъ усердныхъ рабовъ проницательнѣйшій Гаджи-Гуссейнъ представилъ въ даръ Калифу прелестную Кашемирянку *Зораиду*. Ея стройный станъ, ея высокій ростъ украшены были величавою сановитостію. Но когда Гаджи - Гуссейнъ, услужливою рукою, опмахнулъ съ лица ея покрывало, тогда *Гади* очарованъ былъ восхищительною красою, которую шокмо семнадцатилѣтній возрастъ сближаетъ можешь съ зарею Майскаго, яснаго утра. Бѣлое, подобное цвѣту лилей, лице ея оживлено было самымъ шонкимъ румянцемъ; большіе голубые глаза, освѣщенные длинными ресницами, пламенѣли огнемъ чувствительнаго сердца; на гордомъ челѣ ея

изображалось ума богатство; уста были алы, какъ амарантъ; свѣпчуровыхъ волосъ расплещіяся косы упали на пышную грудь, кошорая колебалась отъ порывистыхъ вздоховъ. Благородная, ей особенно присщойная осанка, соединенная съ привлекашелою спыдливорстію, споль много возвышала ее прелеспи и шакую придавала имъ волшебную силу, что *Зораиду* скорѣе можно было почесать Гурією съ небесъ сошедшею, нежели смершною. Хоша весь нарядъ ее составляли: блѣдногелубой долиманъ и Кашемирское шонкое покрывало; но сей нарядъ — на *Зораидѣ* превосходилъ всѣ дорогіе уборы въ свѣшѣ на всякой иной красавицѣ. Къ довершенію невозвратной побѣды надъ Калифомъ, прелесшная невольница поверглась къ ногамъ его и шоннымъ голосомъ, подобнымъ спенанію горлицы, шоскующей о шепломъ своемъ гнѣздѣ, бурю погубленномъ, она взывала къ нему со слезами: “Повелитель правовѣрныхъ! будь милосердъ къ несчастной; я одна дочь была у родителей и составляла единственное ихъ ушѣщеніе: безъ меня кто ихъ успоко-

“ишь? Я похищена изъ рукъ ихъ; оппу-
 “спи меня къ нимъ, и шемъ избавь ихъ
 “опъ преждевременной смерши.,—Плѣ-
 ненный *Зораидою Гади*, коего очи уже
 пылали жаромъ спрасши, опвѣчалъ ей,
 что подь кровомъ его найдешь она не-
 ожидаембе ея счаспие. Съ симъ словомъ
 самъ поднялъ ее опъ ногъ своихъ и ве-
 лѣлъ опвесши въ гаремъ къ своей ма-
 шери. На другой же день *Зораида* объ-
 явлена женою всевлашнаго Монарха
 Азии и Африки; а чиновникъ, умѣвший
 ея угодишь ему, опредѣленъ правителемъ
 всего Альямана, лучшей обласши
 во всѣй Аравии.

Любовь Калифа къ *Зораидѣ* съ часу
 на часъ возраспала болѣе и болѣе. Ис-
 чезъ для него великолѣпный Багдашъ,
 исчезла проспранная Аравия; словомъ —
 исчезла вся вселенная: одна шокмо *Зо-
 раида* была для него все, и Калифъ *Гади*
 въ ея нѣжныхъ взглядахъ почерпалъ свою
 жизнь.

На лонѣ роскоши, въ объятіяхъ нѣ-
 ги, среди забавъ, счаспливая *Зораида*
 находилась въ храмивѣ, нарочно для нее
 сооруженной художниками Визаншій-

скими, кои требованы были Калифомъ ошь Греческой Царицы Ирины *). Сполпы Египетскаго гранипа и сполпы Паросскаго мрамора поддерживали покрышые лазурью, златомъ и *христалльными* гранями своды зданія сего. Подъ шѣми сводами висѣли липшыя изъ сребра паникадилы, убранныя снизками бурмишскихъ зерень. Съ одной спороны спѣна была засплана асписомъ и дорогими каменьями. На ней предспавлень былъ холмъ, цвѣшы и виноградъ произраспающій: шупъ виноградныя лозы были изъ шемнобагряннаго агаша, липшы изъ изумрудовъ; а шопазы, яхоншы, рубины и смарагды, искусно въ подражаніе природѣ подобранныя, изображали

*) Царица Греческая, жена Имперашора Льва IV, славная въ Испоріи возспановленіемъ иконопочишанія. Во время ея царспвованія Аравляне имѣли частшыя и удачныя войны съ Греками, особливо при Калифѣ *Магади*, кошорому Ирина повинна была плашпшь весьма знашную дань однимъ лишь золошомъ.—См. Гербелоша въ шомъ же 2 шомѣ, спран. 511.

лучшіе, различные Аравійскіе цвѣшпы и растѣнія. Алмазы, съ камнемъ морской воды перемѣшанные, живо представляли мелькающія спруи источника, съ холма низвергающагося. Богатая рама сей не-оцѣненной картины соспавлялась какъ будшо сама собою изъ вѣшпвей чернаго и краснаго коралловъ, перевишыхъ крупными жемчугами съ ягодами, выпочеными изъ чистаго яншара *). Съ другой

*) Роскошь Азіатскихъ власшпелей, особенно для увеселенія ихъ женъ испощаемая, просширалась до невѣрояшя. Всякой пощ не усомнишся, что шаквая храмина и садъ могли бышъ усшрены сладосшрасшнымъ Калифомъ Аравійскимъ для любимой имъ Зорацды, кшо прочишаешъ въ жизни славнаго Орелг-Зеба, или Оранб-Цеба, владѣшеля Индосшана, описаніе шой великолѣпной галлерей, какую ошець его Шахъ Іеганб (кошораго прешоль былъ въ 60 милліоновъ рублей по нынѣшней цѣнѣ) приказаль построишъ для одной паче всѣхъ прочихъ, любезнѣйшей наложницы своей.—См. книгу: *Сравненіе житія и дѣлъ разныхъ восточныхъ знаменитыхъ мужей*, стран. 72.

стороны была спекольчатая стѣна, сквозь копорую видѣнь былъ прелестный садъ: шамъ купины рѣдкихъ цвѣщовъ, изъ всѣхъ часшей міра собранныхъ, пестрѣли предъ окнами, распочая здравоносное благоуханіе, шамъ шумѣли водопады; шамъ извивались водопроводы, въ коихъ плавали злапочешуйчатыя рыбы, повинующіяся голосу рабынь *Зораиды*; шамъ пальмы и оливы дремали надъ спекловидными водоемами и манили страшное сердце къ припшнымъ мечшамъ на мягкой дернѣ, подъ помную шѣнь свою; шамъ песчаныя спѣзи, вѣясь между кустами гранатовъ и алоеваго дерева, между миршами и розмаринами, по *всбѣгали* на злчной пригорокъ, по съ пригорка, *сбѣгая* на доль, скрывалися въ шѣни лавровой рощи, а изъ рощи, показавшись вдалекъ, на лугу, вели мимо многихъ бесѣдокъ, по обычаю различныхъ народовъ построенныхъ, на узорчатые мосты, чрезъ ручьи перекинушые; пошомъ выводили къ обширному пруду, гдѣ гордые лебеди плавали спшадями, и наконецъ приводили ошашь на мраморное крыльцо къ спекляннымъ

дверямъ драгоцѣннаго чертога *Зораиды*, гдѣ на помостѣ, Персидскими коврами ушланномъ, въ придуманныхъ мѣстахъ угошованы были изъ яшмы и порфира, обширныя купели, среди коихъ изъ челюстей злѣшаго льва, или дракона, извергались снопомъ благовонныя водомешы: словомъ здѣсь роскошь чудесно соединила искусство съ природою, великолѣпіе со вкусомъ; здѣсь все восхищало духъ, плѣняло умъ. Но ни съ какими, по разсказу лишь извѣстными, волшебными очарованіями не можешь сравниться храмина сія въ шѣ часы, когда приходишь *Гади* къ *Зораидѣ*, что бы провеси у нее вечеръ; тогда зажжено бываетъ несмѣшное число лампадъ, опъ пламени коихъ заблещаютъ водомешы, злато, серебро, драгоцѣнные камни и граненый *христалъ* по сводамъ. Разспавленные въ углахъ чертога избранныя цвѣшны и заморскія деревья тогда съ наклонovahъ своихъ раскинувшъ шонкую тѣнь на мягкіе диваны и близь нихъ на столы, въ угодноств прихопи усшавленные лучшими плодами и дивнаго художества сосудами со щербешомъ. Тогда вос-

куряшся амбра, алое, смирна—и въ видѣ испареній земныхъ поднимающа ко сводамъ едва примѣшными слоями; благовоніе ихъ оживишь чувствва; а къ тому еще хоръ прекрасныхъ прислужницъ *Зораиды*, соединяющихъ свои нѣжные голоса съ помнымъ бряцаніемъ люпнь и цитръ, воспоешь тогда хвалебную пѣснь любви; тогда такимъ объяпо все бываетъ очарованіемъ, что человекъ видишь себя посреди велелѣпія чудеснаго, что куда ни обратишь онъ очи, вездѣ срѣшаешь прелесшь, душу плѣняющую: онъ мѣшеть ошь неизрѣчнаго восшорга. Вошь какъ благодѣнспвовала прекрасная *Зораида*!

Сочиненіе ПАВЛА ЛЬВОВА.

РОМАНСЪ ЕДВИНА.

Синѣйшесь, синѣйшесь, далекія горы!
Синѣйшесь—за вами край сердцу родной;
На васъ усшремляя печальные взоры,
Для милой надежды воскресну душой!

Несися, несися, Зефиръ легкокрылый!
 Подъ мирныя тѣни родимыхъ дубравъ—
 Несися: тамъ встрѣпишь ликъ дѣвы унылой
 Въ кручинѣ, въ печали, въ горючихъ слезахъ.

Бышь можешь, бышь можешь—съ шоской не-
 извѣстной —

Мальвина печально на западъ глядишь:
 Тамъ ясно, тамъ тихо... но сердце прелестной
 Уныло, и душу разлука мрачишь.

*

И скороль—и скороль веселые годы,
 О грустная дѣва! наспанушь ояшь?
 Ахъ! скоро ли вмѣстѣ денницу природы,
 Другъ милой! съ тобою мы будемъ встрѣ-
 чать?...

*

Но вѣчноль, но вѣчноль волнуешься море?
 И вѣчно ли шучи сводъ неба мрачатъ?
 Утѣшьсяжь, Мальвина! разлука и горе,
 Какъ черныя шучи, для насъ пролетяшъ!

*

Но рано, но рано—бышь можешь—прогрянешъ
 Спрадальцу Едвину здѣсь часъ роковой ...
 И рано въ ланишахъ цвѣшь жизни увянешъ...
 И съ милой надеждой увяну душой...

*

Мальвина! Мальвина!—на холмъ мой унылой
 Съ шоскою, съ слезами шы очи взведешь;

Не съспуй, о другъ мой единспвенный, милый!
Ты друга, пы радосль за гробомъ найдешь!...

20 Юня, 1822.

Александръ Крюковъ.

Илецкая Защита.

~~~~~

КЪ Н. А. Л.

Проспи, судьба велишь разлуку
    Намъ испышашь;
Проспи...дай Богъ, чшобъ эшу руку
    Еще мнѣ жашь!

*

Кпо знаешъ? можешъ бышь, увянешъ
    Въ поскѣ мой цвѣшъ;
Твой взоръ искашь здѣсь друга спанешъ;
    И друга нѣшъ!...

*

Увы! ни радосней, ни счастья
    Я здѣсь не зналъ:
Одну грозу—одно ненашье
    Вездѣ вспрѣчалъ.

*

Съ беспечныхъ лѣшъ любви мечпою
    Я былъ плѣненъ....
Но скоро бурною грозою
    Нарушенъ сонъ!

*

Чего душа моя желала,
 Чего я ждалъ,
 Зачшо судьба меня карала —
 Увы!—не зналъ!

*

Одинъ безъ друга, безъ опоры
 Я брошенъ былъ;
 Одинъ въ поскѣ печальны взоры
 Я въ даль спремилъ.

*

Ты врачъ мой былъ—сны сердца муки
 Умѣлъ цѣлишь;
 Съ шобой печаль и шяжесшь скуки
 Я могъ забыть.

Но и съ шобою разлученье
 Мнѣ рокъ судилъ...
 Ахъ! въ первый разъ скажу съ мученьемъ:
 Я счастливѣ былъ!

*

Сдружись съ горесшю сердечной
 Другъ юный цвой....
 Спрадашъ нашъ жребій... но не вѣчно:
 Ешъ мiръ другой!...

24 Юня 1822.

Александръ Крюковъ.

Илецкая Защита.

О ТАНЦАХЪ.

Отрывокъ изъ сочиненій Г. Деросси *)

Понятіе о танцахъ. Ихъ раздѣленіе.

Танецъ вообще есть искусство, состоящее въ правильномъ движеніи нашего тѣла, согласномъ съ измѣненіями звуковъ инструменпальной, или вокаль-

---

*) Присланъ къ Издашелю при слѣдующемъ письмѣ:

“Имѣя случай пользоваться особенною благосклонностію почтеннаго Г. Деросси (заслуженнаго Танцмейстера и Сочинителя пантомимныхъ балетовъ, извѣснаго какъ въ Италіи, такъ въ Испаніи, Польшѣ и при Всероссійскомъ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Дворѣ, Танцовальнаго Учишеля въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ и Пансіонера 2-го Кадетскаго Корпуса) и бывши нѣкогда самъ ученикомъ его, я нашель между прочими его рукописями превосходное, по моему мнѣнію, въ своемъ родѣ сочиненіе на Французскомъ языкѣ подъ названіемъ: *Exposition concise de l'art et de l'histoire de la danse avec des observations sur l'usage de toutes ses parties*, съ слѣдующимъ эпиграфомъ изъ Лафонтена:

ной музыки. Далѣе: всѣ танцы раздѣляются на собственно шакъ называемые *танцы* (простые) и танцы *пантомимные*. Па (pas), скачки, фигуры, или цѣпи (enchainements) и различныя положенія шѣла составляютъ простые, или обыкновенные танцы; чувствованія и душевныя спросы, выражаемыя различными шѣлодвиженіями и перемѣнами лица (traits de visage) составляютъ паншомимный танецъ, или искусство шѣлодвиженій. Изъ первыхъ (танцевъ) образуются диверсиссементы, или танцы съ фигурами, прибавляемыя къ Оперѣ, или Комедіи; изъ вторыхъ же дѣлаютъ представленія какого нибудь особеннаго сюжета, именуемаго паншо-

C'est là tout mon talent: je ne sais s'il suffit.

Я убѣдилъ Автора позволить мнѣ выбравъ изъ сего сочиненія нѣкоторыя сцены для перевода на Русской языкъ, и съ согласія его препровождаю при семъ къ вамъ оныя для помѣщенія въ *Благонамбреномѣ*, если вы найдете ихъ того достойными.

Имѣю честь бытъ, и проч.

10 Июня 1822.

Переводчикъ.

мимами *); и чрезъ соединеніе сихъ двухъ родовъ танцовъ, производимыхъ многими лицами, образуясь паншомимныя балеты, кои представляють дѣйствіе натуральное, или чудесное и которыя подражая натурѣ, имѣють въ предметѣ одну лишь приятность.

Паншомимныя балеты раздѣляются на трагическія, деми-характерныя и комическія; первые изображаютъ дѣйствія сильныя и умилищельныя; вторыя дѣйствія любовныя и приятныя; а третьи дѣйствія веселыя и шуточныя.

Собственно такъ называемыя танцы раздѣляются также на танцы важныя, употребляемыя въ трагическихъ балетахъ; на танцы деми-характерныя, служащія въ деми-характерныхъ балетахъ (сія танцы легки и блистательны); на танцы комическія, употребляемыя въ балетахъ комическихъ—они отличаются своею живостию и быстротою.

---

*) Такіе паншомимы представляются танцовщиками по канашу, а пошому и не будемъ говорить о нихъ въ семь сочиненіи.

Всѣ таковыя роды обыкновенныхъ танцовъ могутъ быть употреблены въ одномъ и томъ же балетѣ, если въ семь послѣднемъ будутъ соединены всѣ упомянутыя свойства, или характеры.

Нѣчто о Хореграфіи.

Искусство замѣчать па и фигуры какого либо сложнаго и къ данной музыкѣ приспособленнаго танца, называется Хореграфіею (Chorégraphie).

Она показываетъ какое па должно сдѣлать и какую линію описать на мѣстѣ танцовъ. Но сія будучи наименѣе важною частію для танцующаго, равно какъ и самыя замѣчанія не научаютъ его никогда управлять движеніемъ своего тѣла сообразно его стану, осанкѣ и характеру танца *); по по сему она и не употребляется, слѣдовательно бесполезно было бы и говорить о ней болѣе.

Разположеніе и способности ученика.

Кто желаетъ учиться танцовать съ шемъ, чтобы сдѣлаться хорошимъ танцоромъ; тотъ долженъ начинать

---

*) Что-то непонятно? Изд.

ученіе свое лѣтъ 10, или 12, и бытъ одареннымъ опъ природы всѣми для танцовъ потребными качествами тѣла и души, какъ то: живоспїю, пронцапельноспїю, силою, здоровьемъ, упругоспїю тѣла и правильнымъ спаномъ. Ему надобно имѣть много души, чувства и выразишельную физіогномію, потому что безъ сихъ прехъ послѣднихъ качествъ не можеть бытъ таншомимы, а танцовщикъ безъ таншомимъ ни что иное, какъ *автоматъ*, съ большимъ, или меньшимъ искусствомъ усшроенный.

Наконецъ, чтобы сдѣлаться превосходнымъ въ танцахъ, надобно имѣть сто качествъ, изъ коихъ 99 непременно должны бытъ даны природою и одно только искусствомъ. Вотъ почему и мало превосходныхъ танцоровъ.

Знанія, нужныя учителю.

Искусный учитель и сочинитель таншомимныхъ балетовъ не долженъ бытъ воспитанъ безъ всякаго другаго попеченія, кромѣ того, кошорое прилагали только объ его ногахъ. Ему надобно, учась танцовальному искусству

во всемъ его пространствѣ, также занимаешься и всемъ темъ, что касается до сего искусства, на примѣръ изученіемъ:

Музыки, или науки поновъ, положенной въ предѣлы геометрическаго раздѣленія, и съ копорою танцы всегда неразлучны. Хотя и говоришь Гомеръ, что музыка приятна, если сопровождается танцами; однакожь надобно сказать, что музыка для танцовъ поже, что слова для музыки.

Той часпи *Анатоміи*, которая спель нужна для живописцовъ и скульпторовъ, и копорой Михель-Анжи, Рафаели, Рубенсы въ особенноти учились, чтобы сдѣлаться превосходными въ ихъ искусствехъ, кои находящаяся въ споль близкомъ отношеніи съ танцовальнымъ.

Древней и новой Исторіи, дабы знашь дѣйствія и происшествія людей знаменитыхъ; обыкновенія, привычки и нравы дикихъ народовъ, ихъ празднества, обряды, и проч.

Мифологіи, дабы имѣшь свѣденіе о ложныхъ богахъ язычества, ихъ испоріи, преисполненной удивительными и

чудеснымъ происшествіями и споль шѣсно связанной съ религіей древнихъ народовъ.

Географіи и Хронологіи, какъ двумъ предметамъ совершенно необходимымъ къ точному познанію Исторіи, дабы имѣть правильное понятіе о временахъ и мѣстахъ, гдѣ происшествія случились.

Поэзіи, въ настоящемъ смыслѣ сего слова, а не искусству стихосложенія: ибо версификація можетъ бытъ и безъ Поэзіи, равно какъ и Поэзія безъ версификаціи, и очень справедливо говорятъ, что поэтъ вмѣстѣ и живописецъ, а живописецъ поэтъ; слѣдовательно можно смѣло сказать о сочинителѣ паншомимныхъ балетовъ, что онъ есть живописецъ и поэтъ, поедіку онъ, подобно имъ, подражаетъ изящной природѣ и представляетъ оную.

Вошъ какія познанія необходимы для хорошаго учителя и сочинителя паншомимныхъ балетовъ; безъ нихъ онъ не что иное, какъ обыкновенный панцовщикъ.

Метода обученія танцовальному искусству.

Когда учитель желаетъ образоватъ, или произвести танцора; по въ началѣ надобно ему расположитъ части тѣла ученика своего такъ, дабы онѣ соотвѣтствовали всегда по прямой центральной линіи всего тѣла, копорая доставляетъ ему удобность во всякомъ положеніи. Напримѣръ: дабы человекъ могъ держаться на ногахъ, въ какомъ бы положеніи тѣло ни находилось—наклоненно, или согнуто (говоритъ ученый Борелли въ разсужденіи своемъ *de motu animalium*); по линіи, копорую предполагаютъ идущую изъ центра тяжести (тѣла), должна падать на пространство четвероугольника, занимаемого двумя суньями ногъ, или на пространство, занимаемое одною суньею, въ томъ случаѣ, когда держимся на одной только ногѣ.

Такимъ-то образомъ во всѣхъ танцовальныхъ положеніяхъ тѣло (отъ головы до ногъ) должно быть перпендикулярно къ горизонту, что танцмейстеры

называютъ á plomb (по описанію). Но чтобы хорошо панцовать—надобно имѣть развязность въ ногахъ, то есть, что бы не только самыя ноги и колѣна, но и бедра удобно могли ворочаться, хотя ноги трудно ворочаются, а колѣна не могутъ иначе стибаться, какъ сообразно сложенію пѣла; и если учишель говоритъ: “выворошите, или поворошите колѣна,—то сіе говорится по одной привычкѣ, или лучше сказать пошому, что мы иногда сами не знаемъ, что говоримъ.

Для того, что бы части пѣла были хорошо расположены и что бы ученикъ былъ всегда поворопливъ; надобно учишелю заставлялъ его ежедневно и пошескольку разъ упражняться въ панцовальныхъ экзерциціяхъ, кои суть: бие-ніе, или хлопанье ногами (battemens de jambes), состоящее въ движеніи на воздухѣ, производимомъ одною ногою (jambe), между шемъ какъ пѣло покоишся на другой; обороты ногъ (les tours de jambes), состоящіе въ описываніи ногами полного круга впередъ, или назадъ, и пяшь извѣстныхъ панцовальныхъ позицій;

слѣдую правиламъ искусства и держась за что либо одною рукою. Я называю это позиціями (positions), потому что слово сіе уже принято всѣми, ибо всѣ положенія, въ которыхъ плѣло хорошо бываетъ поставлено, принадлежатъ танцовальному искусству; слѣдовательно число ихъ понастоящему опредѣлить невозможно, и тѣ, которыя исключительно называются позиціями въ нашемъ искусствѣ, суть не что иное какъ пять извѣстныхъ предѣловъ, заключающихъ всѣ движенія ногъ, и посредствомъ коихъ дѣлаются такъ называемыя *па*.

Здѣсь надлежало бы описать, какимъ образомъ учитель долженъ показывать всѣ таковыя *па* ученику своему; но поелику сіе завлекло бы насъ въ продолжительную и скучную подробность, то скажу только, что *па* въ танцовальной терминологіи значить способность управлять ногами, когда ходимъ прыгаемъ и вершимся; что собственно *па* (шагъ) есть движеніе ноги съ одного мѣста на другое; что слово сіе (*pas*) въ общемъ смыслѣ принимается за сочиненіе (танцовальное), сдѣланное на го-

лось (*sur un air*); такимъ образомъ говоряшь, на примѣръ: что онъ сочинилъ прекрасное па, на прекрасную шако́нну (*chaconne*) *), и проч.

Называютъ *соло* (*entrée*) танецъ, только однимъ лицомъ танцуемый; па двухъ (*pas de deux*), троихъ (*pas de trois*), четверыхъ (*de quatre*), танцы двумя, тремя, или четырью особами танцуемые. Вообще танцы состоятъ изъ многихъ па и многихъ скачковъ (*sauts*), изъ коихъ каждый имѣетъ свое названіе; способъ ихъ показывать уже давно опредѣленъ; шаги (*pas*), скачки, цѣпи, группы, фигуры, оплѣсность (*l'aplomb*) простираніе, развертываніе, присяданіе, связь, почка подпоры (*le point d'appui*), на которой держишься плѣхо во всѣхъ положеніяхъ, и кадансъ, или сообразность цѣлаго съ музыкой, составляющъ основаніе собственно такъ называемаго танца: при семъ хорошій учитель и вышеприведенныя качества ученика гораздо болѣе значають, нежели всѣ возможные описанія.

---

*) Нѣкоторое музыкальное сочиненіе; слова на оное и танецъ. Авторъ.

Учитель долженъ знать еще, что разнообразіе въ станѣ учениковъ пребуешь различнаго развитія въ движеніяхъ, дѣлаемыхъ ногами, руками и головою, такъ какъ простой, или сложный станецъ, пихій, или бѣглый, важный, или легкій, по землѣ, или на воздухѣ, пребующъ своихъ очень важныхъ предосторожностей, ибо опъ сообразности станца со станомъ (*taille*) каждаго станцора зависить совершенное, посредственное, или дурное станцованіе.

Что касается до наружныхъ прикрасностей лица, или до красовъ (*gracés*), то онѣ, подобно разуму, никемъ не сообщаются; если ученикъ имѣеть оныя, то учитель долженъ слегка ихъ касаться и знать, что всякой кривляка (*grimacier*) есть худой станцоръ.

Послѣ всего, собственно станцамъ принадлежащаго, учитель долженъ перейти къ другимъ положеніямъ (*positions*), гораздо труднѣйшимъ по соображенію, кошораго онѣ пребующъ: я хочу сказать о пантомимномъ станцѣ. Сей станецъ пребуешь глубокаго знанія сердца человеческого—знанія умѣшь дѣйствовать же-

спами, чертами лица и всею нашею наружностію, дабы чрезъ то понравились глазамъ и перелишь чувства и страсти наши въ душу зришеля. Ипакъ учитель долженъ имѣть хорошую способность для показанія ученику своему, какъ бываешь. можно изобразить радость, печаль, любовь, ревность, презрѣніе, негодованіе, гнѣвъ, ярость, огорченіе, стыдъ, страхъ, ужасъ, отвращеніе, скуку, помленіе, уныніе, насмѣшку, зависть, безпокойство, сожалѣніе, горесть, довольство, веселіе, улыбку, смѣхъ, плачь, недоумѣніе, воспоргъ, спраданіе, глупость, силу, смѣлость, швердость, ожесточеніе, дерзость—словомъ удовольствіе и скорбь—почки, около коихъ всѣ страсти обращающа и копорья весьма натурально изображены бышь могутъ наружными дѣйствіями, прощивуположностію въ жеспахъ, перемѣною въ фізіогноміи, въ членахъ и въ безчисленныхъ положеніяхъ (наружноспи).

Квиншиліанъ говоритъ, что “всякая “страсть имѣетъ наружный видъ, мину “и жесъ, ей только свойственныя, и “нѣтъ страсти, копорую бы не изоб-

“ражало наше лице: душа изображает-
 “ся въ глазахъ, и вообще голова участ-
 “вуетъ въ изображеніи спрасшей, рас-
 “положеніи нашемъ и различныхъ дви-
 “женіяхъ. „

Наконецъ учитель долженъ въ пол-
 ной мѣрѣ знать, что безъ помощи словъ
 (разговора) паншомимный панецъ изоб-
 ражаетъ все и подражаетъ всему; что
 онъ объемлетъ нравы, обычаи, привыч-
 ки и характеры всѣхъ людей во всякомъ
 возможномъ положеніи; что сіи поло-
 женія какъ въ дѣйствіи, такъ и въ по-
 коѣ суть дѣши изящной и прасшой при-
 роды, и что она не полагаетъ никогда
 границъ для артиста.

(Продолженіе обѣщано.)

Книжныя Извѣстія.

Правила Словесности, руководствующія отъ первыхъ началъ до вышшихъ совершенствъ краснорѣчія, въ четырёхъ частяхъ. Сочиненіе Якова Толматева *). С. П. б. 1815, 1818 и 1822 г., въ 8 ю долю листа. Въ первой части XV и 233, во второй 325, въ третьей 265, и въ четвертой 263 стран.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, какъ я предпринялъ издавать въ свѣтъ вышеозначенныя правила. Трудность предпріятія, занятіе по службѣ и разныя обстоятельство жизни препятствовали до сего времени исполнить обязанность, мною приняшую предъ почтенною Публикою.

Нынѣ окончивъ долговременный трудъ мой, почишаю долгомъ принести чувствительную благодарность особамъ, содѣйствовавшимъ подпискою къ изданію въ свѣтъ сочиненія, котораго не могъ я составить и напечатать безъ ихъ пособія,

Составляя правила Словесности, я спа-

---

*) Ординарнаго Профессора при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С. П. бургскомъ Университетѣ.

рался приближить оныя по возможности къ практическому употребленію; старался въ семъ отношеніи болѣе подражать древнимъ Риторамъ, нежели новѣйшимъ, или поверхностно писавшимъ о семъ предметѣ, или слишкомъ удалявшимся въ область ошвеченныхъ понятій.

Каждую изъ чепырехъ частей я ограничилъ, такъ сказать, особою наукою по части Словесности: въ *первой* части я заключилъ науку о логическомъ составленіи сочиненій; во *второй* науку писать (*L'art d'écrite*), или науку о слогѣ; въ *третьей* умозрѣніе о прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненіяхъ; въ *четвертой* теорію и исторію Словесности и систематическое изложеніе разныхъ родовъ прозаическихъ сочиненій.

Сіе сочиненіе продается въ книжныхъ лавкахъ подлѣ Императорской Публичной Библіотеки, въ домѣ Генераль-Маіора Балабина подлѣ № 28, у Книгопродавца И. О. Переплешчикова по 25 р. за экземпляръ, а съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи по 30 р. въ бумажномъ переплешѣ.

Иногородныя особы, благоволившія подписаться на сію книгу въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, получаютъ оную въ печеніи сего года чрезъ особенныхъ комиссіонеровъ, а пребываніе имѣющіе здѣсь въ С. П. бургѣ могутъ съ прѣбываніями своими

относиться къ вышеупомянутому книгопродавцу Переплешчикову.

Я. Толмачевъ.

~~~~~

Трудившійся въ переводѣ знаменишаго шворенія Барона Книгге: *обб обращеніи съ людьми*, долгомъ поспавляешъ извѣсшишь почтенныхъ Гг. удоспоившихъ его подпискою на сію книгу, что обязанности службы, удалявшія его изъ споліцы, не позволяли ему доселѣ окончишь предпринимашаго изданія. Но шеперь, несмотря на слабое подкрѣпленіе сего общепользнаго предпріяшя, сопряженнаго съ значительнымъ иждивеніемъ, предпріяшшы имъ дѣяшельныя мѣры къ оппечатанію остальныхъ шрехъ часшей сего шворенія въ самомъ непродолжительномъ времени. Издашель смѣешъ надѣяшься, что книга сія, содержащая въ себѣ правила благодарительныя, и можешъ бышь необходимыя для всякаго желающаго достигнушь истиннаго благополучія въ кругу людей, обратишь на себя вниманіе благонамѣренныхъ соопечесшвенниковъ, копорые не умедляшь вспомошсшвовашъ сему предпріяшю предварительною подпискою. На всѣ чешыре часши принимаешся подписка въ шипографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома, гдѣ и будешъ продолжатъя шисненіе остальныхъ шрехъ часшей. Подписная цѣна всѣмъ 4 мѣ

Частьмъ 12 рублей; съ пересылкою въ другіе города 15 рублей. При подпискѣ выдается 1 я часть, а на остальныя билетъ. По оппечатаніи всей книги цѣна по необходимости возвысится.

Оппечатанная на сихъ дняхъ книга: *Кавказскій Пльнникъ. Повѣсть въ стихахъ. Соч. А. Пушкина, съ портретомъ Сочинителя*—продается на Невскомъ проспектѣ въ домѣ, принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ кварширѣ *Николая Ивановича Гнѣдича*. Цѣна на велен. бум. 7, на люб. 5 р. У него же можно получить и другую, недавно вышедшую въ свѣтъ книгу: *Шильонскій узникъ. Поэма Лорда Байрона. Переводъ въ стихахъ В. А. Жуковскаго*. (Съ фронтисписомъ, изображающимъ видъ Шильонскаго замка и внутренность шюрьмы онаго; рисов. съ натуры Г. Жуковскимъ.) Цѣна на люб. бум. 5 р. — Иногородные, относясь на имя Н. И. Гнѣдича, получаютъ объ сіи книги безъ платы за пересылку.

Благотворенія.

Издатель *Благонамѣреннаго* получилъ 28 числа минувшаго Августа двадцать рублей при запискѣ слѣдующаго содержанія: “на

вспоможение сиротамъ 10 класса Сол...га въ Минскѣ *)). Е. а., — Отправлены.

Отъ Издателя.

Хотя на внутренней сторонѣ обертки каждой книжки *Благонаименнаго* печатается, что Издашель “не принимаетъ на себя “затруднительной обязанности пересылать “обратно къ Г.г. Сочинителямъ и переводчикамъ ихъ піесъ, если, по какимъ-бы то ни было “причинамъ, нельзя будетъ ихъ напечатать,, — но многіе Сочинители, особливо *Стихотворцы*, присылая къ нему произведенія своихъ досуговъ, насмѣшливо шребуяшъ опѣша со вручителимъ, или подателимъ ихъ писемъ и піесъ, будутъ ли сіи послѣднія помѣщены въ его журналъ и даже въ *которомъ именно номерѣ?* — Издашель *Благонаименнаго*, будучи, кромѣ своего журнала, заняшъ должностію и не имѣя ни лишняго времени, ни домовой канцеляріи, находилъ себя принужденнымъ объявить единожды навсегда *незнакомымъ лично съ нимъ* Г.г. Сочинителямъ и Переводчикамъ, присылающимъ къ нему свои піесы, что онъ — *по необходимости*—рѣ-

*) См. XXXII № сего Журнала, стран. 133.

шился не входить съ ними ни въ какую переписку. Если какая либо изъ присланныхъ къ нему піесъ въ печеніи мѣсяца не будетъ напечатана въ *Благонамѣренномъ*: по Сочинитель, или Переводчикъ оной, можетъ быть увѣренъ, что ее не пропустила Цензура (второй - замѣшимъ мимоходомъ - спрожайше запрещено пропускашь сочиненія, неимѣющія нравственной и полезной цѣли, и между прочимъ вмѣнено въ обязанность не одобрять къ напечатанію и такихъ піесъ, въ коихъ много ошибокъ прошивъ чистоты языка и здраваго смысла, хотя бы это были и стихи съ рифмами), или что Издашеть не нашеть сію піесу, по содержанію ея, либо по слогу, соотвѣтственной съ планомъ его изданія. Впрочемъ кому необходимо нужно будетъ лично объясниться о чемъ нибудь съ Издашелемъ, шѣ могутъ видѣться съ нимъ въ кварширѣ его каждую Субботу, ушромъ до 10 часовъ, а вечеромъ ошъ 6-ши до 11-ши.

Издашеть *Благонамѣреннаго* также нужнымъ почишаешь объявишь, что онъ никакихъ *извѣстій о бѣдныхъ*, ошъ людей *вовсе ему неизвѣстныхъ*, или скрывающихъ ошъ него свой имена, помѣщаютъ у себя въ журналѣ не будетъ.

И.

Логогрифъ.

Въ театрѣ кто бывалъ,
 Частицу шамъ мою навѣрное слыхалъ (1);
 Впорую на себѣ имѣемъ непремѣнно (2);
 А если разобрашь мой логогрифъ *прилѣжно* *),
 Найдеше пошчасъ вы въ числѣ моихъ частей
 Того, кто цѣлу жизнь въ убожествѣ скипалъ
 ся (3);
 Какимъ всякъ человекъ на свѣшъ сей пока-
 зался (4);

Вещь нужную въ охотѣ для царей—
 Онажъ оружіе скопамъ для защищенья,
 А у людей за ревность—знакъ опмщенья
 (5).

Я инструмента часть еще представлю вамъ—
 Оножъ, какъ повѣсвующиъ намъ,
 Живошнымъ въ древности счита-
 лось (6).

Еще одно слово осталось,
 Безъ коего никто и пѣсень не пѣвалъ (7);—
 Теперь уже меня всякъ вѣрно опгадалъ.

Костявицъ.

~~~~~

---

*) *Непредѣнно и прилѣжно*—не рѣмы между собою.
 Изд.

Шарада.

Не важенъ *первый* слогъ —

Предлогъ .

Вторый значипелень и женскаго естъ рода;
Объемлешъ случаи всѣ въ мѣрѣ и дѣла

Царей, народа;

Бываетъ радостна, печальна и мила,

Ужасна, спранна, зла, приятна, часпо лжива,

Нерѣдко и правдива;

Съ курьерами лешипъ изъ края въ край земли,

И голуби несупъ ее и корабли,

Распространяется устами и трубами,

А въ важныхъ случаяхъ изъ крѣпостей гро-
мами.

“Но полно ужь о семъ; намъ *цѣлое* скажи,

Примѣшы онаго короче укажи.,

То сердца спражъ—за зло шоскою насъ ка-
раешъ,

За добродѣшель же спокойшвомъ награждаешъ.

Костявицъ.

~~~~~

Логогрифъ, напечатанный въ XXXIV N^o,
значишь: *ведло* (изъ онаго выходящъ слѣдую-
щія слова: *левъ, волъ, оселъ, овесъ, село и ловъ*);
а Шарада — *хи - мера*.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № XXXVI.

ВОИНСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ И ИГРЫ ЧЕР- КЕСОВЪ *).

Но Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межь Горцевъ, плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспишанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Госпепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быспрошу;
И легкость ногъ, и силу длани;
Смопрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесь проворной,
Широкой степью, по горамъ,
Въ космашой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукъ склонясь, на спремена
Ногою спройной опираясь,
Лешалъ по волъ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
Онъ любовался красою

---

*) Изъ новой и прекрасной Поэмы А. С. Пушкина:
Кавказскій Плѣнникъ. Смолпр. ниже извѣстіе о сей книгѣ.

Одежды бранной и проспой.
 Черкесь оружіемъ обвѣщенъ;
 Онъ имъ гордится, имъ ушѣшенъ:
 На немъ броня, пищаль, колчанъ,
 Кубанскій лукъ, кинжаль, арканъ,
 И шашка *), вѣчная подруга
 Его прудовъ, его досуга.
 Ничто его не сягошишь,
 Ничто не брякнешь: пѣшій, конный—
 Все пошь же онъ; все пошь же видъ
 Непобѣдимый, непреклонный.
 Гроза безпечныхъ Козаковъ,
 Его богашство—конь решивый,
 Пишомецъ горскихъ шабуновъ,
 Товарищъ вѣрный, шерпѣливый.
 Въ пещерѣ, иль правѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ шаишся,
 И вдругъ, внезапною спрѣлой,
 Завидя пушника, спремишся;
 Въ одно мгновенье вѣрный бой
 Рѣшишь ударъ его могучій,
 И спранника въ ущелья горъ
 Уже влечешь арканъ лешучій.
 Спремишся конь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной ошваги;
 Все пушь ему: болошо, боръ,
 Кушшы, ушесы и овраги;

---

*) Черкесская сабля.

Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжишь,
 Въ пусшынѣ попомъ раздаешь;
 Сѣдый пошокъ предъ нимъ шумишь—
 Онъ въ глубь кипящую несешься;
 И пунникъ, брошенный ко дну,
 Глошаешь муѣную волну,
 Изнемогая смерти просишь
 И зришь ее передъ собой...
 Но мощный конь его—спрѣлой
 На берегъ пѣнисшый выносишь.

Иль ухвативъ рогатый пѣнь,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ пеленою
 Лежишь безлунной ночи шѣнь,
 Черкесь на корни вѣковые,
 На вѣшви вѣшаешь кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щишь, бурку, панцырь и шеломъ,
 Колчанъ и лукъ—и въ быспры волны
 За нимъ бросаешь попомъ
 Неупомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка ревѣшь;
 Могучій шокъ его несѣшь
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склонясь на копья, Козаки
 Глядяшь на шемный бѣгъ рѣки—
 И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плынешь оружіе злодѣя...

О чемъ ты думаешь, Козакъ?
 Воспоминаешь прежни битвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молишвы
 И родину? ... Коварный сонъ!
 Просшите, вольныя спаницы,
 И домъ опцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ пайный врагъ,
 Спрѣла выходишь изъ колчана—
 Взвилась—и падаешь Козакъ
 Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною сѣмьей
 Черкесь въ опеческомъ жилищѣ
 Сидишь ненастной порой
 И шлѣють угли въ пепелищѣ;
 И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдетъ пришлецъ успалый
 И робко сядетъ у огня:
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣпомъ, ласково вспаешь,
 И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь *) оспрадный подаешь.
 Подъ влажной буркой, въ саклѣ **) дымной,

---

*) Красное Грузинское вино.

**) Хижина.

Вкушаетъ пушникъ мирный сонъ,
И упромъ оспавляетъ онъ
Ночлега кровь госпепримной.

Бывало въ свѣшлый Баиранъ *)
Сберушся юноши шолпою;
Игра смѣняешся игрою:
То полный разобрать колчанъ,
Они крылашыми спрѣлами
Пронзаюшъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крушыхъ холмовъ
Неперпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падушъ,
Какъ лани землю поражаюшъ,
Равнину пылью покрываюшъ
И съ дружнымъ шопомъ бѣгушъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны;
И часпо игры воли праздно
Игрой жестокой смущены.
Не рѣдко шашки грозно блещушъ
Въ безумной рѣвосши пировъ,
И въ прахъ лешяшъ главы рабовъ,
И жены робкія шрепещушъ.

---

*) Байранъ, или Байралъ, праздникъ розговѣнья.

КРАСНЫЯ ДѢТИ.

Была *).

Встарину, лѣтъ за семдесятъ, или за восемдесятъ, одинъ умный помѣщикъ бранилъ ежедневно жену свою за то, что она родила ему сряду пятерыхъ дочерей.—“Слушай, Фекла Савишна, говориваль онъ ей: роди мнѣ сына, сына непременно!,,—Какъ Богу угодно будетъ! оплѣчала со слезами бѣдная жена. Помилуй, посуди, бабюшка Трифонъ Карповичъ, я-то чѣмъ виновата?—“А вошь, если ты родишь еще дочь, то увидишь что я съ шобою сдѣлаю!,,

Фекла Савишна сдѣлалась беременна въ шестый разъ. Насхупило время для ея разрѣшенія. Трифонъ Карповичъ приказаль, по тогдашнему обыкновенію, испосипь баню и опправиль шуда жену и повивальную бабку съ спрожай-

---

*) Анекдотъ сей слышаль я опъ покойнаго опца моего, кошорый ручался за справедливостъ онаго, И.

шимъ подшверженіемъ первой, что бы родила непременно сына, а не дочь.

Однакоже Фекла Савишна не послушалась, родила опять дочь, а не сына. Бабка не смѣла явиться съ такимъ ужаснымъ извѣстіемъ къ спрогому Трифону Карповичу: но нечего дѣлать; она должна была идти къ нему репортовать объ эшомъ — перекрестилась и пошла.

“Сынъ, или дочь?“, спросилъ онъ ее грозно. — Дочь, бабюшка! прошептала препенущая отъ спрахы бабка и повалилась къ ногамъ его. — “Вонъ, спарая вѣдьма!“, вскричалъ Трифонъ Карповичъ, и она поплелась назадъ къ родильницѣ, кошорая въ то время была ни жива, ни мертва.

Чтоже сдѣлалъ Трифонъ Карповичъ? Какъ только бабка ушла въ баню, прибѣжалъ шуда, заперъ снаружи и заколошилъ самъ наглухо дверь, велѣлъ обложить баню пуками сухой соломы и зажечь.

Узнали сосѣди, прибѣжали; спали уговаривать, упрашивать, умолять. Раздраженный супругъ и отецъ не слушалъ

никого и только что повпорялъ старинную дерзкую поговорку: *суди меня Богъ и Государь!*

Между темъ, по приказанію его, вешхая, деревянная баня обложена уже была со всѣхъ сторонъ соломою; уже несли пуки зажженной лучины — вдругъ являеяся Священникъ этого села, духовный отецъ Трифона Карповича, котораго и онъ и всѣ прочіе тамошніе дворяне и крещьяне уважали за его добродѣтели и благочестіе. Убѣжденія сего почтеннаго мужа спасли жизнь родильницы, новорожденной и повивальной бабки.

Но первая не осмалась безъ наказанія: правосудный супругъ изгналъ ее изъ господскихъ хоромъ своихъ и велѣлъ ей жишь въ людской избѣ до шѣхъ поръ, пока родишь сына. “А ежели родишь еще дочь, сказалъ онъ ей торжественно при всѣхъ: то знай, что не бышь тебѣ живой; не помилую, не послушаюсь никого, ни самаго опца Василья.,”

На слѣдующій годъ Фекла Савишна опять сдѣлалась беременна; опять, какъ пришло время, заключили ее въ баню съ

повивальной бабкою. Вопшь опяшь идешь бабка изъ бани, или лучше сказать бѣжишь, сломя голову, съ репоршомъ къ Трифону Карповичу, копорый мучился тогда не менѣ самой родильницы. — Поздравляю тебѣ, батюшка съ сыномъ! — “Обманываешь, Пахомовна?,, — Нѣшь, батюшка, почно сынъ! —

Опромешью побѣжалъ Трифонъ Карповичъ въ баню, взглянулъ на сына, слезы радости и благодарности блеснули на глазахъ его; онъ бросился къ ногамъ своей супруги, разцѣловалъ у нее всѣ пальчики, хопя въ по время мужья и не цѣловали еще рукъ у женъ своихъ, и несмотря на бывший тогда жестокой морозъ, несмотря на всѣ возраженія, на просьбы самой родильницы, окушавъ ее шубами, съ приумфомъ перенесъ изъ бани въ свои хоромы.

Во всемъ дворѣ, во всей деревнѣ только и слышно было рѣчей: “Трифону Карповичу далъ Богъ сына!,,

Ошь радости такой сосѣдніе дворяне
 Легли въ крестины на повалъ;
 Перепился и спаръ и малъ
 И не работали пошь цѣлой день крестьяне.

Трифонъ Карповичъ продалъ хлѣбъ и купилъ Феклѣ Савишнѣ такихъ нарядовъ, какихъ она никогда еще не носила.

Вскорѣ послѣ того появилась у нихъ въ околodкѣ оспа, и всѣ спаршія пять дочерей ихъ умерли ошъ сей ужасной болѣзни. Мать плакала, а отецъ ни слезки не выронилъ. “Не плачь, Фекла Савишна, говорилъ онъ ей: есть у насъ сынъ и дочь—*красныя дѣти* *) — больше не надобно!,,

Какъ упѣшался Трифонъ Карповичъ сыномъ своимъ! Какъ любилъ его! Жаль ему было учить его, когда онъ былъ еще малъ, а когда выросъ, послалъ на службу. Иванъ Трифоновичъ не выучился даже и грамотѣ; за то былъ великой мастеръ играть въ бабки, въ кости, въ каршы и пипъ. Въ младенческихъ лѣтахъ своихъ билъ онъ няню-

---

*) Не знаю совершенно, что разумѣли вспарину подѣ именемъ: *красныя дѣти* — одного ли только сына и одну дочь—или равное число сыновей и дочерей.

шекъ и мамушекъ, въ опроческихъ ребяпишекъ и дворовыхъ людей, а въ юношескихъ началъ колопишь и башюшку.— Ништо! Подъдомъ! Непомѣрное баловство отца было причиною разврата и гибели сына.

Сей несчастный промошалъ все имѣніе своего отца и умеръ въ молодости, какъ пресупникъ. Бѣдный Трифозъ Карповичъ, не имѣя у себя ни копейки, принужденъ бы на спаросши былъ шаскашья по чужимъ дворамъ, если бы не дала ему убѣжища у себя въ домѣ младшая дочь его, которую хопѣлъ было онъ съжечь при ея рожденіи. Богъ благословилъ ее: она счастлива была своимъ замужствомъ и покоила у себя отца и мать до самой ихъ смерти.

И.

ТРОЕ ДРУЗЕЙ *).

Нѣкто имѣлъ прехъ друзей, изъ коихъ двухъ любилъ онъ спраспно, а къ прешьему былъ довольно равнодушень. Однажды поспребовали его къ суду. — “Кпо изъ васъ, друзья мои, сказаль онъ имъ: проводишь меня въ судъ и защишишь шамъ мою невинносшь?,,— Первый изъ нихъ пошчасъ опкѣзался, извиняясь, что собспвенныя дѣла прешпштвуюшь ему исполнишь долгъ дружбы. Вшорый, хопя и привель его къ дверямъ судилища; но убоясь гнѣва Судіи, обратился назадъ и ушель. Трешій же, на котораго онъ меньше всѣхъ надѣялся, предспаль съ нимъ предъ Судію, говорилъ смѣло за своего друга и споль ясно доказаль его невинносшь, что Судія опшпустиль обвиненнаго съ вознагражденіемъ.

И всякой человекъ во время жизни своей имѣеть у себя *трехъ* друзей. Но какъ посшупаюшь они съ нимъ въ часъ

---

*) Изъ Еврейской книги: *Хойвесѣ Галвуесѣ*.

смертный? Богатство, которое онъ почитаетъ лучшимъ своимъ другомъ, прежде всѣхъ его оставляетъ. *Родные и приятели* провожаютъ его только до дверей гроба, пожалѣють и возвращающагося домой. *Третій* же другъ *Добродѣтель*, котораго онъ при жизни своей любилъ менѣе прочихъ, сопровождаетъ его до самаго престола Владѣтеля и Судии всѣхъ міровъ, ходатайствуетъ за него и испрашиваетъ ему прощенье и милость.

Сб. Еврейскаго. М. Мезир.

~~~~~

МЫСЛИ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

Клевета есть такой червь, который приспаетъ къ лучшимъ плодамъ.

*

Самолюбіе подобно безполезному распшню, окружающему дерево, и сосущему изъ него сокъ жизни.

*

Надежда и воспоминаніе дѣлають иногда насъ счастливѣе, нежели самая успешность.

*

Кпо веселишь себя надеждою на будущее, пошь похищаешь много часовъ у несчасшя.

*

Красота лица не продолжительнае красосы цвѣшовъ; скоро и ша и другая увядаешь. Какое несчасшяе для женщины, коей гѳрдосшь основана пошько на маловременной красощѣ!

*

Ненависшь ешь змѳя, сосущая сердце, ее пораждающее.

*

Доброе сердце съ просшымъ умомъ гораздо лучше, нежели оспроумие при испорченномъ сердцѣ.

*

Смѣяшься надъ старыми значишь прежде времени смѣяшься надъ собою.

*

Иные любяшь книги, но не любяшь авторовъ — и не удивительно: пошь, кпо любишь медъ, не всегда любишь пчель.

*

Въ мѣсшахъ многонаселенныхъ люди живушь какъ въ звѣринцѣ: одинъ у другаго спарается вырвать изо рта ку-

сокъ хлѣба — лисица хитростію, медвѣдь
силою, обезьяна искусствомъ.

*

Сколько есть людей, которые вдали
вѣчно, а вблизи ничто!

К—нѣ Нов—ій.

~~~~~

Анекдоты.

Однажды Расинъ, возвращаясь изъ Вер-
салии домой вмѣстѣ съ Буало, съ радо-
стію бросился къ женѣ своей. — “Поздравь
меня, сказалъ онъ ей: смотри, что Король
мнѣ пожаловалъ . . . тысячу луидоровъ!”, —
Жена Расина, вмѣсто того, что бы раздѣ-
лишь воспоргъ своего мужа, начала ему
жаловаться на одного изъ сыновей ихъ, ко-
торый два уже дни не хощелъ учиться.—
“Оставь шеперь это, другъ мой, прервалъ
ее Расинъ: завтра объ этомъ переговоримъ,
а сегодня займемся только нашею радостью.”,
Но жена его все продолжала жаловаться на
маленькаго лѣнивца. Между темъ Буало хо-
дилъ, нахмурясь, взадъ и впередъ по ком-
натѣ. Онъ вышелъ изъ перпѣнія и вскри-
чалъ: “Что за женщина! Какая нечувствит-

пельность! Чего не можно забышь для тысячи луидоровъ!,,

При первой пробѣ Оперы: *Ипполитъ и Арисія*, соч. славнаго Французскаго Композитора Рамо, музыканшы, находя слишкомъ шрудными для себя его ноты, не знали какъ разыграшь ихъ. Рамо, чрезвычайно живой и чувствительный отъ природы, каковы и всѣ почти геніи, шолковаль и спорилъ изо всей силы съ управлявшимъ оркестромъ. Сей послѣдній, противорѣча ему, забылся до того, что въ жару спора кинулъ къ ногамъ его палку, копорою билъ пакшу. Рамо хладнокровно поднялъ ее и опбросивъ назадъ, почти въ самое лице директора оркестра, сказалъ ему съ важноспію: ‘прошу не забывашь, что здѣсь я архитекторъ, а вы шолько смошришель за каменьщиками.,,’

При вшеспвіи Изабеллы Баварской въ Парижъ, явились къ ней и къ Королю Карлу VI депушаны отъ города съ богатыми дарами. Многіе изъ сихъ депушановъ, по шогдашнему обыкновенію, одѣшы были звѣрями, и между прочими опличились въ шовремя *Медведь* и *Единорогъ*, кошорые пред-

спавили Королевъ самые великолѣпнѣйшіе подарки. — Французскій Историкъ и Комикъ Сень-Фуа, упоминая о семъ происшествіи въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ: “ничто не казалось тогда столь замысловатымъ, какъ подобныя маскарады: не въ первый и не въ послѣдній разъ города назначали ошь себя децупашами звѣрей и скоповъ.,,

Эпошь Г. Сень-Фуа, при всемъ своемъ остроуміи, былъ самой вздорный и грубый человекъ. Акшеръ Гранваль сравнивалъ Музу Сень-Фуа съ пчелою, кошорая клала медъ свой въ черепъ льва.

Мезешень, славный Ишальянскій Акшеръ, вздумалъ поднести одному богашому Герцогу свое сочиненіе. Не такъ-то скоро его къ нему допустили: у самыхъ дверей остано-вилъ Мезешеня Швейцаръ, въ передней лакей, и наконецъ у кабинета камердинеръ; надобно было подарить всѣхъ, и онъ обѣщаль каждому изъ нихъ шрешью часпъ того, что получишь въ награду ошь ихъ господина. Герцогу весьма приятно было, что аршисшь, сполько всѣми любимый и уважаемый, посвящаетъ ему свое произведеніе.— “Чемъ могу, спросилъ онъ Мезешеня: изъ-явишь вамъ мою признашельность за честь,

копоруку вы мнѣ дѣлаете? Скажите прямо, безъ церемоній, что желали бы вы получитьъ отъ меня, и я съ удовольствіемъ все для васъ сдѣлаю., — Полпорасша палокъ, Ваша Свѣшлость! — “Что значить эша шушка?,” — Мезешень объяснилъ Герцогу, какой сдѣлалъ уговоръ съ его служителями. “Изволише видѣшь, Ваша Свѣшлость, примолвилъ онъ: что я самъ ни одной палки не получу, а людей вашихъ проучу.,” Герцогъ похохоталъ отъ чистаго сердца; а бѣдные швейцарь, лакей и камердинеръ заплакали: каждому изъ нихъ дали по пятидесяти лозоновъ. — Камердинеру, чай, было обидно, что его сравнивали съ швейцаромъ и лакеемъ: съ тѣхъ было бы довольно и по 25 палокъ, а ему бы не грѣхъ дать и цѣлую сошню. — Герцогъ, по просьбѣ Мезешеня, не далъ ему самому ничего, что бы онъ не принужденъ былъ подѣлиться съ его людьми; но за то послалъ богатый подарокъ его женѣ.

Мезешень славился въ Парижѣ до закрытія Испаніянскаго театра, что послѣдовало въ 1697 году. Вскорѣ потомъ перешелъ онъ къ Польскому Королю Августу, который осыпалъ его милостыями; но Комедіаншъ забылся, раздражилъ Монарха, своего благодѣшеля, и просидѣлъ за дерзость въ тюрьмѣ около двадцати лѣтъ. Въ Парижѣ давно уже его считали мершвыми, какъ вдругъ

появился онъ шамъ при возобновеніи Ишпанской Комедіи въ 1716 году. Однако Парижская Публика приняла его не шакъ, какъ прежде, и онъ рѣшился пошому удалиться въ Ишалю, гдѣ и кончилъ жизнь свою.

Извѣстная сочинительница, дѣвица Гурней, побочная дочь, или приемышъ Моншаня, природная Гасконка, была весьма пылкаго и горячаго нрава. Ей очень хошѣлось познакомиться съ Поэтомъ Раканомъ, кошорый чрезвычайно славился въ то время. Двое изъ его приятелей вздумали пошупишь надъ нимъ и надъ нею. Зная, въ кошоромъ часу обѣщаль онъ придти къ дѣвицѣ Гурней, пошли они оба шуда за нѣсколько минушь прежде его. Сперва входишь къ ней одинъ подъ именемъ Ракана. Какъ обрадовалась ему дѣвица Гурней! какъ приняла его! Онъ похвалилъ ея сочиненія, насаказалъ ей множешво комплементовъ и изъявилъ сожалѣніе свое, что не можешъ на эшотъ разъ долѣе у нее ошаваться. Она была опъ него безъ памяши и просила его не замедлишь вопричнымъ посѣщеніемъ. Лишь шолько вышель опъ нее мнимый Раканъ, опяшь докладываюшь ей о Г. Раканѣ. Дѣвица Гурней подумала, что онъ что нибудь забылъ у нее и пошому ворошился; но какъ же удивилась

она, когда вошелъ къ ней совсемъ другой человекъ.—“Вы Г. Раканъ? Поэщъ?,, — Точно такъ-съ, по приглашенію вашему...—Она не дала ему договорить и рассказала, что случилось съ нею. Госпъ слушалъ ее съ прищворнымъ удивленіемъ и досадою, разспросилъ о примѣсахъ самозванца и сказавъ: “я не позволю шупить такъ надъ собою, и проучу этого проказника,,—побѣжалъ догонять его.—Впорый Раканъ изъ дверей, а шрепій и настоящій въ двери.—Въ шрепій разъ доклавашъ дѣвицѣ Гурней о Г. Раканѣ. —“Да что за Раканы! вскричала она, вышедъ изъ шерпѣнія...однако же пущъ войдешъ,,.—Входилъ Раканъ и кланяешся. — “Какъ смѣете вы, сударь, меня дурачить?,, сказала она ему съ сердцемъ.—Раканъ, не ожидая шакого приема и будучи прищомъ небольшой массерь говорищъ, смѣшался. Дѣвица Гурней заключивъ изъ шого, что онъ дѣйствитель-но не Раканъ, а какой нибудь наемный самозванецъ, схватила у себя съ ноги башмакъ и ну бищъ его по чемъ ни попало, пока не убѣжалъ онъ изъ комнашы.—“Я видѣлъ, пишешъ Менажъ, какъ Буароберщъ предшавлялъ эшу сцену въ присушствіи самаго Ракана.—Такъ ли было дѣло? спрашивали сего послѣдняго.—Помнищся, что такъ, ошвѣчалъ онъ.,,

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТИХОТВОРЕНІЯ, НАПЕЧАТАННЫЯ ВЪ XXXIV N^o БЛАГОНАМЪРЕННАГО *).

1. Рѣка Жизни.

Играешъ бѣгомъ челнока
И въ вѣчноспь исчезаешъ.

Прежде писали, что море и волны играютъ *кораблями, ладіями* и п. п.; а теперь, къ удивленію моему, въ первый разъ читаю, что «рѣка играешъ *бѣгомъ челнока!*», По этому можно сказать: «я играю *движеніемъ мячика*»,—«я бью *ударомъ палки*», Помнишь, Блеръ сказалъ, что пѣ только *метафоры и аллегоріи* хороши, копорыя можно нарисовать.—

---

*) Присланы при запискѣ неизвѣстнаго Кришика, копорый обѣщаетъ и впредь доставлять свои замѣчанія на нѣкоторыя новыя стихотворенія. Издашеть *Благонамѣреннаго* съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщашъ будешъ въ *недѣльномъ* своемъ Журналѣ всякія *дѣльныя* замѣчанія *извѣстныхъ* и *неизвѣстныхъ* Кришиковъ, лишь бы только Журналъ его сдѣлался *извѣстнѣе*. Изд.

Исчезать можно въ вѣчности, 'а не въ вѣчность.

Но чаще бури *быстрицу*.

Быстрина имѣеть значеніе гораздо ограниченнѣе, нежели *быстрота*. Последняя относится ко всѣмъ вообще движеніямъ, а первая къ одному полько движенію воды.

И розами ей путь кропитъ
Окрестъ кормы унылой.

Кропитъ можно одною полько жидкостью, а *розы* не то, что розовая вода.—Если *устылаютъ* кому нибудь *путь цвѣтами*, то бросающъ ихъ *впереди* идущаго, либо *ѣдущаго*, что бы онъ прошелъ, или *проѣхалъ* по нимъ. Корабль обыкновенно *идеть впередъ носомъ*, а не *кормою*. Какъ же здѣсь неопытная Муза *розами путь кропитъ окрестъ кормы унылой*, — Замѣтимъ еще, что *риемы: хилой и унылой* опъ частаго употребленія, сшоль же сдѣлались несносны для слуха, какъ: *теловѣкъ и вѣкъ*.

О Муза! спутникъ дней моихъ,
Будь неизмѣнный мой *вожатый!*

Въ превосходномъ разборѣ двухъ стихотвореній, предложенныхъ изъ Шиллера В. А. Жуковскимъ и М. В. Милоновымъ, напечатанномъ въ XXIII и XXIV № Благонамѣреннаго, сдѣлано уже замѣчаніе на счешъ эпихъ модныхъ и чудовищныхъ гермафродитовъ. — Теперь пишушь у насъ: *Надежда-обольститель*, *Муза-спутникъ*, *Муза-вожатый*. Дождемся, можешъ бышь, и шого времени, чпо спанушь писашь: *Геній-обольстительница*, *разуль-спутница*, *разуль-обольстительница*.—О бѣдная Граммашика!

2. Море и Земля.

И бурныя волны сражаются съ револѣ:
Мнѣ воды не милы и берегъ мнѣ льститъ.

Сочинишель вѣрояшно хопѣлъ сказаць въ первомъ спахъ, чпо волны, сражаясь *между собою*, ревушь; но здѣсь, по Граммашикѣ, выходишь, чпо онѣ сражающся, пакъ сказаць, *противъ рева*.— Берегъ льститъ не можешъ.

Тогда мнѣ приятна и роца гуспая,
Расшущая дико на *мратныхъ лугахъ*.

Одна роща на многихъ лугахъ! И луга понадобились здѣсь для одной только рѣемы.

И свещень уныло въ иглистыхъ соснахъ.

Ошибка прошивъ ударенія! Маленькая стихотворческая вольность, или лучше скажешь своевольство.

Сколь рыбарей бѣдныхъ несчастна судьбина!

По законамъ Грамматики надлежало бы сказать: “*сколь несчастна судьбина бѣдныхъ рыбарей!*”, — но такія не позволенные перестановки словъ встрѣчающся у насъ весьма часно не только въ стихахъ, но и въ прозѣ.

А рыба добыча невѣрная съ волнь.

Добычу получающъ или *отъ* самаго неприятеля, или *изъ* шого мѣста, въ кошоромъ онъ находился; слѣдовательно должно было употребить здѣсь предлогъ не *съ*, но *изъ*.

Главный недоспащокъ молодыхъ нашихъ стихотворцевъ, изъ кошорыхъ многіе имѣющъ испинное и даже боль-

шое дарованіе, еспь по мнѣнію моему, нетогность *выраженій*, происходящая или опь незнанія языка, или опь излишней поспѣшности и самонадѣянности.

Колтовская.

Старый Критикъ.

МОЕ УЕДИНЕНІЕ.

Тебя хочу славишь я,
 Жилище безвѣспное,
 Приюшь мой и родина,
 Гдѣ взоръ очарованный
 Найдешь сполько прелестей,
 Красотъ перемѣшанныхъ
 Природы искусницы!—
 Тупъ высипся голая
 Скала одинокая;
 Тамъ жапва поспѣлая
 Роскошно волнуется;
 И пажиши пучныя
 Зеленой равниною
 Теряюшся изъ виду;
 Вдали едва видимой
 Лѣсь темный синѣшся;
 И около ближняго
 Пригорка разсыпавшисъ,

Спада бродяшъ по лугу;
 А шумъ моя хижина,
 Обишель спокойствія,
 Приюшъ безмятежный мой;
 Надъ ней преклонилися,
 Прохладною шѣнію,
 Сплешаяся вѣшьями,
 Дубъ старый развѣсисшый
 И вязъ сѣнолистѣнный.

Тамъ часнымъ кустарникомъ
 Малина, смородина,
 Надъ темной пещерою
 Рослись, заслоня входъ;
 И пополи гибкіе
 Шумяшъ въ синемъ воздухѣ;
 По кашу зеленому
 Ручей извиваешся,
 Чуть, чуть пробираешся
 По камышкамъ спруйками;
 То легкою пѣною,
 Черезъ корни согнившіе,
 Бурлишъ подымаяся —
 То вдругъ прояснешся —
 И холмы прибрежные
 И купы зеленыя
 И ближнія пасбища
 На зыби рисующся —
 И рыбки сребрисшыя,
 Сверкая чешуйками,
 То мелькомъ къ поверхности,

То розсыпью къ берегу
 Играюшь въ струяхъ его.
 Заря пробуждаяся,
 Съ собой пробуждаешъ насъ
 Опяшь къ удовольствіямъ.
 Иду на душистый лугъ,
 Гдѣ Флора роскошною
 Рукою разсыпала
 Цвѣшны ароматныя,
 И утро прохладное
 Росой ихъ опрыскало;
 На листикахъ свѣщящя
 Жемчужныя капельки,
 Шипки раскрывающяся,
 И юною жизнію
 Впервые любующяся;
 Но какъ ни плѣнительна
 Краса ихъ весенняя,
 Они не сравняющяся,
 Они не прекраснѣе
 Лица моей Юліи.

Но полдень приближился —
 И зной упоминельнѣй —
 Спада опдыхашъ легли,
 Селяне успалые,
 Работу покинувши,
 Спѣшашъ подъ тѣнь ближнюю;
 Паспушки веселыя
 Самдругъ бѣгущъ на рѣку
 И плашя оспавивши

Въ кустахъ подлѣ берега,
 Въ спруяхъ погрузилися.
 Ручей едва зыблешся
 И сѣни прибрежныя
 Его охлаждающъ шокъ.

Или пихимъ вечеромъ,
 Собравшись въ веселый кругъ
 Подъ сшарый дубъ дѣдовскій,
 Мы жершвуемъ юноши . . .
 Кругомъ друзья давніе . . .
 На дернѣ муравчашомъ
 Стояпъ чаши полныя . . .
 Вино пробуждаешъ въ насъ
 Веселье игривое;
 Тупъ смѣхъ не въ укоръ другимъ
 И шупка безъ колкосши.

И пакъ чередующся
 Забавы и радосши,
 И скука угрюмая
 Чуждаешся юношей.

О время крылашое!
 Помедли спремленіемъ!
 Забудь хошь на нѣсколько
 Насъ на лонѣ юноши!
 Помедли, сшой, быспрое!
 И юношь минушнѣю
 Продли въ упоеніи!
 О дай насладисься намъ,
 Собою и жизнѣю! —
 Пусшь знашность и почесши

Другому въ удѣлъ даны—
 Пусть . . . Я не завидую:
 Оставь мнѣ спокойствіе,
 Оставь мою Юлію.

Москва.

Изъ Бюргера — Андросовъ.

КЪ ДРУГУ НА НОВОСЕЛЬЕ.

Поклонъ слѣпой богинѣ!

Ты другъ мой, наконецъ
 Заранѣ въ пустынь
 Опшельникомъ мудрецъ.
 Прекрасно! . . . хопъ и спранно . . .
 Но что здѣсь посшоянно?
 И мудрость въ двадцать лѣтъ
 Какъ сладкій сонъ минешъ . . .
 Покажь еще желанье
 Быть мудрымъ не прошло,
 То вопъ шебъ на зло
 Терпѣнью — испытанье,
 Спихами, другъ, посланье —
 Условье . . . не засни!

Ведешся искони

На праздникъ новоселья
 Желашъ добра, веселья . . .
 Тебя опъ найдушъ;
 Онъ охотно шупъ,
 Гдѣ добраго обисель,

А съ ними и покой,
 Беспечныхъ посѣпшпшь
 Заглянешъ въ домикъ швой;
 Любишшь мирной сѣни;
 Товарищъ давній лѣни,
 Досугъ часы займешъ . . .
 И рѣзвыхъ Музь сзовешъ
 Съ вершины Геликона;
 На спройный арфы гласъ.
 Сведущъ и Аполлона,
 Въ веселый, Музы, часъ. —
 Тогда, Поэпъ, въ весельи,
 Ликуй на новосельи:
 Богини, богъ, Парнасъ,
 Всъ, всъ госпяпъ у насъ! . . .
 И Фей въ шолпъ предеспной
 За ними не *медлитъ*
 Дщерь Испины небесной
 И Мудроспъ посѣпшипъ.
 Чшожь можешъ подъ луною,
 Счастливою судьбою
 Ее намъ замѣпшипъ?
 Чшо можешъ облегчипъ
 Печалей нашихъ бремя?
 Разсѣя въ жизни сей
 Печалей, бѣдспвій сѣмя,
 Намъ дали боги въ ней,
 Въ ушрашахъ ушѣшенье;
 Сей Геній—примиренье
 Указывая *талибъ*,

Покой даешь сердцамъ.
 Пушь жизни озаряя
 За рубежемъ земли,
 Надеждѣ открывая
 Въ таинственной дали
 Незримую, благую
 Жизнь лучшую другую,
 Она миришь съ Судьбой
 И красишь дни съ собой;
 Туда ее призванье
 Въ спрану обѣщанья. —
 Другъ, взоры къ небесамъ!
 Туда, къ опчизнѣ, шамъ
 Надежды исполненье,
 Погибшее для насъ!
 О чемъ души шомленье
 Давало знашь не разъ,
 Безвѣснаго алкая,
 Чшо здѣсь не обрѣшая,
 Невѣдомымъ путемъ
 Мы *талиб*, мы *талиб* найдемъ.

Блаженна ша обипель,
 Свяшый гдѣ Геній сей,
 И вождь и ушѣшишель
 Въ печаляхъ скорбныхъ дней.

Здѣсь долу въ жизни слезной,
 По горю гдѣ равно
 Для всѣхъ насъ вѣкъ желѣзной —
 Чшобъ насъ заняшь дано:
 Для юности — забавы,

Мечша для старыхъ славы,
 А мудрому приюшь —
 А съ нимъ и счастье пушь.

И это швой удѣль.

Свяшаго озаренья
 И надъ побой горѣль
 Сеѣпильникъ въ часъ рожденья.
 Къ прекрасному влеченье
 И къ доброму спремление —
 Неложный Музь привѣшь;
 И ихъ небесный свѣшь
 Лишь добрыхъ озаряешъ,
 Порочныя сердца
 Ихъ лира не' плѣняешъ.
 Тебѣ удѣль пѣвца
 Судьба на часъ судила —
 Она симъ наградила
 Лишь избранныхъ своихъ,
 Любимцевъ лишь однихъ.

И шакъ, когда съ мечшами
 Найдешъ веселый часъ,
 Ты новыми цвѣшами
 Свирѣль свою укрась:
 Въ мѣръ шайный вдохновенья,
 Въ шрану воображенья
 Мечшой переселись!
 Мечшой, другъ, веселись,
 Пока еще играешъ
 Румянецъ на щекахъ,
 И Геба забавляешъ
 Счастливаго въ мечшахъ.

Другъ милой, что здѣсь вѣчно?
 Жизнь наша скоропечно,
 Невидимо пройдетъ!
 И швой весенній цвѣтъ
 Невозвратимо вянеть...
 Лепятъ часы, лепятъ,
 Грядущее проглянешь...
 Ахъ! Парки не медлятъ!
 Тогда просни — и радость,
 Веселье, нѣги сладость
 И прелесть юныхъ дней,
 И арфы пѣснь швоей,
 И вечеромъ порою
 Прогулка надъ Днѣпромъ,
 Гдѣ съ гаснущей зарею,
 Надъ тихимъ берегомъ,
 Уединясь мечтаешь...
 Пока еще вкушаешь
 Веселье и покой,
 Играй, мой другъ, и пой.
 О! пой во ожиданья,
 Пока нашъ часъ пробьешь
 И изъ сего изгнанья
 Въ опчизну позовешь. —
 Недолго веселишься;
 Жизнь съ юностью умчишься,
 А съ ней и Аполлонъ,
 Какъ небывалый союзъ!

Москва.

В. Андросовъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

1822.

I. Надгробныя слова Боссюэта, Епископа Мосскаго. Съ эпитафюмъ: *Qu'attendons nous pour nous convertir?* Bossuet. С. П. бургъ. Въ шип. Департаменна Народнаго Просвѣщенія, въ 12 долю, XXIV и 295 стран.

Превосходная книга, которую давно бы должно было перевести на нашъ языкъ. Надгробныя слова Боссюета, славнѣйшаго изъ Французскихъ церковныхъ Орапоровъ, почишающаго самымъ лучшимъ его твореніемъ какъ по высокости мыслей, такъ по силѣ и великолѣпію слога. Переводъ очень хорошъ. Въ доказательство выпишемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста.

“Явился на зрѣлице сего волнуетаго государства человекъ глубокомысленный, утонченный лицемѣръ *), искусный полиптикъ, способный все предпринимать и скрывать, дѣвельный и неупомимый въ мирѣ и брани; который никогда не предославлялъ счастья того, въ чемъ могъ успѣть благоразуміемъ, но и не упускалъ случая, кои оно

---

*) Кроивель.

представляло ему; наконецъ, одинъ изъ шѣхъ крамольныхъ умовъ, кои рождаются для великихъ переменъ. Исторія доказываетъ намъ, сколь опасна участь такихъ людей, и сколь многіе изъ нихъ пострадали за свои гордые замыслы. Но чего не въ силахъ они предпріяшь, когда Богъ избираетъ ихъ орудіемъ своихъ тайныхъ намѣреній? Чшо можетъ тогда преградить печеніе ихъ? Они связуютъ, ослѣпляютъ, смиряютъ все могущее прошивишия *). Сему дано было обольщать народы и превозмогать надъ Царями **). Ибо замѣшивъ, что въ безконечномъ множествѣ послѣдованій, неизмѣннхъ уже извѣстныхъ правилъ, удовольствіе лжеучишельствованья обладало умами, онъ спарался ***) согласить ихъ; и соспавилъ ужасное шѣло изъ сего чудовищнаго смѣшенія. Чернь, единожды увлеченная приманкою свободы, печетъ слѣпо подъ знамена обольщителей своихъ при первомъ звукѣ сего обманчиваго имени. Народъ Англіи, плѣненный пагубною мечшою независимости, спѣшилъ къ рабству своему, не усматривая онаго. И хищрый вождь его, сражаясь, поучая въ

---

*) *Иерем.* XXVII. 5 — 7.

**) *Апокал.* XIII. 5 — 7

***) Не лучше ли бы здѣсь соспавились онѣ послѣ? За дѣепричастіемъ долженъ, кажется, слѣдовать сперва глаголь, а потомъ уже мѣстоименіе? *Изд.*

вѣрѣ, принимая тысящу различныхъ образовъ, предшавляя насшавника и пророка, воина и полковоцца, до того успѣлъ обаяшь сердца и очаровашь мысли, чшо все воинство признало его начальникомъ, посланнымъ опъ Бога для докровишельства независимости. Тогда уже началъ ошкрываешь онъ свои гордые замыслы. Не буду описываешь вамъ счасшливыхъ его предпріятій, ни славныхъ побѣдъ, оскорбившихъ добродѣшель, ни долговременной пишины, изумившей вселенную. Такъ положиль Господь въ неизслѣдимомъ совѣшѣ своемъ, да разумѣюшь Царіе, сколь опасно ошавляешь вѣру опцевъ своихъ; да научаешь симъ великимъ примѣромъ, сколь сильна ересь, сколь она спропшива и необузданна по свойству своему, сколь гибельна для царской и всякой законной власши.,,

(Надгробное Слово Королевѣ Англинской, спран. 27 — 30.)

И эшо писано почти за сто лѣшь до рожденія новаго Кромвеля — Наполеона Бонапарше!

“Какимъ образомъ *)” высокій сполпъ подъ емлешъ величественную главу свою изъ раз-

---

*) Въмѣсто: *какимъ образомъ*, не правильнѣе ли было бы поставитъ: *какъ?*

валинъ древняго храма, копорого былъ нѣкогда украшеніемъ и опорой, и копорого попомъ держалъ на себѣ всю шляхосъ, когда сіе огромное зданіе клонилось къ падежю: такъ мужественная Государыня, долго служившая украшеніемъ престола, долго сражавшаяся съ бѣдсвѣями, постигшими ея домъ и подданныхъ, сохраняетъ швердосъ души и по ушрашѣ всего дражайшаго ей въ мірѣ., (*Талиѣ* же спран. 42.)

Вотъ прекраснѣйшій примѣръ для *подбія*, или для *сравнительнаго періода*, какого не найдемъ ни въ одной изъ нашихъ Риторикъ.

Въ началѣ книги, послѣ крашкаго предисловія, или предувѣдомленія, помѣщена спашья: *о Боссюэтѣ*, занимающая 18 спраницъ. Спашья сія, сочиненная самимъ Переводчикомъ, показываетъ съ какижъ вниманіемъ читалъ онъ не только шворенія сего великаго Проповѣдника, но и все то, что писали объ немъ просвѣщенные Французскіе Литшператоры.

Надгробныя Слова Боссюэта получаютъ можно въ книжной лавкѣ Департаментна Народнаго Просвѣщенія у Чернышева моста, также у Книгопродавца Ивана Заикина въ лавкахъ его въ домѣ Императорской Публичной Библіотеки подъ № 18, 19, 20 и 23 и въ домѣ Генераль-Маіора Балабина подъ №

26. Цѣна экземпляру здѣсь въ С. П. бургѣ 5, а съ пересылкою въ другіе города 6 р. Гг. Иногородные, желающіе имѣть сію книгу, благоволяшъ, прилагая означенное количество денегъ, адресовавъ и пребыванія свои въ помянутую книжную лавку Департамента Народнаго просвѣщенія на имя самаго Переводчика Коллежскаго Секретаря *И. С. Пеннинскаго*.

2. *Кавказскій Плѣнникъ, Повѣсть. Соч. А. Пушкина.* С. П. б. Въ шип. Н. Греча, въ большую 8 ку, 53 стран. *) Съ порпременомъ Авшора.

Прекраснѣйшія каршины, списанныя съ натуре масперскою рукою; естественный и благородный разсказъ; легкая и исправная

---

*) Продается на Невскомъ проспектѣ въ домѣ, принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ кварширѣ *Н. И. Гнѣдига*. Цѣна на вел. бум. 7, на люб. 5 р. У него же можно получашь и другую недавно вышедшую въ свѣтъ книгу: *Шильонскій Узникъ. Поэма Лорда Байрона. Переводъ В. А. Жуковскаго.* Цѣна на люб. бум. 3 р. — Иногородные, относясь на имя *Н. И. Гнѣдига*, получающъ обѣ сіи книги безъ платы за пересылку.

версификація *)¹⁾ вошь главнѣйшія достоинства сей новой Поэмы перваго изъ молодыхъ нашихъ спихопворцевъ А. С. Пушкина. Ни въ одномъ изъ нашихъ Поэмовъ не разцвѣшаль, шакъ сказать, споль рано шаланшъ и не созрѣвалъ споль скоро, какъ въ любезномъ Пѣвцѣ *Руслана и Людмили*. Сія прежняя его Поэма опшличаешся непринужденною шушливостію, замысловашостію, остроуміемъ; напрошивъ шого въ *Кавказсколб Пльнникѣ*, соопвѣшспвенно содержанію онаго, видно вездѣ какое-шо прогашельное уныніе, карпины совсемъ другаго рода, болѣе чувешва, болѣе силы, болѣе возвышенной Поэзіи. Мы помѣспили въ началѣ сей книжки одинъ опрывокъ изъ *Кавказскаго Пльнника* подъ заглавіемъ: *Воцнскія упражненія и игры Черкесовѣ*. Эшо классическое стихотворное описаніе безъ сомнѣнія повравишся всѣмъ просвѣщеннымъ любишелямъ Словешности. Ожидаемъ подробнаго и весьма основашельнаго разбора *Кавказскаго Пльнника*, кошорый имѣли удовольствіе слышашъ и кошорый въ скоромъ времени напечатанъ будешъ въ Журналѣ: *Соревнователь Просвѣщенія*. И.

*) Жаль шолько, что и здѣсь вешпрѣчающія вынѣшнія модныя слова и выраженія, напримѣръ: *привѣтѣ*, *сладострастіе*, *молодая жизнь*, шакже иѣкошорые издешные и изысканные эпитеты. *Изд.*

*Загадка - Омонимъ - Анаграмма -
Шарада - Логогрифъ.*

Чишатели! всегда бываю я при васъ,
Но рѣдкостью меня считаеете подчасъ;
Когдажъ я повернусь другою стороною,
Васъ часно вижу подо мною;
Раздвинусь надвое—и буквой и рѣкою
Зовете вы меня. Смѣшайте же пеперь!
И вамъ предсавитсѣ шакой ужасный звѣрь,
Кошораго усы гусарскихъ даже болѣ;
А шамъ бѣдняжка царь, и царь извѣстный
въ полѣ.

Словаревъ.

Логогрифъ, напечатанный въ XXXV N^o
значишь — *Логогрифъ* (изъ онаго выходяшь
слѣдующія слова: *форо, лифъ, Иръ, голъ, рогъ,*
грифъ, и горло); а *Шарада* — *Со - вѣсть*.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. N° XXXVII.

ЗАБЛУЖДЕНІЯ ФЛОРИНЫ *).

“Не ужели и сегодня, говорила Флорина своей машери, посмапривая съ беспокойствомъ на госпей: не уже ли и сегодня не скажете вы мнѣ, кпо-изъ всѣхъ эшихъ господъ женился на мнѣ завпра?,— Полно болшашь; слушай лучше, какъ дядюшка швой рассказываетъ о подвигахъ своихъ на сраженіи при Миндѣнѣ: оцъ будешь эшимъ очень доволенъ и вѣрно подарить тебѣ что-нибудь въ день швоей свадьбы. — “Но я, маминька, сегодня такъ разсѣяна... Ахъ! еслибъ вамъ угодно было... еслибъ вы мнѣ сказали...,— Ну, вошь эшотъ высокій мужчина, копорый поправляетъ

---

*) Изъ новой книги: Contes du vieil Ermite de la vallée de Vauxhuin, копорая уже почти вся переведена.

свое жабо и дуешь на манжеты.—“Ахъ, маминька, онъ очень спарь!,, — А развѣ ты не знаешь, что онъ очень богатъ и что слѣдовательно ты съ нимъ будешь счастлива, какъ королева.—“Но онъ ужасень, маминька; увѣряю васъ, что я и теперь уже боюсь его, и никогда не могу любить это спрашилище.,,—Молчи, сударыня; твое-ли дѣло судить о мужѣ, котораго тебѣ назначаюшь? Стыдно еще въ твоей лѣта говорить о любви.—Флорина замолчала, вздохнула, пошупила глаза въ землю и во весь вечеръ не смѣла взглянуть на важнаго жениха своего.

На другой день повели ее къ алтарю и она заливалась слезами.—“Ты дуручка, говорила ей мать: повѣрь мнѣ, Флорина, что дѣвическая жизнь не сподобишь того, что бы жалѣшь о ней: за мужемъ ты будешь несравненно свободнѣе, нежели прежде.,,

Флорина слушала и ничего не понимала; но рѣзвая и живая—какъ Амуръ, на котораго она походила, въ разсѣяніи большаго свѣта скоро забыла свою горечь. Она предалась обыкновеннымъ

слабостямъ молодыхъ женщинъ. Ее поносили: сначала это ее печалило; но скоро одинъ умникъ, который почишалъ себя знакомомъ сердца женщинъ потому, что нѣсколько разъ былъ ими обманушь, захошѣлъ — какъ говорилъ онъ — обратишь ее на путь истинный, и послѣ того Флорина первая смѣялась надъ анекдотами, рассказываемыми на ее счетъ.

За этимъ несчастіемъ, или — если угодно — за этою странностію, послѣдовали многія другія, которыхъ женщины рѣдко избѣгають.

Первый любовникъ Флорины былъ прекрасный молодой человекъ, который выдавалъ себя за умника; а кому неизвѣстно, что первый любовникъ молодой женщины есть второй характеръ, и что онъ имѣетъ вліяніе на всю остальную жизнь ея. Послѣ этого — немудрено, что при закатѣ своей молодости Флорина сдѣлалась начальницею опрыда умниковъ и раздавала любимымъ ученикамъ своимъ философскіе папешны. Однажды меня повели къ ней: долго слушалъ я все, что около меня го-

ворили, но не понималъ ничего; попому, что я человекъ проспой, читалъ только Ла Фонтена, Локка и Монтаня, и — признаюсь — только въ ихъ твореніяхъ нашель я совѣщы, въ которыхъ сердце и разумокъ могушь имѣшь нужду.

Проспота моя Флоринѣ понравилась. — “У васъ естъ предрасудки, отъ которыхъ вамъ надобно освободиться, сказала она мнѣ: откажись отъ несбыточныхъ надеждъ вашего сердца и особенно отъ вѣры въ добродѣшель, которая въ шридцатилѣтнемъ человекѣ спановишь уже смѣшною., — Но, позволше мнѣ сказашь вамъ, сударыня, если надежды мои соспавляюшь мое счастье, по зачемъ же мнѣ оставляшь ихъ? Извѣсно, что въ театръ худшее за кулисами.—“Да, если для наблюдателя не приятнѣ видѣшь дѣйствіе машинъ, нежели самое представленіе. Философія естъ не что иное, какъ анатомія души и ея способностей, точное познаніе болѣзней, называемыхъ спрашями и унижающихъ сердце человеческое., — Изъ этого я вижу, что вы почитаете Философію наукою споль же

гадапельною какъ Медицина? Знаете ли вы, сударыня, что опъ одной можно умереть почно такъ же, какъ и опъ другой?—“Скажете лучше, что мы живемъ разсудкомъ, но не можемъ жить сердцемъ.,—Прекрасно! но если вы живете однимъ разсудкомъ, то вѣрно очень мало любите жизнь. Извините, сударыня, что я говорю съ вами такъ опкровенно. Мнѣ кажется, что одна только эта полудилософiя, которую въ свѣтѣ снѣлько выхваляютъ, заставляетъ насъ почитать безчувственность и сепцицизмъ за истинную мудрость: Философiя возвышеннѣйшая показываетъ намъ, что мудрость состоитъ въ умѣренномъ наслажденiи самимъ собою, а не въ скучной и холодной анастомiи души и ея способностей — какъ вы сей часъ сказали.—“Помилуйте; да я скоро подумаю, что вы вѣрите всѣмъ поддѣльнымъ добродѣтелямъ, чувствительности и всей этой Миеологии сердца, которую нынчѣ едва перпяшь на театръ и въ романахъ!.,—Но вы, сударыня, развѣ не признаете вы существованiя добродѣтелей, которыхъ сами исполняете,

копорымъ всякой день удивляешься? — “Я вѣрую въ нихъ такъ, какъ должно вѣровать: швержу о нихъ моимъ дѣшамъ, говорю объ нихъ съ оспорожностію при моихъ людяхъ; но почти всегда смотрю на нихъ, какъ на *дщерей нашихъ выгодъ и разсчетовъ*. И самый великій Ларош-Фуко часто повпоряешъ это разными словами. Повѣрьте мнѣ, что люди исполняющъ добродѣтели только тогда, когда не могутъ слѣдовать совѣшамъ порока; почно такъ, какъ холодное молчаніе лѣносши, или беспечноспіи, иногда принимается глупою полпою за удивительную силу души и великодушное шерпѣніе. Гордоспъ, спыдъ и случайное расположеніе частей нашего шѣла, сказалъ знаменитый философъ, о которомъ я уже говорила, производяшъ дѣла необыкновенныя. То, что рождаешъ лихорадку, бываешъ также источникомъ нашихъ добродѣтелей и пороковъ.”

— Оспановишесь, сказалъ я: шакимъ ли образомъ, Флорина, должна говорить женщина чувспвишельная? — “Сцепшицизмъ мой успрашаешъ васъ, про-

должала она; успокойшесь: еспь конечно и нравственныя причины, производящія многія изъ нашихъ дѣяній: скука, любопытство, желаніе сильныхъ ощущеній — вопрь почти всѣ благородныя испочки того, что обыкновенно называется нравственнымъ добромъ и зломъ.,,

— Не прошу уже васъ, сударыня, замѣшить, что частный случай вы поставляете правиломъ общимъ; но спрашиваю васъ теперь: какимъ образомъ объясните вы по своей системѣ побудительныя причины благотворительности, великодушія, доброты и всѣхъ добродѣтелей, полезныхъ не для однихъ насъ?—“Извольте, но только не брани-те меня. Почти всегда великодушіе еспь какъ говоритъ проищательный, высокій Ларош-фуко, не что иное, какъ, *скрытое гестолобіе, тонкій способъ исканія выгодъ, или тщеславіе давать и лишаться, которое мы предполагаемъ толку, что даемъ.* Что же касается до доброты и благотворительности: по праву, съ пѣхъ поръ какъ живу на свѣщъ, я не замѣшила, что бы онѣ происходили

опъ чего другаго, какъ опъ какой - то пустошы сердца, волненія ума, копорыя заставляющъ насъ въ несчастіяхъ ближнихъ искашь случаевъ бышь пронупыми.,—А дружба?—“Дружба? подобно хвалѣ, ешь капишаль, опданный въ росшь.,,

Флорина замолчала, и я замѣшилъ, что она покраснѣла.

“Ваша холодная и печальная Меша-физика, сказалъ я ей, ешь, къ счастью романъ, а не испорія сердца. Со временемъ я расскажу вамъ мои нравспвенныя правила; но повѣрьте мнѣ, что нѣшь ничего ложнѣе и разрушительнѣе этой полуфилософіи, копорая хочешь все разлагашъ. Смѣю даже ушверждашь, что духъ разсмаприванія, введенный нѣ-сколько лѣшь назадъ еще болѣе въ общесшва, нежели въ книги, можешъ почешься главною причиною охлажденія умовъ, споль пропивнога испинной любви къ опечесшву, любви къ искусствамъ, пропивнога даже выгодамъ женщинъ, если, какъ я думаю, первая выгода ихъ ешь бышь любимыми. Посредспвенные умы, копорые безпрещанно смопряшь въ микроскопъ и копорымъ

обыкновенно даюшь важное названіе на-
блюдашелей, находяшь вездѣ опшѣнки
и разносши. Человѣкъ болѣе возвышен-
ный, гений подробносшями пренебре-
гаетъ: онъ паршшь и быспрымъ взгля-
домъ обнимаешъ вдругъ всѣ звѣнья цѣ-
пи. Жишель Ошапши, или оспрововъ
Сандвичевыхъ, и гражданинь Паршжа,
сущъ, въ глазахъ его, машины одинакія,
закрышыя разными покрывалами: для
него никшо не походшшь шакъ на дика-
ря Каролинскаго, какъ Версальскій при-
дворный: онъ смошршшь шолько на про-
изведенія, и въ людяхъ всегда видишь
человѣка.»

Я оспановился и сдѣлалъ весьма хо-
рошо шопрму, что еще нѣсколькo словъ,
и я бы удалился опъ своего предмета,
а оспроумная Флорина шопчасъ бы
эшимъ воспользовалась. Но я говориль
съ жаромъ и по какой-шо почши неволь-
ной такшкѣ приближился къ образу
ея разговора, а шакимъ образомъ при-
влекъ на свою спорону ея самолюбіе.
Несмошря на свои заблужденія, Фло-
рина имѣла прекрасное сердце — и мы
скоро сдѣлались друзьями.

Спустия послѣ того нѣсколько времени одно неожиданное обстоятельство лишило ее всего имѣнія: скоро окружавшая ее толпа разсѣялась и воспоминаніе бѣдной Флорины поухло, какъ легкая искра. Я былъ въ то время въ Сѣверной Америкѣ. Приѣхавъ назадъ, лечу къ моей приятельницѣ, слышу объ ея несчастіи и не могу даже узнать гдѣ живеть она. Спранія мои увеличиваются вмѣстѣ съ претяпствіями и наконецъ я опъискалъ ее.

Флорина, убиная печалію, спросишь на меня съ удивленіемъ. — “Какъ сказалъ я, вы однѣ, безъ помощи, безъ опоры?,”—Увы! вѣроломные меня оставили. — “Очень вѣрю, сказалъ я пожимая ея руку. Не хочю разсправляшь ранъ вашихъ; но позволше мнѣ спросишь у васъ только одно: помогли ли вамъ правила ваши мужеспвенно переносишь несчастія? — Увы! другъ мой, опвѣчала она: правила мои научили меня ничему не удивляшь, но оставили въ сердцѣ моемъ пустошу ужасную *). —

---

*) This same philosophy is a good horse in the

“Упѣшьшесь, сказалъ я ей: у кого остался другъ, пошъ еще не совсемъ несчастливъ; кредитъ мой и мое имѣніе принадлежатъ вамъ, располагайте ими какъ угодно., Я просилъ пересмотрѣть ея дѣло: оно кончилось въ ея пользу, и я имѣлъ удовольствіе снова ввести поржеспвующую Флорину въ свѣтъ, копорый смѣялся надъ ея несчастіями.

Съ тѣхъ поръ видѣлъ я ее очень часто. — “Помните ли вы, сказала она мнѣ однажды: помните ли вы обѣщаніе, копорое вы мнѣ дали нѣсколько лѣтъ назадъ?,, — Да, отвѣчалъ я: очень помню, что вы меня тогда чрезвычайно огорчили, уничтоживъ безъ милосердія всѣ наши добродѣтели. — “Но, скажите откровенно, не ужели я не права?,, — Возьмите, Флорина, эшопъ персикъ;

---

stable, but an errant in a journey.

(The Good — natured man, a comedy,
scene 1.)

ш. е. Философія лошадь хорошая въ конюшнѣ, но плохая въ дорогѣ.

полюбуйшесь его видомъ и прекраснымъ цвѣтомъ, понюхайше его запахъ: питательные соки грязной земли медлѣнно развернули жесткое зерно и произвели персикъ, прельщающій ваше зрѣніе и обоняніе. Этошь величеспвенный дубъ, скрывающій главу свою въ облакахъ и густыми лисьями пресѣкающій лучи солнечные — начался опъ жолудя. Скажише же мнѣ шеперь, сударыня, презрѣніе, или удивленіе внушающъ вамъ эши чудесныя произведенія природы? — “Понимаю, сказала она: но вы обѣщали мнѣ изьяснить ваши нравспвенныя правила., — Съ удовольспвіемъ: они очень просты.

Хопя я уважаю людей весьма мало, но люблю ихъ пошому, что они слабы, а не злы. Мизаншропія ешь, по моему мнѣнію, самое непоняшное и самое скучное съумасбродспво: если уже свѣшь сущеспвуетъ, если люди живушь, шо не лучше ли жалѣшь о нихъ и любишь ихъ, нежели опшалкивашъ и ненавиждѣшь?

Къ чему служишь этошь холодный и огорчающій разборъ, если — уничшо.

жая всѣ наши надежды — онъ едва ли освобождаетъ насъ и отъ одного желанія? Ахъ! жизнь слишкомъ крашка, что бы желать совершеннаго пробужденія. Къ чему ведишь насъ это спроеое разсмашриваніе? — Къ хладному опчужденію отъ всего живущаго: отсюда одинъ только шагъ до эгоизма — самаго ошибочнаго, самаго невыгоднаго разсчета, если онъ не порокъ сердца. Жизнь, любезная Флорина, есть безпреспанная мѣна: относишь все къ одному себѣ, значишь зарываешь въ землю свое золото и спрашася поперять часть своего богатства, отказываешься отъ надежды увеличишь его. Эгоистъ, шагостный самъ для себя, на землѣ одинъ.— “Но, отвѣчала она улыбаясь: человекъ чувствившелный весьма похожъ на человека себялюбиваго: пакъ, или иначе всякой спараешя только о себѣ. Эгоистъ выбираетъ дорогу крапчайшую, чувствившелный длиннѣйшую: въ этомъ вся разность. — Хорошо, сударыня, принимаю ваше опредѣленіе — впрочемъ болѣе остроумное, нежели основательное: положимъ, что оба идушь къ од-

ной цѣли; но согласитесь же и вы, что пріятно иногда опдохнуть, иногда даже и заблудиться на дорогѣ. Дѣло все въ умѣренности и въ наслажденіи самимъ собою. Плапонъ весьма хорошо опредѣлилъ счастье, говоря, что оно безпрестанно возраждается, но никогда не существуешь: а попому лучше его ждешь, нежели искаешь. Но полно разсуждать о предметахъ, о которыхъ было уже говорено шакъ много. Всѣ мои нравственные правила заключаются въ словахъ Поэта Сади: *Наслаждайся — вотъ мудрость; доставляй другимъ наслажденія — вотъ добродѣтель!*

Флоринъ эта мысль понравилась. — “Любезный Графъ! вскричала она: соединимся же для того, что бы сдѣлать счастливыми всѣхъ насъ окружающихъ, для того, что бы самимъ сдѣлаться добродѣтельными и благополучными. Говоряшь, что дружба можешь служить за недостаткомъ чувства нѣжнѣйшаго; но мнѣ кажется, что напрошивъ того она есть выздоровленіе отъ любви и даже лучше ее самой; слѣдственно она первое изъ благъ.,,

Съ радостію принялъ я предложеніе Флорины. Большую часть года проводимъ мы теперь въ деревнѣ; вассалы наши, которыхъ мы называемъ своими сосѣдами, благословляють имена наши пошому, что видяшь въ насъ друзей, а не господъ. Деревенскій священникъ (который, правда, не великій богословъ, но весьма добрый человекъ и имѣеть понятіе ошомъ, что должны бы знашь всѣ сельскіе священники — о Медицинѣ и Правовѣденіи) управляетъ нашими раздачами. И всѣ мы счастливы. — “Признайся же теперь и ты, говорилъ я еще вчера Флоринѣ: что если мы живемъ разсудкомъ, то наслаждаемся, по ешь, существуемъ снисхожденіемъ къ ближнимъ и крошкимъ наслажденіемъ собою.,,

О. к. б.

*Я. А. М. при посвященіи ему
тетради стиховъ моихъ.*

Тебѣ, который съ юныхъ дней
 Меня хранилъ отъ бури свѣта,
 Тебѣ усердный даръ беспечнаго Поэта,
 Пѣвца забавы и друзей:
 Тобою жизни наученной,
 Пишомецъ сладкой пишины,
 Я пѣлъ на лирѣ вдохновенной,
 Мои прелестнѣйшіе сны; —
 И Дружба крошечная, съ улыбкою внимала
 Спрунамъ, наспроеннымъ свободною Мечшой,
 Умомъ разборчивымъ ихъ звуки повѣрляла
 И просвѣщала геній мой.
 Она — мнѣ міръ очарованья
 Въ живыхъ-воспорагахъ создала,
 Любовь къ изящному въ душѣ моей зажгла,
 Облагородила желанья;
 Учила презирать завистливый судъ невѣждъ
 И лести, судъ несправедливый;
 Смирляла пылкій жаръ надеждъ
 И сердца ранніе порывы. —
 И я душой не измѣнилъ
 Бѣ спасительнымъ спараньямъ:
 Мой геній — чести вѣренъ былъ
 И цѣну зналъ благодарьямъ!

Бышь можешъ, вѣкогда швой счастливый
Поэшь,

Бесѣдуа мечшой съ прошекшими вѣками,
Разскажешъ спройными спихами
Злашыя были давнихъ лѣшь;
И — вольный другъ воспоминаній —
Онъ спанешъ пѣшь дѣла опцовъ:
Неупомимыя ихъ брани
И гибель Греческихъ полковъ;
Свяшыя бившы за свободу;
И первый родины ударъ
Ее громившему народу;
И казнь ужасную Ташаръ.
И оживишь онъ — въ пѣсняхъ славы —
Славянъ плѣнишельные нравы:
Ихъ доблешъ на поляхъ войны,
Ихъ добродушныя забавы,
И Геній Русской старины
Торжественный и величавый!

* *
*

А нынѣ — пѣсни юныхъ лѣшь
Богини скромной и веселой —
Тебѣ даришь рукой несмѣлой —
Тобой воспитанный Поэшь.
Пускай сіи лисшы, въ часы уединенья,
Предспавяшъ памяти швой
Живую радосшь прежнихъ дней,
Невѣрной жизни обольщенья,
И спрасши вѣшренныхъ друзей.

Здѣсь все, чѣмъ заняшь былъ счастливый
даръ Поэша,
Когда онъ пищу богошворилъ душой,
Не рабспововалъ молвъ обманчиваго свѣша
И пѣлъ для дружбы молодой.

— вб.

~~~~~

БЕЗЫМЯННОЕ ПИСЬМО *).

Un rapport clandestin n'est pas d'un honnête homme.

Грестъ въ Комедіи: le Méchant, дѣйств. 5.

Почтенный Добровъ, съ честію оп-
служи опечеству, посвяшилъ остатокъ
дней сѣмейственному благополучію.
Имѣя весьма хорошее соспоянiе, жилъ
онъ въ Цешербургъ и первѣйшее попе-
ченіе, первѣйшую заботу полагалъ въ
воспишаніи дѣшей своихъ. Сія священ-
ная обязанность опца, споль ревностно
выполненная Добровымъ, не оспа-
лась безъ успѣха; дѣши его были милы,
любезны и почпишельны къ спарику.
Все сѣмейство жило въ примѣрномъ
согласіи; любовь, свобода и единомушіе
царшвовали въ домъ Доброва. —

*) Передѣлахо изъ Жуи.

Подобныя карпины у насъ рѣдки, а потому не удивительно покажется, что я, старый холостякъ, лишенный сего наслажденія, не могъ отказываться себѣ въ удовольствіи бытъ, хотя поспороннимъ свидѣтелемъ, шакого счастья. Я весьма часто ходилъ къ Доброву. Дѣти любили меня, какъ веселаго и забавнаго старика, который разыгрался иногда съ ними, подобно семилѣтнему мальчику; отецъ почишалъ меня своимъ другомъ.

Въ одно изъ шаковыхъ посѣщеній замѣшилъ я на лицѣ Доброва необыкновенную радость. “Другъ мой, поздравь меня,, сказалъ онъ; крѣпко сжавъ мою руку.—Съ чѣмъ?...—Тутъ Добровъ объявилъ, что помолвилъ старшую свою дочь за одного молодаго человѣка, отличныхъ качествъ. Онъ представилъ мнѣ будущаго своего зятя и, казалось, едва дышалъ отъ восхищенія, что судьба награждаетъ милую его Марію такимъ рѣдкимъ мужемъ.

Вельскій дѣйствительно былъ самый любезнѣйшій и прекраснѣйшій молодой человѣкъ, шакой женихъ, какого только

могъ желать Добровъ для счастья своей дочери. Онъ спрасно любилъ Марію; Марія ошкровенно призналась ошцу своему во взаимности; а спарикъ, зная хорошо Вельскаго, и не дослушалъ даже сего признанія “Да благословишь васъ Богъ, милые дѣши мои! да наградишь онъ васъ шемъ же, чемъ наградилъ меня по благости своей!,,

Черезъ недѣлю назначень былъ стоворъ. Добровъ взялъ съ меня честное слово, что бы я непремѣнно присушвовалъ на эпошь праздникѣ и чтобъ съ ушра на цѣлый день пришелъ къ нему.

Какъ долга мнѣ показалась недѣля! Съ какимъ нешерпѣніемъ желалъ я снова насладиться прияшнѣйшимъ зрѣлищемъ! .. Наконецъ назначенный день наспунилъ, и я опромешью пустился къ Доброву. Вхожу въ комнаты но какъ громомъ пораженъ!...ужаснѣйшій беспорядокъ!—Слуги, какъ угорѣлые, бѣгаюшь изъ угла въ уголь, суешаясь, хозяевъ не видно... “Что все эпо значитъ?..,—Ахъ! сударь, сказала мнѣ старый дворецкой, уширая шекуція изъ глазъ слезы — со вчерашняго вечера, Богъ знаетъ, что дѣ-

лаешся у насъ въ домѣ, весь вверху дномъ переворопился!... Женихъ сидишь пеперь съ бариномъ, запершись въ кабинетѣ; бѣдная барышня въ своей комнатѣ плачешь, уже три раза были съ нею сегодня припадки. — Удивленный шакою внезапною перемѣною, иду я прямо въ кабинетъ къ Доброву. Въ величайшемъ смущеніи, поджавъ руки, ходилъ онъ по комнатѣ — увидѣлъ меня, бросился, обнялъ и молча показалъ на письмо, копоров Вельскій держалъ въ рукахъ и щцашельно разсмапривалъ почеркъ; глаза его сверкали отъ гнѣва.

Письмо было безъ подписи, слѣдующаго содержанія: “Милоспивый Госу-
 “дарь! особенная къ вамъ привязанность
 “и почшеніе заспавляющъ меня пред-
 “осперечь васъ. Вельскій, избранный
 “вами женихъ прекрасной Маріи, если
 “не женашъ уже, то навѣрное об-
 “рученъ прошедшею осенью въ Мо-
 “сквѣ, съ одною знапною дѣвицею,
 “копорою родители всшущапся за о-
 “скорбленную честь своей дочери. Впро-
 “чемъ черезъ три недѣли получите вы

“письменные и ясны на все доказа-
“тельства.,,

“Злая клевета!,,—вскричалъ Вельскій, задыхаясь опъ бѣшенства.—Безъ сомнѣнія, сказала я хладнокровно: кто этому повѣришь?... “Вѣрятъ—опвѣчалъ молодой человекъ, указывая на Доброва — и можешь быть сама Марія...,, — Какъ, почтенный другъ мой! — возразилъ я взявъ за руку Доброва—и ты обращаешь на это вниманіе? И ты можешь управляешь спокойствіе, счастье свое и цѣлаго сѣмейства; полагаясь на *безымянное письмо*, одною только завистию, или злобою надиктованное и недоказывающее ничего болѣе, кромѣ низости того, кто имѣешь духъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ? Проспешельно ли тебѣ, хотя минушу колебаться между честнымъ словомъ человека, котораго нашелъ достойнымъ принявъ въ свое сѣмейство-и ябѣдническимъ доносомъ скрышнаго врага? Вспомни, любезный Добровъ, что бывающъ случаи, когда неумѣстная довѣрчивость-навѣкъ погубляетъ насъ; что человекъ, позволившій одинъ разъ уловить себя клеветѣ-на

всю жизнь дѣлаешь зависимъ ошъ пер-
ваго негодяя, имѣющаго какую нибудь
выгоду помрачить его спокойствіе.
Спрашисъ, мой другъ, спрашисъ испы-
таешь это на себѣ. Вотъ случай, гдѣ ты
долженъ показать все свое благоразу-
міе!... себя предостерегають.... Гру-
бая хитрость! Уловка какого нибудь
злаго челоуѣка, чшобъ послѣ выпус-
пишь на счетъ вашъ забавные анекдо-
ты, распустишь въ городѣ слухъ о прер-
ванной свадьбѣ, о обманутой невѣстѣ,
о легкомыслии ошца, и ш. п., —

Къ счастью слова мои убѣдили Доб-
рова и успокоили шемъ бѣднаго Вель-
скаго. Всѣ вмѣстѣ пошли мы въ ком-
нашу Маріи, и мнѣ никакого почши
шруда не споило уговорить ее. Разсмо-
трѣвъ хорошенько *безымянное письмо*,
я обѣщаль даже имъ въ пошъ-же день
опкрышь сочинителя; но съ шемъ,
чшобъ не опкладывали сговора, чшобъ
все шло, какъ было назначено, а о слу-
чившемся никто бы и не зчалъ изъ по-
стороннихъ. Условіе приняшо съ радо-
стшю; Вельскій и Марія брѣсились ко
мнѣ на шею, Добровъ охотно на все

согласился — а я положилъ письмо въ карманъ, взялъ шляпу и отправился, перетоворя напередъ минушь десяшь съ Вельскимъ.

По словамъ молодого челоуѣка, который на эшошь разъ былъ со мною совершенно опкровенень — могъ я подозрѣвашъ но это одно только подозрѣніе, а мнѣ нужны были ясныя доказательствя. Два средства оставалось къ опкрышію сочинителя *безымяннаго письма*: бумага и печать. Первая была съ особеннымъ по краямъ выписаннымъ бордюромъ — такую бумагу продають въ Голландскихъ лавкахъ . . . и я рѣшилъ обходить сначала всѣ Голландскія лавки. Прихожу въ одну, показываю бумагу и шребую почно съ такимъ же бордюромъ — говоряшь, что нѣшь; въ другую — нѣшь; въ третью — нѣшь; наконецъ я перяю перпѣніе, прихожу въ четвертую лавку, спрашиваю — тоже нѣшь . . . “Мнѣ очень нужно, сказалъ я, сдѣлайте милость, поищите хорошенько; я въ десятеро заплачу,, — Можешъ бышь, сударь, отвѣчалъ мнѣ купецъ - изволише вы знашь Гжу Змѣйки-

ну? Недѣли двѣ назадъ шому продали мы ей послѣднія двѣ пепрадкі шой бумаги, которую спрашиваете. — Имя *Змѣйкиной* удвоило мои подозрѣнія. Я попросилъ купца дать мнѣ письменное свидѣтельство, что дѣйствительно *Змѣйкина* купила у него почто такую бумагу — и отправился къ одному знакомому мнѣ мастеру, вырѣзывающему печати. На шой, которю запечатано *безымянное письмо*, не было ни герба, ни вензеля, а изображалась какая-то странная, смѣшная аллегорія. Мастеръ посмотрѣлъ печать и сказалъ, что кажется она должна быть работы его шоварища, живущаго не далеко отъ него. Лечу туда — и узнаю, что дѣйствительно онъ вырѣзывалъ “Для кого? когда?”, — Съ полгода, для одной дамѣ, которая заказала мнѣ пеперь сдѣлать дощечку для визитныхъ билешовъ — Прошу посмотреть образецъ . . . и читаю: *Наталья Петровна Змѣйкина*. Эшого было для меня довольно. Взявши отъ мастера шакое же свидѣтельство, какое получилъ въ Голландской лавкѣ, пошелъ я къ Доброву, и внутренно ра-

довался столь скорому успѣху своего предпріянія.

Дорогою привелъ я себѣ на память все слышанное мною нѣкогда о характерѣ *Змѣйкиной*, о ея поведеніи во время вдовства, о склонности ея къ интригамъ и злословію, о извѣстныхъ видахъ на молодаго Вельскаго — и сообразя всѣ эти догадки съ наспоящими доказательствами — не имѣлъ болѣе никакого сомнѣнія, и вошелъ въ залу съ видомъ торжествующаго побѣдителя.

Наспушилъ уже вечеръ, въ залѣ собралось много гостей; но какая-то принужденность изображалась на лицѣ каждаго. Спарыя дамы шепшались между собой; Добровъ сидѣлъ въ углу, повѣся голову; Вельскій едва удерживалъ свою досаду; а у Маріи были на глазахъ слезы. Скорый приходъ мой возбудилъ общее вниманіе шемъ болѣе, что я никакъ не могъ удержаться и не показашъ крайняго удивленія, видя *Змѣйкину*, сидящую подлѣ Маріи и изъявляющую ей знаки самаго нѣжнѣйшаго дружества. Я осполбенѣлъ. “Какъ вы на

меня пристально посмотрите!», сказала она съ принужденною улыбкою. — Смотри сударыня, съ большимъ удивленіемъ, невыгоднымъ для васъ, попомучю вы напоминаете мнѣ въ сію минуту того Испанскаго лѣкаря, который прѣшавшись въ перекресткахъ, выжидалъ проходящихъ, нападалъ на нихъ съ кинжаломъ... и послѣ предлагалъ свои услуги. — Слова мои изумили все собраніе, каждый приступилъ ко мнѣ съ вопросами — и я, видя, что объясненіе необходимо, въ шуже минуту, съ позволенія хозяина, обнаружилъ гнусный поступокъ *Змѣйкиной*. Все явно изъявили негодованіе. *Змѣйкина* не смѣла оправдываться; она встала, адеки улыбнулась и поспѣшно вышла изъ комнаты. бросивъ на меня самый звѣрскій взглядъ. —

Такимъ-то образомъ коварство прибѣгаетъ къ клеветѣ и дерзко отправляетъ ядомъ своимъ слабую довѣрчивость! — Несчастнѣе шось, на кого усмремлены стрѣлы злословія; но во шшо разъ несчастнѣе шѣ, у которыхъ находишъ оно себѣ убѣжище.

Ард. Р—гб.

МЫСЛИ, ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ ГРАФА

П. П. КОНОВНИЦЫНА.

Чей гробъ поставленъ среди храма нашего? Для кого зажжены сіи свѣщильники погребальныя? По комъ раздаешся сія пѣснь прощальная? Рано печальная вѣснь поражаетъ слухъ нашъ: шопъ, кто принялъ на себя священную обязанность бытъ отцемъ нашимъ, и кто во всей мѣрѣ, въ чистотѣ сердца, исполнялъ оную, навсегда оставилъ міръ сей!

О Боже! зачемъ лишаешь насъ мужа, коего привыкли мы почитать своимъ примѣромъ, который обладалъ неогнненнымъ даромъ содѣлывать счастливыми другихъ, и на коемъ основаны были надежды наши? Для чего бы не замѣнишь утрапу его утрапою челоуѣка, непрносящаго никакой пользы обществу? Но не намъ судишь дѣла Неисповѣдимаго!

Какъ звѣзды, при наступленіи утра, исчезають одна за одною со свода небснаго: такъ и великіе люди, осіявав-

шіе собою мрачный горизонтъ Россіи, въ бурную для нее годину нашествія Галловъ, скрываются въ вѣчность, для принятія награды за ихъ подвиги. Еще печаль объ утратѣ избавителя Россіи и многихъ знаменитыхъ героевъ, его сподвижниковъ, не изгладилась въ сердцахъ благодарныхъ соотечественниковъ, какъ вдругъ еще одинъ изъ вождей-со-трудниковъ его, *нашъ Коновницынъ слыльый*, несмотря ни на опчаніе сѣмейсшва, ни на молишвы облагодѣшльсшвованныхъ имъ, ни на любовь юныхъ своихъ пишомцевъ, ни на желанія Монарха и Отечесшва, высоко спавящихъ заслуги его, опшелъ въ селенія праведныхъ.

Человѣкъ, мимо коего смерть проходила шакъ близко на поляхъ брани, но не унесла съ собою, коего судьба сохраняла въ пылу бишвъ и среди враговъ, жаждущихъ его смерти, умираемъ въ нѣдрѣ сѣмейсшва, его обожающаго, окруженный благодарными соотчичами, для счастья коихъ не щадилъ онъ своей жизни.

Вошъ примѣръ, что каждый воинъ,

дѣйствующій за благосостояніе своего Отечества, долженъ уповать на Бога, и не забоишься о своей жизни; Онъ сохранитъ его въ величайшихъ опасностяхъ и не допустишь храбраго умереть безъызвѣстнымъ.

Единая награда, достойная воиновъ, есть слава; но средства достигать ее различны. Истинная слава никогда не будетъ принадлежать честолюбцамъ, проливающимъ кровь собратій своихъ для того только, чтобы содѣлать имена свои громкими; нѣтъ, она есть удѣлъ дущъ великихъ и твердыхъ, которые хотя съ малыми средствами, противустоятъ симъ бичамъ чловѣчества, и защищаютъ отъ нихъ свое Отечество. Это слава Леонидовъ, Пожарскихъ, Кушуровыхъ.

И Коновницынъ приобрѣлъ ее, мужественно сражаясь за родину. Имя его не умретъ съ нимъ вмѣстѣ. Нѣтъ! оно не изгладится изъ памяти Россіянъ съ именами Бородина, Малоярославца, Краснаго, Кульма, гдѣ храбростію своею показалъ онъ врагамъ, сколь трудно по-

коришь народъ, любящій Опечесство, и имѣющій споль швердыя подпоры.

Но что говорю я? Одни ли сіи мѣста бисвъ, впрочемъ славныхъ, свидѣтельствуютъ о его подвигахъ? Во многихъ мѣстахъ враги чувствовали силу нашего оружія, и мало, гдѣ имя Коновницына, не наносило имъ ужаса.

Всѣ минушы жизни его посвящены были благу Опечесства. Когда каждый изъ знаковъ воинскаго отличія, коими украшена была грудь его, прикрываль собою язву — свидѣтельница любви его къ Пресполу и Опечесству; когда кровь и силы, испощенныя въ бояхъ, не позволяли ему предводительствовать Героями: Монархъ препоручивъ ему военныя заведенія для обученія благородныхъ юношей, препоручилъ шворить героевъ. И не помю ли могло вполне принадлежать сіе великое препорученіе, кому

Ничшо шолпы враговъ,
Ничшо мечи и стрѣлы? *)

*) Жуковскій. Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ.

Не шому ли надлежало ввѣришь образованіе будущихъ защитниковъ Отечества, кто бывъ примѣрнымъ сыномъ онаго, и рѣдкимъ опцемъ сѣмейства, предъ каждою опасною бившою, могущею покишишь его опъ міра, прощаясь письменно со своею супругою и съ дѣшми своими, умоляль первую, какъ глашишь молва, (и молва сія не лжива, ибо мы знаемъ сердце его) умоляль о помъ единственнo, дабы во свидѣтельство вѣрной любви своей къ памяти его, она пеклась болѣе всего о довершеніи начашаго имъ воспитанія дѣшей и о содѣланіи ихъ добрыми и честными.

Сколь часшо видя сего почтеннаго Героя, украшеннаго всѣми почестями, заботящагося о насъ съ нѣжною попечительностію, просящаго, чшобъ мы забыли всѣ его шицла, и видѣли въ немъ опца, сколь часшо благословляли мы его въ сердцахъ нашихъ и просили Бога о сохраненіи дней его: но щещно! Онъ исчезъ опъ насъ, какъ исчезаетъ въ шуманѣ, недавно облекшемъ горизонтъ, звѣзда опъ глазъ заблудившагося спра-

ника, бывшая его надежною пушеводи-
шельницею.

Спокойно испустилъ послѣдній
вдохъ свой, герой опличный, мужъ доб-
бродѣшельный, твердо уповая, что и въ
будущемъ мѣрѣ получишь доспойную
мзду за свои подвиги и добродѣтели.

Одна мысль, что умираешь, не со-
вершивъ всевозможнаго поприща бла-
годѣшельности, не много зашмѣвала для
него свѣплую будущность.

Онъ сдѣлалъ все, что долженъ учи-
нить каждый истинный гражданинъ;
онъ оставилъ неизгладимые слѣды сво-
его существованія. — Опечесство при-
чтешъ его къ лѣтмъ сынамъ, коими долж-
но гордиться; Церковь помянешъ его,
какъ героя, нещадившаго крови своей за
Вѣру и Опечесство; Царь прослезится,
услыша о кончинѣ одного изъ храбрѣй-
шихъ вождей своихъ. Какой славной
конецъ!

Не спанемъ болѣе хвалишь того,
кого вся жизнь естъ похвала; посвя-
шимъ лучше слезу горести, не ему,
ибо принесшіе честь Опечесству и лю-
бившіе добродѣтель, не имѣють нужды

въ слезахъ послѣ своей смерти; но его опчаянной супругѣ, и осиротѣвшимъ дѣтямъ, кой не гордясь щиплами своего родителю, ищущая приобрѣсти всѣ его добродѣтели.—

Покойся съ миромъ прахъ Героя! Попомокъ временъ опдаленныхъ увидишь памятникъ твой и скажешь дѣтямъ своимъ: “онъ содѣйствовавъ славу и счастью Опечесства; на поляхъ брани приобрѣлъ названіе *Слѣлаго*; а въ дни мира сладостное наименованіе *Благодѣтельнаго*. Примѣръ достойный подражанія!,,

Кадетъ 1 го Корпуса Алексѣй Адинцовъ.

ЛѢКАРСКАЯ ПРИЧИНА.

“Клишь умерь! Боже мой! А ты ручался
вѣчно,
Что выльчишь его—вошь лѣкаръ ты каковъ!,,
— Что дѣлашь! вашъ больной былъ очень
слабъ .. “Конечно!
Кшобъ и просилъ шебя, когдабъ, онъ былъ
здоровъ!,,

Томскъ.

А. И.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

1. *Обозрѣніе южнаго берега Тавриды.*
 1 ч. Тула, въ шипог. Губерн. Правленія.
 1822, въ малую 8 ку, 192 стр. *).

Г. Броневскій, извѣстный уже по своимъ *Запискамъ Морскаго Офицера*, издалъ нынѣ замѣчанія объ южномъ берегѣ Крымскаго полуострова, написанныя имъ въ 1815 году. Въ этой книгѣ, какъ и въ первомъ его твореніи, видны необыкновенныя дарованія сочинителя: описанія мѣстоположеній прекрасны; встрѣчающіяся разсужденія справедливыя и употребленныя ксшаши (за то ешь и весьма неумѣспныя). Жаль шолько, что писатель съ такими талантами, какъ Г. Броневскій, не имѣетъ ни малѣйшаго уваженія къ правиламъ языка: въ сочиненіи его попадающіяся толпами грамматическія ошибки. Не выискивая ихъ въ цѣлой книгѣ, выпишемъ шолько одно посвященіе Л. И. Голенищеву Кушурову—и тогда каждый читатель самъ собою увѣришь въ неисправно-

*) Продается въ С. П. бургѣ у книгопродавца В. А. Плавильщикова; въ Москвѣ, у А. С. Ширяева и О. Л. Свѣшникова; въ Тулѣ, у самаго Сочинителя Владиміра Богдановича Броневскаго, по 5 р. ассиг.

сши слога Г. Сочинишеля. Вопъ оно: “Буду-
 “ти воспипанъ подъ Начальспвомъ Вашимъ
 “въ Морскомъ Корпусѣ, Ваше Превосходи-
 “пельспво и въ послѣдспвіи времени по-
 “споянно поощряли меня въ моихъ заняпі-
 “яхъ. Первое мое Сочиненіе, долженспвовав-
 “шее, какъ и многіе другіе оспашься въ заб-
 “веніи, изданіемъ въ свѣспъ обязано един-
 “спвенно Вашему Превосходипельспву. При-
 “знавая Васъ, Началомъ и Испочникомъ, (?)
 “первою причиною, побудившею меня къ у-
 “пражненію въ Ошечеспвенной Словесносши,
 “а по воспипанію и по многимъ другимъ
 “опышамъ милоспиваго ко мнѣ вниманія, и-
 “мѣя полное право называшь васъ моимъ
 “благодѣшелемъ; осмѣливаюсь въ знакъ ду-
 “шевной признапельносши посвятишь сей
 “малый и слабый шрудъ мой, высокому
 “Имяни Вашему. Удосшойше оный благо-
 “склоннаго пріяшя, какъ Лепшу вдовицы,
 “приносимую опъ усердія шого, копорый, и
 “проч. *)”, Сверхъ шого, опъ небреженія ли
 Сочинишеля, или Коррекшора, или опъ чего
 другаго; почши вездѣ знаки препинанія раз-
 мѣщены весьма дурно, большія буквы посшав-
 лены шамъ, гдѣ нужны маленькія, однимъ

*) Надобно замѣшпшь, что здѣсь соблюдена орео-
 графія Сочинишеля.

словомъ: на каждой страницѣ, а иногда и на каждой спрокѣ сряду, попадающся ошибки или прошивъ словосочиненія, или прошивъ правописанія. Но чипая эпу книгу—съ удовольствіемъ и удивленіемъ вспрѣчаемъ фразы, въ копорыхъ грамматическихъ ошибокъ несравненно менѣе, напр. въ самомъ началѣ, въ спашьяхъ: *Балаклава, Байдары* и нѣкопорыхъ другихъ. Описаніе расшеній и живощныхъ, находящихся въ Крыму, можетъ служить матеріаломъ для Спашиспика.—Вообще должно сказать, что книга сія заслуживаетъ вниманіе всѣхъ любителей полезнаго и приятнаго чшенія и сдѣлаешь еще болѣе чести Сочинителю, если онъ, при впоромъ изданіи, исправитъ недоспашки своего слога-
нб.

2. *Англитанка въ сералѣ, или опасное любопытство. Комедія-Водевиль, въ одномъ дѣйстви, передѣланная съ Французскаго М. А. Яковлевымъ. С. п. б. въ шип. Карла Крайя 1822. въ 8 ку, 63 стр.*

Весьма забавный *Водевиль*! Переводъ очень не дурень. — Книжка сія продается при входѣ въ Большой Театръ и въ книжномъ магазинѣ И. В. Сленина, что у Кзанскаго моста. Цѣна экземпляру въ цвѣшной оберткѣ 2 р.

УВЫ И АХЪ.

Прозаическая Галиматвя.

*(Подражаніе новѣйшимъ Элегическимъ
Поэтамъ.)*

Минушный гоешь на жизненномъ пиру,
я вяну!—И веселье не веселишь меня! И сердце,
больное грустію, дремлешь.—Увы и ахъ!

И молодая жизнь—измѣнила мнѣ! И увяли
розы сладоспрасія! И привѣшная звѣзда
да опуманилась! Увы и ахъ!

И бывое—какъ пустынная сирѣла—про-
лещѣло! И грядущее—дикій мракъ, шуманная
даль! И въ слѣпой шокѣ моей я исчезаю,
я перзаюсь! Увы и ахъ!

И мой геній и дружба, сладоспрасіе
душъ высокихъ и чувствившельныхъ, не вну-
шаютъ мнѣ молишвы радостей! И сердце
мое не замираешь въ нѣгѣ шайныхъ желаній!
Увы и ахъ!

Чу! кипящая смерть яришся! И ночь
стуснилась! И сладкая мечта, чистѣйшій
нектаръ счастья, какъ аромашъ веселаго
вина—исчезла въ воздухъ! И я жадно пью
кручину! Увы и ахъ!

У. и А.

(Продолженіе впредь.)

Экспромптъ

Воспитанницѣ И. Т. Д. Рыкаловой, игравшей роль Амура въ Оперѣ: Телемакъ, 5 Сентября на Большомъ Театрѣ.

Амуръ узнавъ, что ты лице его играешь,
 Что прелесными, красой сердца обворожаешь,
 Въ Пальмиру Сѣвера съ Пафоса прилещѣль
 И видѣшь захошѣль

Кто дерзскій смертный смѣль
 Присвоишь красому его и власъ волшебну?—
 “Посмотримъ, кто бы могъ предсавишь
 здѣсь меня?,”

И вдругъ, взглянувъ на Лизаньку прелесную

Сказаль: “да эшо я!,”

Р. З.

~~~~~

Шарада.

Начало цѣлому послѣднее даешь,
 Средину же мою всякъ въ азбукѣ найдетъ.
 Костявиѣ,

~~~~~

Загадка - Омонимъ - Анаграмма - Шарада -
 Логогрифъ, напеч. въ XXXVI N° значишь:
 Икра - Арки - Икѣ, Ра - Ракѣ, Ирѣ, Кирѣ.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № XXXVIII.

ОПИСАНИЕ О БРАКЪ

МЕЖДУ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВОМЪ

АННОЮ ПЕТРОВНОЮ

ЦЕСАРЕВНОЮ ВСЕРОССИЙСКОЮ,

И ЕГО КОРОЛЕВСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ

КАРЛОМЪ ФРИДРИХОМЪ

ГЕРЦОГОМЪ ГОЛШТЕИНОГОТТОРП-
СКИМЪ *).

Когда Ея Императорское Величество, по силъ учиненнаго при жизни Его Императорскаго Величества Блаженныя и Вѣчнодостойныя памяти Супружесвеннаго прахшаца

---

*) Случайно попался мнѣ печатный экземпляръ сего любопытнаго описанія; которое вѣроятно изъ чинашелей *Благонаимѣреннаго* чинаши весьма немногіе. Я рѣшился перепечатать оное въ своемъ Журналѣ, сохра-

между Ея Высочествомъ Анною Пепровною Цесаревною Всероссійскою, и Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Голшпейно-гошпорпскимъ, намѣреніе воспріяшь изволила, оной Бракъ въ мѣсяцѣ Маѣи при помощи Вышвяго совершитъ: шо повелѣла Ея Величество въ лѣпнемъ своемъ домѣ, вновь здѣлашь и предугошовитъ къ шому шоржесшву, Салу длиною 20, шіріною 7 сажень, у которои работы по случаю прісупшвовалъ Его Свѣшлость Генераль Фелшмаршалъ и Кавалеръ Господишъ Князь Меншіковъ, и собрано было всякіхъ рабочихъ масперовъ и художніковъ многое чісло, и въ самомъ крашкомъ времени преізряднымъ художешвомъ оная создана, и убрана богашыми обоями, и другіми уборы, и посшавлены Балдахіны: на одной споронѣ, гдѣ сідѣшь Невѣстѣ Ея Высочешву Цесаревнѣ Всероссійскои, съ Гербомъ и Короною Россійскои Имперіи: по другую на супротивѣ, съ Гербомъ Его Королевскаго Высочешства Герцога Голшпейно-гошпорпскаго. И когда со вѣшмъ предугошовленіи учінены: шогда Ея Имперашорское

нивѣ въ шочности ореографію подлинника. Замѣчашельно, что осмеричное и спшвилось шущь шолько въ концѣ словъ, да въ началѣ шѣкопорыхъ (союзовъ, предлоговъ, а иногда мѣспоименій), и что шѣшь нигдѣ и съ крашкимъ знакомъ (i). Изд.

Велічештво назначишь изволила въ тому браку двоіхъ Маршаловъ, помянутаго Генерала Фелшмаршала и Кавалера Господіна Князя Меншікова, да Генерала Леішенанта и Кавалера и Генерала Прокурора Господіна Ягушинскаго, и при нихъ 24 персоны Шафаровъ, между копорыми были Брегадіры, и Шшапные Офіцъры, такъ же ошь Гвардіи Капішаны, и морскіе оберъ Офіцъры.

А въ чіны шого БРАКА по'обыкновенному церемоніалному учрежденію ошь Еяжь Імператорскаго Величештва, опредѣлены.

Вмѣсто Отцовъ,

Генераль Адміраль и Кавалеръ Графъ Апраксинъ.

Канцлъръ и Кавалеръ Графъ Головкинъ.

Вмѣсто Братьевъ,

Генераль Фелшцейхъмеішеръ и Кавалеръ Графъ Брюсь.

Генераль и Подполковникъ ошь Гвардіи Господінь Бушурлінъ.

Вмѣсто Матереи,

Ея Высочештво Царевна Россіиская и Герцогіня Меклембургская Екаперіна Іоанновна. Свѣшлѣшяя Княгіня Меншікова.

Вмѣсто, Сестрѣ,

Канцлѣрша Госпожа Графиня Головкина,
 Генералша Госпожа Бушурина.

Ближнія Дѣвицы,

Ея Высочество Цесаревна Всероссійская
 Елисавета Петровна.

Велікая Княжна Наталья Алексіевна.

Форъ шнейдеромъ, Полковникъ Князь Гессен-
 гоумбургской.

Потомъ Маіа 18 числа публиковано о томъ
 Бракѣ чрезъ офицеровъ съ шрубачами и лі-
 шавры во всемъ Санктъ-петербургѣ, и на-
 значенъ тому Браку день, Маіа 21 числа: по
 естѣ въ Пятницу. И велено собираща Мар-
 шаламъ и Шафарамъ по утру о 7 часу: а
 прошчимъ какъ Сенашорамъ, такъ Генерали-
 шешу, и другимъ знатнымъ чинамъ, какъ
 мужеска такъ и женска полу о 11 часахъ
 въ вышеозначенную новосозданную Салу. А
 чужезпранные Міністры всѣ, пребывающыя
 при дворѣ Ея Императорскаго Величества,
 и съ ихъ женами къ тому Торжеству, на-
 рочно званы были за день Брака.

И тогождь 18 дня въ вечеру, Ея Импе-
 раторское Величество, со всею своею Высочайшею
 фамиліею, изъ Зимняго двора, въ Лѣш-
 ни свои домъ переішши изволила.

Когда Маія 21 въ определенное время, всѣ въ помянутую Салу собрались: то въ полдни ошъ Львняго двора Ея Императорскаго Величества ошправлены были по Его Королевское Высочество, для препроважденія Его ко двору Ея Величества выше упомянутые Маршалы съ прочіими чиновными въ седми Карѣшахъ цугами, а передъ ними ѣхали вѣрхами Трубачи и Липавриціки въ богапомѣ уборѣ.

И пріѣхавъ оныя ко двору Его Высочества, и бывъ въ Палатахъ съ полчаса, пакы ко двору Ея Императорскаго Величества ѣхали съ такоюжъ Церемонією: а за ними ѣхали, одінь Прапорщикъ, и два Гофъ фуріера, и нѣсколко Гранодіровъ.

Потомъ шель Гофъ шпашъ Его Королевскаго Высочества, за ними ѣхаль Егожъ двора Оберъ Камеръ - Герцъ Графъ Бонде, да Гофъ Маршалъ Плашеръ верхами.

Послѣ того ѣхаль въ карѣшѣ, Самъ Его Королевское Высочество.

По обѣмъ сторонамъ Его карѣшы шли Его Кавалѣры.

А за нимъ Міністры Его Королевскаго Высочества, Басевичъ и Спамкенъ въ особливыхъ карѣшахъ.

Между карѣшами шли ихъ Лакѣи, а подлѣ карѣшѣ Пажи.

И въ 1 часу по Полудни, прібыли ко

двору Ея Императорскаго Величества: и Его Королевское Высочество, съ обыкновенною церемонією воспръченъ опъ опредѣленныхъ Особъ, за Опцовъ и Брашьевъ, и препроваждень въ новую Салу: и шамо, мало побывъ, попомужь оной препроваждень въ Апартаменты къ Ея Императорскому Величеству, и опшуду опъ Ея Императорскаго Величества, какъ Ея Высочество Цесаревна, такъ и Его Королевское Высочество, оппущены къ вѣнчанію до Церкви Святыя Троицы, въ болшой уборной, цвѣпной Баржѣ: въ коцорой присупсвовали ихъ Высочества, Цесаревна Елісаветь Пепровна, Царевна и Герцогія Мекленбургская Екаперіна Іоанновна, Великая Княжна Напалія Алексіевна, и при нѣхъ первой Маршалъ, Опцы, Брашья, Машери, и прочіе ближніе Кавалеры и Дамы, всѣ въ цвѣпномъ богапомъ Плашье. А передъ шою Баржею вѣхали въ болшой же не крышой Баржѣ, второи Маршалъ съ Шафары: и въ 3 часу по полудни прѣбыли къ Церкви.

И когда ихъ Высочества Невѣсша и Женіхъ, и прочіе чѣны Брачныя, вышедъ изъ Баржѣ шли къ Церкви, и въ шо время продолжался звонъ Церковной.

На Ея Высочествѣ Государынѣ Невѣспѣ, была Цесарская Корона, украшенная Браліаншами, и прочіими драгіми каменьями, и одѣяніе было Порфвра пурпуроваго бархаша, подбішая Горносшьями.

Ея Імператорское Величество оппустихъ Высочество Невѣсту и Жениха къ вѣчанію, изволила вскорѣ поітишь ко онои же Церкви въ праурной своей Баржѣ (имѣя Шпандаршъ,) въ праурномъ уборѣ: а за Ея Величествомъ и прочіе Баржи слѣдовали: и отъ пріиспани Ея Величество изволила до Церкви ѣхать въ карѣшѣ праурной: и прибыла въ Церковь во время пріѣзшья, которое чинилъ для ихъ Высочество Цесаревны и Герцога предъ вѣчаніемъ Псковской Архіепіскопъ Теофанъ: и по окончаніи пріѣзшья оныя ихъ Высочества, по обыкновенному Церковному уставу, вѣчаны отъ помянутогожъ Архіепіскопа Псковскаго: а при немъ пріиспывали Архіереи, Тверской, и Бѣлоградской, и Архімандрішы, и другіе духовныя первыя персоны, въ Церковномъ богашомъ одѣяніи.

По совершеніи же вѣчанія, изволила Ея Імператорское Величество на Ея Высочество Цесаревну Анну Пешровну наложити Кавалерію Ордена Святой Екаперіны, съ краснымъ бантомъ, которую прежде сего Ея Імператорское Величество Сама изволила носити. Потомъ отъ Ея Величества и отъ первыхъ персонъ, и отъ всего народа, вѣчаніемъ ихъ Высочества Цесаревна и Герцогъ поздравлены. И какъ Ея Імператорское Величество, и ихъ Высочества Цесаревна и Герцогъ о 4 часу по полудни

вышли изъ Церкви, и сѣли въ Баржи: погда съ крѣпостеи Санкшълепѣрбургской, и Адміралшеіской, и съ яхты называемой Принцессы Анны, споящеи на рѣкѣ прошівъ новоздѣланной Салы, и убранной флагами поздравляли пушечною стрѣльбою.

Ея Императорское Величество изволила на шои же своей баржѣ прибышь, и проіши въ свои Апаршаменты.

А Ея Высочество Цесаревна и Его Королевское Высочество прибыли прямо въ большую Салу, и сѣли кушашь подѣ устроенными для того нарочно, особыми боуашыми дѣвмя балдахіями, выше сего объявленными .

Подѣ первымъ Балдахіномъ къ Воспоку Ея Высочество Цесаревна, да съ нею по споронамъ ихъ Высочайшей фамиліи ихъ Высочества, Цесаревна Елисаветъ Пешровна, Царевна и Герцогія Меклембургская Екатерина Іоанновна, Великая Княжна Наталья Алексіевна, да изъ первыхъ Дамъ Свѣпльшая Княгиня Меншікова, Графиня Головкина, Генералша Бупурліна.

Подѣ вторымъ Балдахіномъ прошівъ Ея Высочества къ западу, сѣдѣль Его Королевское Высочество, да съ нимъ изъ вышеозначенныхъ особъ, Генераль Адміраль Графъ Апраксінъ, Канцлѣрь Графъ Головкинъ, Генераль и отъ Гвардіи Подполковникъ Бупурлінъ .

А между тѣмъ по обоимъ сторонамъ за столами, сидѣли и прочіе Россійскіе Кавалеры, и чужестранные Міністры, и другіе знашныя Особы, и Дамы, копорые званы были до 7 класса: копорыхъ было всѣхъ званыхъ до 400 персонъ, всѣ въ богатоубранномъ цвѣшномъ платьѣ: такъ же и всѣ подлые разныхъ чіновъ люди, пущены были для гулянья въ огородъ Ея Величества. И во время стола спрѣляли много разъ съ помянушой Яхшы изъ пушекъ, и прубіли на трубахъ съ лішаврымъ боемъ, а музыки иной ни какой не было.

Въ 7 часу Ея Императорское Величество, изволила ийти на лугъ, что протівъ огорода, гдѣ поставлена была въ строю гвардіа. Въ пождь самое время отворіли двѣ фоншаны, копорые шекли вінами краснымъ и бѣлымъ. И какъ Ея Императорское Величество, изволила Гвардію всю въ строю стоящую обоішнь, и прішедъ изволила спашь по срединѣ луга близъ большаго Глобуса: и тогда начали салдашы гвардіи спрѣляшь бѣлымъ огнемъ: и послѣ шой спрѣлбы всѣ шѣ салдашы къ фоншанамъ, копорыми пущено было віно, привожены по рожно и доволшвованы, какъ пішьемъ, шакъ и ѣшвами, для чего прігошовлено было нѣсколко жареныхъ быковъ (со пшціы) и барановъ.

А пошомъ Ея Императорское Величество идучи съ лугу въ огородъ свои, изволила заіши въ брачную Салу, и тогда пріступили къ Ея Величеству ихъ Высочества новобрачные Цесаревна и Герцогъ, шакожь и прочіе всѣ шои высочайшей фамиліи персоны, и два маршала, и чініли Ея Величеству поздравленіе: на прошівъ чего и Ея Императорское Величество, изволила ихъ Высочествъ новобрачныхъ шакожде поздравляшь.

А въ 9 часу по полудни Ея Императорское Величество, соизволила ихъ Высочествъ Цесаревну и Герцога изъ оной Салы оппустишь, во особои угошванной имъ домъ, въ кошорой ихъ высочества поѣхали тогда емѣшъ въ карѣшъ Ея Императорскаго Величества, съ шакоюжь церемонією, какъ и пріѣздъ былъ Его Высочества, ко двору Ея Императорскаго Величества предъ вѣнчаніемъ.

За ихъ Высочествами ѣхали, Генераль Адміраль господинъ Графъ Апраксінъ и Канцлѣрь Господинъ Графъ Головкинъ въ карѣшѣхъ.

Да Шшашъ Ея Высочества Цесаревны по своїмъ чінамъ.

А Ея Императорское Величество оппустия ихъ Высочествъ, изволила ишши въ свои апаршамены

А попомъ всѣ прошчіе на ономъ пор-
жесивѣ бывшіе, изъ огорода со удовол-
ствомъ опущены.

Въ тотъ день даны Кавалеріи Ордіна Свя-
таго Андреа.

Генералу и подполковнику гвардіи Бу-
шурліну.

Первому Міністру Его Королевокаго
Высочества Башевичю.

Новаго Ордіна Святаго Александра Невскаго
на пунсовомъ баншѣ.

Генералу Леішенашу Бону.

Генералу Леішенанцу Лесію.

ГЕНЕРАЛАМЪ МАѢОРАМЪ.

Івану Головіну

Грігорью Чернышеву.

Міхаїлѣ Волкову.

Андрею Ушакову.

Івану Дмішрееву

Князь Грігорью Юсу-
пову.

Мамонову.

Семену Салшыкову.

Аншону Девіеру.

Брегадіру Ліхареву.

Цесаревны Анны Пепровны, Оборъ гофъ меі-
шперу Нарышкіну.

В І Ц Е А Д М І Р А Л А М Ъ.

Сіверсу.

Змаевичу.

Шаупбеінахшу Науму

Сінявину

Двора Его Королевскаго Высочества Герцога Голшцейногольшорпскаго.

Гофъ Канцлеру Штамкену, Гофъ Маршалу Плашору. Оборъ Ягеръ Меістеру Алефелшу, Оборъ Камеръгеру Графу Бондію.

Да объявлены чіны чрезъ Генерала Фелшмаршала Его Свѣшлость Князя Менщикова.

Генералу Кавалеру Князю Міхаилу Голіцыну въ Фелшмаршалы

Генералу Леішваншпу Веісбаху въ Генералы.

ИЗЪ ГЕНЕРАЛОВЪ МАЕРОВЪ.

Гіншеру въ Генералы Леішваншпы.

Івану Головіну, въ Генералы Кріксъ Комісары при Адміралшеіствѣ.

Грігорью Чернышеву въ Генералы Кріксъ Комісары при Армѣе.

Чрезъ Канцлѣра Господіна Графа Головкина чіныжъ объявлены,

ВЪ ТАІНЫЕ ДѢЙСТВІТЕЛНЫЕ СОВѢТНИКИ.

Князю Васілью Долгорукову.

Князю Дімітрію Голіцыну.

Князю Івану Ромадановскому.

Директору ошъ спроенеи Сінявіну, объявленъ рангъ Генерала Маеора.

Юсшціъ Коллегіи Совѣшніку Вулфу, въ шоежъ Коллегію Віце Презідентомъ.

На другой день, шо ешъ въ Субботу по полудни въ 4 часу, паки собраніе было въ огородъ Ея Императорскаго Величества въ вышеозначенной же Салѣ, для продолженія Высокопомянушаго шоржешва, шѣхъ же всѣхъ Персонъ, копорые въ первый день шого брачнаго шоржешва прісупшвовали, куда попомъ и ихъ Высочешвы новобрачные Цесаревна и Герцогъ съ своїмъ дворомъ прібыди, и всшрѣчены были ошъ Маршаловъ, и ошъ прошчіхъ брачнаго церемоніала Особъ. Сідѣли ихъ Высочешвы новобрачные за шоломъ оба вмѣспѣ подъ однімъ Балдахіномъ, подъ копорымъ въ первой день сідѣла Ея Высочешво Цесаревна: и продолжался оное веселіе, какъ и въ первой день съ пушечною спрѣлбою. А Ея Императорское Величешво бышъ не изволіла: но по окончаніи онаго, Ея Императорское Величешво соизволіла вышши въ огородъ, куда къ Ея Величешву и новобрачные ихъ Высочешвы, и прошчіе всѣ изъ Салы прібыли, и гуляли при Ея Императорскомъ Величешвѣ въ огородъ доволное время. И попомъ Ея Величешво изволіла пошцішъ въ свои апаршамен-

пы, а ихъ Высочества новобрачные Цесаревна и Герцогъ возвратились въ домъ свои.

А въ прешій день по полуднѣжь о 6 часѣ, собірались всѣ Россійскіе знашныя Особы мужеска и женска полу, пакожь и чужеспранные Міністры въ домъ Его Королевскаго Высочества Герцога Голштейногольшпорпскаго, куда попомъ изволила прибышь и Ея Императорское Величество со всею своею Высокою Фамілією, и тамо опъ сшраны Его Королевскаго Высочества, со всякою подобающею Магніфіценцією чрезъ доволное время опправилось шракшование, гдѣ въ одной палашѣ богашо убранной приугошвленъ былъ по срединѣ споль, и за онымъ изволила сидѣшь въ началѣ Ея Императорское Величество: по споронамъ за шѣмъ же споломъ, сидѣли ихъ Высочества новобрачные, Цесаревна и Герцогъ и ихъ Высочества Цесаревна Елисаवेशъ Пешровна, Царевна и Герцогіня Меклембургская Екашеріна Іоанновна, Великая Княжна Напалія Алексіевна, и Великіи Князь Пешръ Алексіевичъ. Въ шои же палашѣ по споронамъ поставлены были другіе два спола, изъ которыхъ за однимъ сидѣли знашнѣшіе Россійскіе мужеска полу Особы, и съ ними чужеспранные Міністры: за другимъ знашнѣшіе Дамы: а для прошчихъ многіхъ Особъ, были сполы въ другіхъ апаршамешахъ. И сіе шракшование продолжалось.

чрезъ доволное время, однакожь безъ музыки: но поемъ съ Трубачами, и пушечною спрѣлбою съ Яхшъ убранныхъ флагами, споящихъ на рѣкѣ передъ домомъ Его Королевскаго Высочества. При семъ торжествѣ Графъ Пешръ Апраксинъ, изъ Сшашскихъ Дѣисшвелелныхъ Совѣшниковъ, пожалованъ опъ Ея Императорскаго Величества въ шайныя Дѣисшвелелныя Совѣшники. И щакъ оное Высокобрачное торжество чрезъ шри дни помощю Божіею благополучно окончилось.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТЪПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТѢПОГРАФИИ 1725 Года, Іунія 30 дня.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

„Какъ глупы умные люди!“, (Que les gens d'esprit sont bêtes) сказала объ оспроумцахъ одна дама. — Какіе невѣжды ученые! — можно сказать о многихъ изъ сихъ послѣднихъ въ опношеніи къ общежишію.

Лучше имѣшь обыкновенный здра-

вый смыслъ, нежели самый оспрый и блестящій умъ—безъ разсудка.

Позволишельно и дураку хорошо себѣ думать; но не извинишельно и умному человѣку хорошо о себѣ говорить—по крайней мѣрѣ безъ необходимости, что весьма рѣдко случиться можеть.

Если и умный человѣкъ дѣлаешся въ минушы гнѣва дуракомъ, по чего же не сдѣлаешь дуракъ въ бѣшенствѣ?

Худо бышь пьяницею, а едва ли еще не хуже бышь вспыльчивымъ. Пьянаго можно иногда опвесни опъ дурачеспвъ, а вспыльчиваго никто и ничто не удержитъ. Пьяный вредитъ болѣе самому себѣ и не всегда другимъ; а вспыльчивый наноситъ вредъ и себѣ и поспороннимъ.

Сколько умнѣйшихъ и добрѣйшихъ

людей погнбло ошь глупыхъ и злыхъ женщинъ!

Несчастень мужъ, копорый имѣеть у себя глупую, злую, или разврашную жену; но во спо разъ несчастнѣе жена, у копорой, глупый, злый, или разврашннй мужъ.

Для сохраненія большаго безприсраспїя при разсмошрѣнїи какой либо книги, или пїэсы, нужно, кажешя, прочешъ ихъ два раза съ двойкою, одна другой прошивною, цѣлю: въ первый разъ единспвенно для шого, чшобъ опыскивашъ красоты; а въ другой—замѣчашъ одни шолько недосшашки и погрѣшноши.

Не удивляюшь шому, чшо многіе изъ записныхъ нашихъ пишперашоровъ не знаюшь правописанїя и синшаксиса, не умѣюшь даже иногда расположишь правильно и связашъ самый обыкновен-

ный періодъ; но удивительно для меня то, что они, занимаясь постоянно лишперашурными своими прудами и сверхъ того службою, находясь время слушають публичныя, или частныя лекціи Физики, Химіи, Статистики, Политической Экономіи, и пр. и пр., а не хотяшь взять училеля Грамматики, Риторики и Логики — не хотяшь даже сами заглянуть когда нибудь въ эти учебныя книги.

Мнѣ кажется, что всякой благовоспитанный человекъ долженъ непременно знать правописаніе и умѣть писать, если не красиво, то по крайней мѣрѣ чешко и правильно.

Колтовская.

С. К.

~~~~~

ПЛАЧЪ ДАВИДА О СМЕРТИ САУЛА И Ю-
НАФАНА.

*Элегія *)*.

На высокахъ Гильбои дикихъ
Разбишь Іуды крѣпкій щипъ:
Гдѣ сонмы рашниковъ великихъ?
Позоръ ихъ мершвый сонъ шягчишь!

*

О помъ не вѣдай, Гепъ! Звукъ сладоспныхъ
вѣспи!
Не оглашай враговъ обисель - Аскалонъ —
Иль будъ для нихъ грозой, предшечей ярой
месши,
Волнующей, какъ вихрь, поруганный Сіонъ!

*

Не воспрепещущъ дѣвъ сердца иноплемен-
ныхъ
При звукъ радоспныхъ, побѣдныхъ голосовъ!
Не опзовешся спыдъ Израильшянъ сражен-
ныхъ
Въ хвалебной пѣсни ихъ во срѣщенье опцовъ!

*

*) Чисана на послѣднемъ публичномъ экзаменѣ въ С.
П. бургской Губернской Гимназіи.

Гильбоя! швой нагій хребешъ не осребрился
 Дождемъ пишашельнымъ, иль свѣшлую росой!
 И первенець весны въ изплѣнье превра-
 щился
 И попалишь его свирѣпый солнца зной!

*

Здѣсь раздробленнымъ палъ щипъ Сильныхъ—
 щипъ Саула,
 Какъ ни былъ онъ свяшымъ елеемъ окроп-
 лень —
 Сауль нашъ палъ — и звукъ кающагося
 гула
 Разсыпался, какъ громъ, у сопрошивныхъ
 спѣнь!

*

Когда надеждою во браняхъ обольщался
 Ионаѳана лукъ, носящій смерть съ собой?
 Когда съ кровавыхъ бишвъ мечъ пощимъ
 возвращался,
 Саула мечъ, въ бояхъ лешающій грозой?

*

Сауль — Диванскій кедръ — Израйля подпора;
 Народа счастье — любовь Іоанаѳанъ
 Опъ нашего навѣкъ, навѣкъ сокрылись
 взора,
 Съ собой восхишили веселье нашихъ спранъ.

*

Посыпьте брениемъ власы, Іуды дщери!
 Могильной ризою одѣньте рамена,
 Саула вѣшъ! онъ палъ, сомкнулись гроба
 двери
 И ваша радость съ нимъ навѣкъ погребена.

*

Не онъ ли, облача васъ въ пурпурныя шкани
 Сіона гордостью, величьемъ называлъ?
 Повержень грозный вождь дыханьемъ ярой
 Брани,
 Падениемъ попрыска сердца гранишныхъ скалъ.

*

О брашъ мой! милый другъ, Іонаванъ лю-
 безный!
 Я не престану вѣкъ оплакивать тебя,
 Не осушился вѣкъ очей испочникъ слезный!
 Сколь сладостно рыдашь, погибшаго любя!

*

Такъ пали Сильные, какъ кедръ распрощер-
 лись!
 Сауль, Іонаванъ, мнѣль васъ не вспоминашь?
 Не опъ одной руки Могуціе низверглись—
 На васъ обрушилась вся вражеская рашъ!

Пл. Ободовскій.

НОЧЬ НА КЛАДБИЩѢ.

Я здѣсь-окрестъ меня молчанье —
 Все спишь: не слышенъ горный гуль,
 Умолкло горлицы спенанье
 И листъ на деревѣ уснулъ.
 Я здѣсь одинъ—вошь господь небесный,
 Звѣзда глядешь средь черныхъ пучъ.
 О здравствуй, здравствуй, господь любезный!
 Знакомъ мнѣ швой привѣшный лучъ,
 Знакомъ давно: пы, помнишь, въ думѣ
 Не разъ меня здѣсь заспаваль
 Порою вечера, при шумѣ
 Рѣки, біющей у скаль.
 Ахъ! я былъ далеко—гонялся
 За ложной счастія мечшой;
 Я свѣпъ, людей узнать спарался —
 И разнакомился съ собой! —
 Но шо лѣшь юныхъ заблужденье:
 Ошдернулся шуманъ съ очей,
 И я, разрушивъ обольщенье,
 Опяшь сынъ родины своей! —
 Опяшь въ счастливые дни дѣшсшва.
 Мысль спранницу переносу,
 И какъ бы вновь, въ кругу сѣмейсшва,
 Злапой свободою дышу.—
 Люблю, уединясь, съ Природой
 Тайкомъ бесѣдовашь самдругъ;
 Люблю, распавшись съ заботой,
 Мечшою окрыляшь досугъ.

Люблю я, въ думу погруженный,
 Съ восходомъ упренней зари,
 Люблю внимашь какъ Днѣпръ надменный
 Кашишь сердишья спруи.
 Когдажь укроешся свѣпило,
 Падешь роса на злачный доль,
 И дня попушишся кадило,
 Ушихнешь на горахъ Эоль:
 Люблю, грешь вечера! съ шобою
 Жилище посѣщашь опцовъ;
 Люблю, съ воспорженной душою,
 Внимашь безмолвію гробоеъ.
 Здѣсь, здѣсь подь мрачнымъ симъ ушесомъ
 Покрышь опцовскій прахъ доской;
 А здѣсь, подь *липовымъ* навѣсомъ
 Сокрышь прахъ машери драгой.
 Какой предѣль жилища шѣсный
 Жилища машери, опца!
 И здѣсь же ждешь приюшь любезный
 Меня-земнагожь пришлеца! ...
 Но чшо? мой милый гощь! пы блѣдной
 Уже облекся пеленой...
 Помедли ... пушь швой лучь послѣдній
 Съ сыноввей встрѣшишся слезой.

Шклоѣб.

С. Ст.—тѣ.

ГРОВЪ.

(Изъ Салиса.)

Мраченъ и ужасень
 Безмяшежный гробъ:
 Имъ закрышь безвѣспный
 Ошдаленный край.

*

Пѣсни Филомелы
 Сна не развлекушь;
 Дружба сыплеть розы
 Лишь на мягкій дервь.

*

Тщешно рвушь невѣспы
 Русые власы;
 Вопли чадъ безродныхъ
 Въ гробъ не долепашь.

*

Ахъ! лишь въ немъ единомъ
 Нашъ покой живешъ!
 Имъ для насъ опверзспы
 Къ небесамъ враша.

*

Раненное сердце
 Горести спрѣлой,
 Въ немъ лишь переспанешъ
 Бишься—унывашь.

Пл. Ободовскій.

~~~~~

Эпитафія Стихотворцу Ботлеру.

Прохожій, сшой! здѣсь Ботлеръ почіешъ ;
 Зри: надписьъ вылиша изъ лапа.
 При жизни не обрѣлъ Поэшь
 Своимъ талантомъ Меценапа.
 По смѣрши, въ памяшь скорбныхъ дней
 Ему воздвигли мавзолей.
 Бѣднякъ-пѣвецъ, шая въ груди Пермесскій
 пламень,
 О хлѣбъ умолялъ — ему же дали — камень!
 Сб Англин. Пл. Ободовскій.

ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ ИЗДАТЕЛЮ БЛАГОНАМЪРЕННАГО.

Съ прискорбіемъ прочель я въ XXXV
 № вашего недѣльнаго Журнала грозную
 спашью: *Отъ Издателя.*

“Если какая либо изъ присланныхъ
 “піэсъ въ печеніи мѣсяца не будешъ
 “напечатана въ *Благонамѣренномъ*: по
 “Сочинитель, или Переводчикъ оной,
 “можешъ бышь увѣренъ, что ее не про-
 “пустила Цензура, (копорой замѣпимъ
 “мимоходомъ — спрожайше запрещено
 “пропускашь сочиненія, неимѣющія нрав-

“сшвенной и полезной цѣли, и между
 “прочимъ вмѣнено въ обязанность не
 “одобряющъ къ напечатанію и такихъ
 “піэсъ, въ коихъ много ошибокъ про-
 “шивъ чистоты языка и здраваго смы-
 “сла, хотя бы это были и стихи съ
 “рифмами), или что Издашель не на-
 “шеть сію піэсу, по содержанію ея, либо
 “по слогу, сошвѣшсшвенною съ пла-
 “номъ его изданія., *)

Ишакъ — мое Посланіе къ знамени-
 шому автору и Археологу *P—ру*, не бу-
 дешъ напечатано?—Оно лежитъ у васъ
 уже при мѣсяца!—Ишакъ сочиненіе мо-
 его приятеля Журналолюбова о *подра-
 жаніи*—не будешъ напечатано?—Оно до-
 ставлено вамъ полгода назадъ!—Ишакъ
 Элегія моей сестры *К.* не будешъ напе-
 чатана?...Ишакъ Перуанскія письма мо-
 его друга и товарища по Университету
 не будешъ напечатаны? И замѣчанія
 о Театрѣ и игрѣ знаменитыхъ нашихъ
 прагическихъ актеровъ, написанныя
 моимъ племянникомъ, десятильшнимъ

---

*) *Благ.* № XXXV, стран. 358.

отрокомъ—не будешь напечатаны?—Вы немилосерды, Г. Издатель! — и я не понимаю вашего благаго намѣренія! И я передъ лицомъ Публики пребую вашего отвѣта: почему, почему не печатаете вы нашихъ сочиненій?

Піэсы, о которыхъ я говорю, не могушь казаться непозволишельными въ глазахъ Цензора! Каждая строка дышетъ чистою добродѣшью — любовію къ порядку—безприспращіемъ!

Піэсы, о которыхъ я говорю не могушь показаться вамъ несоотвѣстшвенными плану вашего *Журнала*: у васъ въ каждой книжкѣ есть или Элегія, или Посланіе, или письмо, или замѣчанія о Театрѣ.

Піэсы, о которыхъ я говорю, не могушь быть дурны по слогу — пошому что вы сами печатали когда-то спихотворенія моей сестры, сочиненія Журналолюбова, замѣчанія любителя шептра на дачѣ Емельяновкѣ, письма о Лунѣ, Письма Сочинителя Драмы: *Любилъ*. Нѣтъ никакой разницы въ слогѣ!

Итакъ, М. Г., прошу васъ отвѣчать мнѣ, что заставляешь васъ не печатать

нашихъ сочиненій, тогда какъ Цензура не можетъ остановить ихъ, а содержаніе и слогъ этихъ піесъ совершенно соотвѣтствуютъ плану вашего Журнала? Извольте отвѣчать.

Несправедливость! Ужасная — только Журналамъ свойственная несправедливость! А вы, господинъ Издапель, самый пристрастный, самый несправедливѣйшій Журналистъ въ свѣтѣ!

Наконецъ я отгадываю, почему не печатаете вы моего посланія къ знаменитому автору и Археологу Р—ру? Не потому ли, что вы не любите знаменитаго Автора и Археолога Р—ра?—*Не много зависти. .... *)*

Вы не печатаете сочиненій Журналолюбова потому, что обращаете вниманіе на орфографію... Но этой бездѣлкой должны заниматься корректоры въ типографіяхъ, а не авторы. — Журналолюбовъ авторъ — слѣдственно онъ не обязанъ знать орфографію.

---

*) .... Во мнѣ? — Избави Богъ!

Совсемъ и незнакомъ мнѣ вашъ Археологъ.

Изд.

Вы не печатаете замѣчаній о театрѣ моего десятилѣшняго племянника — опъ спыда! Да, сударь, опъ спыда! Поэтому, что мой десятилѣшнй племянникъ пишетъ также *основательно* о театрѣ, какъ жила Емельяновки.

И наконецъ что печатаете вы, Г. Издашель? Посмотримъ на послѣднй номеръ вашего *Благонамѣреннаго*. *Чертогъ Зораиды*.... Это безъ всякаго сомнѣнiя — сочиненiе Россiйское... Напрасно Авшоръ изволилъ подписать свое имя... Видна пища по полешу.

Чтожь мы находимъ въ этомъ сочиненiи, которое и по содержанiю и по слогу найдено вами соопвѣпшвующимъ плану вашего изданiя? Иначе бы вы его не напечатали.

Ужасные перiоды *)! Варварскiя слова! Галиманью **)! Напримѣръ: *Плѣнен-*

*) Что за ужасные? И въ самомъ-то большемъ перiодѣ только 38 спрочекъ! (спран. 332 — 334.) *Изд.*

**) Впрочемъ *простую*, а не *сложную*, или *сугубую* (double). Первая, по словамъ Боало, бываетъ тогда, когда Сочинителя другiе не понимаютъ; а послѣдняя, когда и онъ самъ себя понять не можетъ. *Изд.*

ный Зораидою Гади, коего оти уже пылали жаромъ страсти, отвѣгалъ ей, та подѣ кроволѣ его найдетъ она неожиданное ея счастіе! Напримѣръ: “Но когда Гади Гуссейнь услужливею рукою отмахнулъ!! съ лица ея покрывало; по Гади очарованъ былъ восхищительною красою, копорую токмо семнадцатилѣтній возрастъ сближать можетъ съ зарею Майскаго яснаго утра!!! На гордомъ челѣ ея изображалось ума богатство!,,—Кпо пишешь нынчѣ: подозрѣвающъ, соглядающіе царедворцы, великая сановитость? “Самый тонкій румянецъ! Свѣтлорусыхъ волосъ расплещіеся косы упали на пышную грудь, копорая колебалась *) опъ порывистыхъ вздоховъ! Христаллыя грани! Снизки бурмишскихъ зерень! Произрастающій виноградъ! Стекольчатая сѣна! Купины рѣдкихъ цвѣтовъ! И наконецъ здравосное благоуханіе! Нѣтъ, Г. Издапель

---

*) Почему же нельзя сказать: пышная грудь, колеблющаяся отъ вздоховъ?—или: тонкій румянецъ? Изд.

Воля ваша! а напечатанный вами чер-
 погъ хуже всякой лачуги! И я подозрѣ-
 ваю, что вы не множка приспраспны
 къ изобрѣшашелю здравоноснаго благо-
 уханія. Не съ родни ли онъ другу ваше-
 му знаменишому Автору Драммъ: Лю-
 билъ, Валеріанъ, Роза и Иванъ? По край-
 ней мѣрѣ у нихъ много общаго. А вы
 такъ любите эши Драммы *)!

Извинишѣ отспущеніе, Г. Изда-
 шель. — Продолжаю разборъ 35 книжки
 вашего Журнала... *О танцахъ. Понятіе*
о танцахъ. — Эши понятія не даюшъ
 никакого понятія о шацахъ — и я не
 знаю, для кого иншересно бышъ мо-
 жешъ эшо глубокомысленное сочиненіе!
 Къ шому же — переводъ, — переводъ что-
 то очень походитъ на *Чертогъ Зораи-*
ды, и я жалю о переводчикъ, если онъ
 также дурно шацуешъ, какъ перево-
 дишъ.

Вошъ, М. Г., двѣ главныя спашьи изъ
 35 книжки *Благонашѣреннаго*, копорыя
 кажушся намъ не совсемъ удачными, по

---

*) Люблю — любить въкъ буду, и ш. д. И.

слогу и по содержанію. А вы ихъ напеча-
тавали! Вы напечатали даже *Чертоговъ*
Зораиды! . . . Послѣ этого какъ не требо-
вать намъ, чтобы вы показали. Публи-
кѣ и наши произведенія, и она рассу-
дитъ, и она увидитъ, что мой прия-
тель Журналолюбовъ переводитъ не
хуже Переводчика о панцахъ — что
мой десятилѣтній племянникъ пишетъ
несравненно лучше изобрѣшателя здра-
воноснаго благоуханія и многихъ дру-
гихъ смѣлыхъ рѣченій.

Еще одно слово . . . . . о Шарадахъ! . .
Одинъ изъ моихъ приятелей, вамъ не
извѣстный, но извѣстный во всей У-
краинѣ, какъ Поэтъ, нѣсколько мѣся-
цовъ назадъ тому послалъ къ вамъ 365
Шарадъ *) — и вы — ни одной изъ нихъ
не напечатали! . . . Дѣльно! Очень, очень
хорошо! Но дурно то, что вы сами пе-

---

*) Десятка по два и по три Шарадъ вдругъ
случалось мнѣ получать, а 365 никакъ еще
не присылалъ для моего *Благонадѣреннаго*.
Сдѣлаемъ слѣдующіе — авось опытуемся.
Изд.

чашаете въ каждомъ номерѣ Шарады! И какія Шарады! Мнѣ кажется, наши Кос.... и брашя скоро вломають въ Шарады всякое слово языка Русскаго!.. Для ихъ удалаго пера нѣтъ невозможнаго, нѣтъ труднаго! Одинъ склѣвилъ Шараду изъ *Ко-зы*, другой изъ *гороха*, *парика*, *Золотоноши* — и Богъ знаетъ, какими плоскостями приправляются эти парики и Золотоноши! Древняя Исторія, имена Французскихъ Генераловъ, Италія, Лапинская Грамматика, Славянской Букварь, и пр. и пр. и пр. — все, все перенесено ими въ Шарады! — Но чаще всего заглядываютъ они въ Русскую азбуку, и въ рѣдкой Шарадѣ не читаемъ:

Мой первый слогъ — предлогъ ;

Второе въ азбуцѣ...

О немилосердые К. .... съ брашею!.. Прежде, нежели начнете кропать Шарады и Логогрифы, загляните хоть въ *Словарь Поэзии*, вышвердите какъ должно писать Шарады и попомъ гремитъ въ *Благонимѣренноиѣ*, *Русскоиѣ Ин-*

валидѣ и Вѣстникѣ Европы. Но уже поздно! Тысячи Шарадъ уже наковертаны удалыми спихоплемами — и нѣтъ способность оспановишь опважныхъ К. К. и брѣши ихъ. — Извинише Г. Издашель, что я опяшь сдѣлалъ маленькое опсупленіе — впрочемъ оно не мѣшаетъ мнѣ попросишь васъ еще разъ *напегатать наши сочиненія* *).

Вашъ усерднѣйшій слуга

А. Р. — В. А — ъ.

Въ XXXV же Но вашего *Благонамѣреннаго*, въ спанѣѣ: *Книжныя Извѣстія*, Издашель *Правилъ словесности*, руководствующихъ отъ первыхъ началъ до вышшихъ совершенствъ краснорѣчія приносишь — “чувспвишельную благодарносшь особамъ, содѣйспвовавшимъ подпискою къ изданію въ свѣтъ сочиненія, кошораго не могъ онѣ составить и на-

---

*) Хошь на обершкахъ помѣщу, если , полько опыщу. *Изд.*

“печашашъ безъ ихъ пособія., — Не уже ли въ самомъ дѣлѣ и Г. г. подписавшіеся учаспвовали въ *составленіи* этой книги?

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

О ПОДПИСКѢ НА СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ
НА 1825 ГОДЪ.

Въ пяшилѣпнее продолженіе Сибирскаго Вѣспника Издашель его обрацалъ наиболѣе мысли и вниманіе чашапелей своихъ на неизмѣримыя проспранспва Сибири, предспавляя имъ, по еспешспвенныя красопы мѣспъ, дикихъ, но величеспвенныхъ, по богашспва многоразличныхъ произведеній всѣхъ царспвъ природы, по наконецъ памяшники древноспи, плоды ума и рукъ чеспвческихъ, при сущеспвованіи кошорыхъ, исчезаетъ мракъ давномінувшихъ сполѣшій: онъ знакомилъ шакже ихъ съ разноплеменными обипашелями Сибири и со многими другими предмешами, доспойными вниманія наблюдашеля соопечеспвенника и вообще Философа, Испорика и Спашиспика. Сверхъ шого Сибирскій Вѣспникъ сопровождалъ любопышнаго разспашпривашеля природы по

отдаленнѣйшимъ сѣвернымъ шундрамъ и по шоросамъ Ледовитаго моря до послѣдняго предѣла открытій въ полуночныхъ странахъ хладнаго сѣвера, и опшуда въ прошивоположныя страны: въ Киптай, Монголію, Зюнгарію, Ташкенпъ, Бухарію и Киргизъ-Кайсацкія степи, которыхъ жители, естественныя произведенія и прочіе предметы возбуждають любопытство къ изслѣдованію и другихъ сопредѣльныхъ странъ Азіи.

Но все пачилѣе изданіе Сибирскаго Вѣстника заключаешъ въ себѣ только малую часть свѣдѣній, собранныхъ самимъ Издашелемъ во время путешествія его по Сибири и сообщенныхъ ему любителями просвѣщенія, удостоившими присылать къ нему и шакія еще шашы, которыхъ при всей занимашельности своей не могли войти въ составъ Сибирскаго Вѣстника единшвенно пошому, что помѣщеніе ихъ здѣсь было бы не согласно съ принятымъ и строго наблюдаемымъ планомъ сего Журнала, ограниченнаго только Сибирью и сопредѣльными съ нею странами.

Издашель Сибирскаго Вѣстника желаетъ разпространить кругъ своихъ занятій обзорніемъ и описаніемъ любопытнѣйшихъ предметовъ, какіе представляешъ Азія; сія обширнѣйшая часть свѣта, наиболѣе ущедренная благами природы, первое опечество рода

человѣческаго, первое мѣста рожденія и усовершенія наукъ и искусствъ. Имѣя намѣреніе и возможность открыть чинашелямъ обильнѣйшій источникъ полезныхъ свѣдѣній, онъ предпринялъ сообщать Публикѣ сначала будущаго 1823 года спашыи, не только касающіяся до Сибири и сопредѣльныхъ съ нею мѣстъ, но и вообще о спранахъ Азіи; а пошому къ составленію Сибирскаго Вѣспника въ 1823 году предназначающа уже слѣдующія ошдѣленія и спашыи:

I. ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФІЯ и СТАТИСТИКА. — Разныя сочиненія, опрывки и свѣдѣнія, составляющіе предметъ сихъ наукъ въ опношеніи къ Сибири и вообще къ Азіатскимъ спранамъ, какъ то: Китаю, Японіи, Ташаріи, Тибету, Индостану, Персіи и проч.

II. ПУТЕШЕСТВІЯ. — Ученыя и любопытныя путешешствія по означеннымъ спранамъ, полныя и опрывки изъ путешешствій.

III. ЕТНОГРАФІЯ или НАРОДООПИСАНІЕ. — Извѣстія о народахъ обитающихъ и Сибири и въ спранахъ съ нею сопредѣльныхъ.

IV. БИОГРАФІЯ. — Жизнеописаніе разныхъ лицъ чемъ-либо опличившихся въ Сибири и спранахъ съ нею сопредѣльныхъ.

Каждое изъ сихъ ошдѣленій будѣшь имѣть два разряда: первый для спашей ошносящихся собственно къ Сибири и Азіат-

ской Россіи; вшорый къ прочимъ спранамъ Азіи.

У. СМѢСЬ. — Сіе опдѣленіе назначаешся для всякихъ свѣдѣній, копорыя, по какимъ-нибудь причинамъ, не могушь входить ни въ одно изъ предъидущихъ опдѣленій, но копорыя нужны сколько для необходимаго въ періодическихъ изданіяхъ разнообразія, сполько же для пользы и удовольствія читашелей, какъ по: спашьи ученаго содержанія; извѣстія о новыхъ учрежденіяхъ, опкрытіяхъ, прои́сшесствіяхъ, и проч.

Кромѣ гоновыхъ уже многихъ спашей для наполненія Сибирскаго Вѣспника, Издашель будешъ пользоваться иноспранными книгами и Журналами, въ коихъ содержашся любопытнѣйшія сочиненія о Воспочныхъ спранахъ и надѣешся помѣщашь переводы съ самыхъ Воспочныхъ языковъ, копорые, если онъ признаешъ нужнымъ и возможнымъ, будупъ печашашся иногда вмѣспѣ съ подлинниками. — Издашель шакже посшавляешъ себѣ въ обязанность сообщашь въ Сибирскомъ Вѣспникѣ разборъ шѣхъ спашей изъ новѣйшихъ книгъ и особенно изъ книгъ учебныхъ, въ копорыхъ говорипся о Сибири и другихъ спранахъ Азіатскихъ, обѣщая въ сужденіяхъ своихъ о достоинствѣ сихъ спашей, въ исправленіи вкравшихся въ нихъ ошибокъ и въ пополненіи суцешвенныхъ

недоспашковъ руководствовашься совершеннымъ беспристрастіемъ и единственно желаніемъ споспѣшествовать съ своей стороны по возможности распространенію свѣдѣній полезныхъ его соотечественникамъ.

Хотя при семъ новомъ расположеніи Сибирскаго Вѣспника можно бы и наименовать его Азіатскимъ Вѣспникомъ; но Издашель рѣшился удержавъ прежнее для него названіе пошому болѣе, что въ составъ сего Журнала войдутъ въ 1823 году спашьи, касающіяся почши до однѣхъ только шавихъ странъ Азіи, копорья сближающя съ Сибирью или по шорговль, или по другимъ отношеніямъ.

По множеству и разнообразію предметовъ Сибирскаго Вѣспника предназначается въ 1823 году чрезъ каждыя двѣ недѣли выдавать по одной книжкѣ сего Журнала отъ 3 до 4 печатныхъ листовъ. Къ нѣкопорымъ книжкамъ прилагаемы будутъ гравированные, или липографированные листки, представляющіе иногда виды красивыхъ, или почему - нибудь занимательныхъ Сибирскихъ и другихъ мѣспъ; иногда одежды и снаряды жипелей, планы мѣспъ и спроеній, ландкаршы, и проч.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 24 книжекъ, здѣсь въ С. Петербургѣ *тридцать рублей*, а съ доставленіемъ на домъ, или

съ пересылкою *тридцать семь рублей ассигнаціями*.

Для избѣжанія всякихъ запрудненій въ изданіи Сибирскаго Вѣспника и предварительнаго распоряженія въ печатаніи попребнаго числа экземпляровъ, желающіе получать оный благоволяшъ подписывашься въ печеніи Сеншября, Окшября и Ноября сего года: живущіе въ С. Пешербургѣ у самаго Издашеля, въ библіотекѣ для чшенія В. А. Плавильщикова у Синяго моста и въ книжной лавкѣ И. В. Сленина у Казанскаго моста; иногородные могутъ ошноситься въ Газешную Экспедицію С. Пешербургскаго Почшамша, или къ самому же Издашелю, подписывая на пакетѣ: *Издашелю Сибирскаго Вѣспника. Въ Санктпешербургѣ*. По прошешствіи сказанныхъ шрехъ мѣсяцевъ, или и прежде, если Издашель найдешъ досташочнымъ число подписавшихся, шо не преминешъ объявить въ Вѣдомостяхъ обѣихъ Сшполицъ о продолженіи Сибирскаго Вѣспника. Въ случаѣ же малаго числа подписавшихся; или какихъ-либо другихъ шрепятешствій, могущихъ ошановишъ, сіе изданіе, возвращены будущъ полученныя деньги по принадлежношпи.

Издашель Сибирскаго Вѣспника Г. Спасскій.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1822. № XXXIX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ЮСТИНА *).

Побѣда Спартакцевъ надъ Персами при Термопилахъ и разбитіе Персидскаго флота искусствомъThemistocle при Саламинскомъ Заливѣ и при мысѣ Микалѣ.

Сколь спрашно было вступленіе Ксеркса въ Грецію, сшоль посшдно возвращеніе изъ оной. Когда Спаршанскій Царь Леонидъ съ чешырьмя тысячами воиновъ занялъ узкіе Термопильскіе проходы; но Ксерксъ, презирая малочисленность непріяшеля, приказываетъ вступитъ въ сраженіе шѣмъ, коихъ сродники побиты были во время Мараѳонскаго сраженія. Сии, стараясь опшсшитъ смерть своихъ родныхъ, сами падаютъ прежде всѣхъ подъ мечами непріяшельскими; попомъ съ приумноженіемъ без-

---

*) Переведенной Г. Борзцовскимъ и еще ненапечатанной.

полезной шолпы умножаешся и крово-
 пролишиє . Три дня продолжалось шамь
 сраженіє съ горестію и досадою Персовъ;
 а въ чешвершый Леонидъ, получивъ извѣ-
 стіє, что 20.000 неприяшелей овладѣли
 висошами горь, убѣждаешь союзниковъ
 ошступитъ, говоря имъ: “поберегите
 “себя къ шому времени, когда гораздо
 “нужнѣе будешє для ошечешва; шєперь
 “мнѣ одному съ Спаршанцами должно
 “испыташь счасшіє; я долженъ пещись,
 “болѣе о сохраненіи ошечешва, нежели
 “своей жизни; а прочіє должны беречь
 “себя для дальнѣйшаго охраненія Греціи.,,
 Услышавъ повелѣніє Царя, прочіє ош-
 спушили; одни шолько Лакедемоняне
 оспались . Предъ начашіємъ войны во-
 прошавшимъ Делфійскаго Оракула ош-
 вѣшешвовано было, что или Спаршан-
 скому Царю, или городу должно погиб-
 нушь . И пошому Царь Леонидъ, ошправ-
 ляясь въ походъ, шакую швердосшь вну-
 шиль своимъ воинамъ, что они со всею
 гошовносшію шли на извѣсшную смершь .
 Для шого заняль онъ Фермопилы, шшобъ
 или, съ малымъ числомъ побѣдивъ, при-
 обрѣшши бѣольшую славу, или умереть

съ меньшимъ для Республики урономъ. И пакъ, опустивъ союзниковъ, говоришь Спартанцамъ: “помните, что сколь бы “долго ни сражались вы, но все должно “вамъ умереть; осперегайтесь, дабы “не показашь, что вы съ большимъ му- “жесвомъ рѣшились оспашься здѣсь, “нежели сражались; не должно дожидашь- “ся того, что бы насъ со всѣхъ сторонъ “окружилъ непріатель, но пользуясь “ночнымъ временемъ, надобно самимъ “намъ, пока нѣтъ опасности, смѣло на- “пасъ на него: для героевъ нѣтъ ни- “чего славнѣе, какъ умереть въ непрія- “тельскомъ спавѣ.,” Всего легче было убѣдишь шѣхъ, которые рѣшились уже умереть. Тотчасъ берущъ оружіе, и шесть сотъ воиновъ врывающа въ ла- терь, изъ пяши сотъ тысячъ соспояв- шій, усспремляюща прямо къ спавкѣ Царя съ шемъ, что бы или вмѣспѣ съ нимъ, или, если они многлюдспвомъ будущъ подавлены, на семъ самомъ мѣ- спѣ умереть. Начинаеша прервога во всемъ спавѣ. Спартанцы, не нашедъ въ спавкѣ Царя, разсыпающа по всему лагерю, рубящъ и низлагающъ все, какъ

отчаянные, которые знают уже, что они сражаются не съ надеждою побѣды, но для отмщенія будущей своей смерти. Кровопродиліе происходило болѣе съ начала ночи, нежели до половины дня. Наконецъ не побѣжденные, но упомянутые побѣдою, пали между величайшими горами поверженныхъ ими неприятелей.

Ксерксъ, получивъ двѣ раны въ сухопутномъ сраженіи, рѣшился испытать счастья на морѣ. Но Афинскій вождьThemistocles, узнавъ, что Іоняне, за которыхъ началась Персидская война, пришли съ флотомъ на помощь Щарю, рѣшился склонить ихъ на свою сторону. И какъ не имѣлъ онъ удобности вести съ ними переговоры; по на берегу, къ которому имъ должно было приставать, приказалъ поставити каменные столбы и высѣчь на нихъ слѣдующія слова: “Какое безуміе, Іоняне, овладѣло вами? Какое гнусное дѣло вы принимаете? Вы хотите воевать прошивъ шхъ, которые были некогда основателями вашей Республики, а нынѣ содѣлались мстителями за васъ!

“Не ужели для того поспроили мы ваши
 “спѣны, чѣтобъ вы раззорили наши? Чѣто
 “подало сперва Дарію, а нынѣ Ксерксу по-
 “водъ къ нападенію на насъ, какъ не то,
 “чѣто мы, въ собшвенной вашей про-
 “шивъ ихъ войнѣ, васъ не оставляли?
 “Для чѣго опъ нападеній ихъ не ищете
 “вы себѣ убѣжища въ лагерѣ нашемъ?
 “Еоли же вамъ пеперь кажешся опасно
 “сіе сдѣлашь, то по началіи сраженія
 “отступайте по немногу, попомъ об-
 “радите ваши суда и пушитешь въ
 “бѣгство., Ксерксъ, прежде началія мор-
 “скаго сраженія, послалъ чепыре шысячи
 “всоруженныхъ въ Дельфы, для разграб-
 “ленія храма Аполлонова, какъ будто онъ
 “велъ войну не только съ Греками, но
 “и съ безсмершными богами. Опрядъ сей
 “испребленъ былъ бурею, громомъ и мол-
 “ніею, дабы нечешивый Царь возчувство-
 “валъ сколь ничпожны человѣческія си-
 “лы предъ божескими. Послѣ сего сожегъ
 “онъ Теспію, Плашею и Аѣины, въ-копо-
 “рыхъ никого изъ жипелей уже не было;
 “и онъ не могши напасъ съ оружіемъ
 “на людей, успремлялся съ огнемъ на
 “зданія. Но шакъ какъ Аѣиняне одержан-

ную надъ Персами въ Марафонской битвѣ побѣду считали, по предумышленіюThemistocle, не окончаніемъ войны, но причиною будущей, еще большѣй; по и построили двѣсти кораблей. При нашествіи же Ксеркса, вопросивъ Делфійскаго Оракула, получили отвѣтъ, что бы искали себѣ спасенія въ деревянныхъ сѣнахъ.—Themistocle, считая, что сіе убѣжище предопредѣлено прорицаніемъ въ корабляхъ, убѣждалъ всѣхъ, что “опе-
 “чесиво составляющъ жилища, а не зем-
 “ля, и Республика заключаея не въ
 “зданіяхъ, а въ гражданахъ. И такъ
 “гораздо лучше будешь сохранить жизнь
 “въ корабляхъ, нежели въ городѣ. Сіе
 “точно было и Божеское предвѣщаніе.,,
 По одобреніи таковаго совѣта, оставивъ городъ, отослали женъ и дѣтей съ драгоценнѣйшими вещами на отдаленнѣйшіе острова, а сами, въ полномъ вооруженіи, сѣли на корабли. Примѣру Афинянъ послѣдовали и другіе города. И такъ, когда соединенный флотъ союзниковъ былъ въ готовности къ сраженію и находился уже въ устьѣ Саламинскаго Залива, дабы не бысть окружену

многочисленнѣйшею силою неприятеля; но произошло несогласіе между начальниками городовъ, копорые оставивъ войну, хотѣли обратиться каждый къ защищенію своей собственности. Семисполкъ, опасаясь, дабы опшупленіемъ союзниковъ не уменьшились силы, объявляешъ чрезъ вѣрнаго слугу Ксерксу, что онъ шеперь всю Грецію, въ одно мѣспо собранную, весьма легко можешъ взять. Если же граждане многихъ городовъ разсѣюшя по разнымъ мѣспамъ; тогда ему гораздо большаго труда сподишъ будетъ преслѣдовать ихъ каждаго порознь. Сею хипроспю вынудилъ Царя дать знакъ къ началю сраженія. Равнымъ образомъ и Греки, озабоченные приближеніемъ неприятелей, всшупающъ въ бой соединенными силами. Между шемъ Царь, какъ зришеть сраженія, оспался съ нѣсколькими кораблями у берега. Но Галикарнасская Царица Артемизія, прибывшая на помощь Ксерксу, съ великимъ мужешвомъ поощрля къ бою своихъ воиновъ шакъ, что сколько въ мужѣ и Царѣ примѣпно было женской робости, сполько въ сей

женѣ мужской опважности. Когда бипва сдѣлалась сомнишельною; по Юннне, по наспавленію Ѳемиспокла, начали мало помалу удаляться опъ мѣспа сраженія и шаковое ихъ опспупленіе привело прочихъ въ робосшь. И шакъ Персы, примѣшивъ бѣгспво ихъ, пускающся за ними; но вдругъ сами будучи побѣждены, шакже предающся бѣгспву. Въ семъ смятеніи многіе корабли взяты были въ плѣнъ, многіе попоплены; бѣольшая однакожь часть, спрашась жестшоскости Царя сполько же, какъ и самага неприятеля, возврашлась прямо въ свое опечесшво.

Къ разспроенному симъ пораженіемъ и въ недоумѣннн находящемуся Ксерксу приходнть Мордоцій и совѣщуетъ ему возврашнться въ свое государешво, дабы обыкновенно все увеличивающа молва, о неудачной войнѣ, не произвела шамъ какого либо возмущенія, а ему оспавншь опборныхъ изъ всѣхъ войскъ прнсна тысячъ воиновъ. Сею армією, къ славѣ Царя, покоришь онъ Грецію, или, въ случаѣ неудачи, безъ всякаго насченъ его особы, безчестія, уступншь

неприятелямъ. По одобреніи сего совѣша, поручено Мардонію пребуемое войско, а остальныя полки Царь пригото-влялся самъ отвести обратно въ Персію. Но Греки, узнавъ о предположенномъ бѣгствѣ Царя, предпринимають намѣреніе разрушить мостъ, копорый онъ, какъ будто побѣдитель моря, построилъ близъ города Абидона, что бы пресѣкши ему обратный путь, побить его со всемъ войскомъ, или приведя въ отчаяніе, принудить его просить мира. ОднакожьThemistocles, опасаясь, дабы опрѣзанные неприятели не перемѣнили отчаянія своего въ мужество, и не открыли пресѣченнаго имъ пути оружіемъ, опровергалъ ихъ намѣреніе, говоря, что въ Греціи довольно много остается еще неприятелей и что преградою пути не должно умножать ихъ числа. Но не могли убѣдить ихъ, посылаешь къ Ксерксу того же слугу, извѣщаешь его о ихъ предпріятіи, и совѣшуешь ему благовременнымъ бѣгствомъ ускорить опасный переходъ. Пораженный симъ извѣстіемъ Ксерксъ поручаешь военачальникамъ вести солдатъ, а самъ,

съ небольшимъ числомъ, поспѣшаетъ къ Абидону. Тамъ увидѣвъ, что мостъ осенними бурями разорванъ, съ прешпомъ пустился чрезъ море въ рыбачей лодкѣ. Любопытное было зрѣлище, показывающее удивительную превращенность человѣческаго счастья, видѣшь какъ скрывался въ челнокѣ попъ, котораго флотъ, за нѣсколько предъ шемъ времени, едва вмѣщало море—попъ, котораго многочисленныя войска недавно покрывали всю землю, не имѣлъ почти при себѣ самыхъ нужнѣйшихъ служителей! Да и сухопутнымъ войскамъ, которыя ввѣрилъ онъ полководцамъ, походъ былъ не лучше его потому, что къ ежедневному опъ бѣгства изнуренію (ибо бѣгущіе со страхомъ не бывають спокойны) присоединялся еще и голодъ. Помомъ продолжавшійся нѣсколько дней недоспашокъ въ пищѣ произвелъ заразу; и умирающихъ такое было множество, что дороги завалены были трупами; хищныя птицы и звѣри, привлекаемые смрадомъ опъ оныхъ, слѣдовали за войскомъ спадями.

Между шемъ Мардоній взялъ въ Гре-

цій городъ Олинпъ, и началъ склоняпшъ Аѳинянь къ миру и дружбѣ съ Царемъ, обѣщая сожженный городъ ихъ воспановишъ и привеспи еще въ лучшее соспояніе. Но видя, что нельзя ни за какую цѣну купишъ у нихъ свободы, зажегъ начашья спроенія и войско свое перевелъ въ Веопію. Туда послѣдовало за нимъ и Греческое войско, соспоявшее изъ ста тысячъ челоуѣкъ. Но счастье полководца и Царя было одинаково. Побѣжденный Мардоній обратился въ бѣгство съ малымъ числомъ, какъ будто послѣ кораблекрушенія. Непришелямъ досшался лагерь его со всѣми царскими сокровищами. Съ того времени Греки, по раздѣленіи Персидскаго злаша, въ первый разъ предались разшочипельности. Въ шопъ же шочпи день, въ кошорый испреблены были войска Мардоніевы, происходило и морское сраженіе съ Персами въ Азіи при Микальскомъ мысѣ. Тамъ, до начашья бишвы, когда флоты спояли уже одинъ прошивъ другаго, получено извѣстіе, что Греки побѣдили и Мардоніевы полки всѣ побишы. Слухъ о семъ шполь

быстро распространился, что по ут-
ру дано было сраженіе въ Веошіи, а въ
половинѣ дня въ Азіи — чрезъ столько
морей и чрезъ такое пространство въ
толь короткое время пришло извѣстіе
о побѣдѣ! По окончаніи войны, когда
шло о вознагражденіи городовъ, по
приговору всѣхъ, мужество Деинянъ
предпочтено было прочимъ. Также и
между полководцами Темиспоклъ, по
свидѣтельству всѣхъ городовъ, бывъ
признанъ первымъ, увеличилъ славу
своего опечеснва.

ШАХМАТНАЯ МАШИНА *)

Механическое произведеніе, извѣстное
подъ именемъ *шахматнаго игрока* и надѣ-
лавшее за нѣсколько десятковъ лѣтъ столько
шума въ Европѣ, есть изобрѣненіе Вен-
герскаго Дворянина и Австрійскаго Надвор-

---

*) Изъ Repertory of arts and manuf. Апрель.
1819.

наго Совѣтника *Вольфганга фонъ Кемпелена*.
 Еще въ дѣтствѣ замѣтны были въ Кемпеленѣ чрезвычайно тонкій вкусъ и отличная склонность къ механическимъ наукамъ; скоро прославился онъ многими достопамятными и полезными изобрѣшеніями.

Въ 1769 году находился Кемпеленъ въ Вѣнѣ. Императрица Марія Терезія пригласила его однажды къ магнетическимъ опытамъ, копорые показывалъ при Дворѣ Французъ, по имени Пеллешье. Во время оныхъ Кемпеленъ сказалъ Императрицѣ, что чувствуетъ себя въ состояніи составить машину, копорой дѣйствія будутъ казаться еще чудеснѣе и непонятнѣе показываемыхъ Французомъ. Императрица изъявила желаніе видѣть эту машину. Кемпеленъ обѣщаль ей и сдержаль слово, представивъ, спустя полгода, своего автомаша, играющаго въ шахматы.

Этотъ автомашъ привелъ въ чрезвычайное удивленіе Императрицу, Дворъ и множество ученыхъ и любопытныхъ; копорые приходили смотрѣть его; журналы и газеты тогдашняго времени были наполняемы опзывами о семъ чудесномъ произведеніи. Похвалы несвѣдущей толпы не производили никакого дѣйствія на изобрѣшателя, и онъ, съ равнодушіемъ, свойственнымъ истинному гению, не только отказался показывать своего

автомаша публично, но даже не рѣшился и продать его, несмотря на предложенную ему за оный весьма значительную сумму. Напроставъ, будучи въ то время занявъ другимъ дѣломъ, почти совсемъ его бросилъ и даже опчасши разобралъ.

Спусти довольно долгое время, при посѣщеніи, сдѣланномъ Вѣнскому Двору покойнымъ Императоромъ ПАВЛОМЪ I, бывшимъ тогда еще Великимъ Княземъ, Іосифъ II вспомнилъ о шахматнолѣ игрокѣ и просилъ Кемпелена привезти его опять въ надлежащее устройство, такъ что бы можно было показашъ эшотъ автомашъ Великому Князю и Его Супругѣ. Въ пять недѣль машина была исправлена и привела всѣхъ еще въ большее удивленіе. Снова прислуцили къ Кемпелену съ просьбами удовлетворить всеобщее любопытство и показашъ своего игрока въ Германіи и другихъ земляхъ. Кемпелень наконецъ согласился и взявъ удовольненіе на два года, отправился путешествовашъ со своею машиною, былъ во Франціи и въ Англии въ 1785 году. По смерти его, послѣдовавшей въ 1803 году, сынъ покойнаго продалъ эшу машину нынѣшнему ея владѣтелю, весьма искусному механику, копорый въ семь родѣ работы, можетъ бытъ, успуцилъ одному только Кемпелену.

Зада (N° 4 Spring gardens), гдѣ показы-

Вается нынѣ сей авшомашъ, заключаешъ въ себѣ внутри еще комнашку, въ кошорой видна фигура въ человѣческой росшъ, одѣшая поазіатски. Турокъ сидишь позади ящика въ чешыре фуша длиною, два шириною и два съ половиною выщиною. Къ сему ящику прикрѣпленъ онъ посредствомъ спула, на кошорый посаженъ. Вся комнашка споишь на чешырехъ ножкахъ съ колесцами, на кошорыхъ она кашается по залѣ. Верхняя спорона ящика сдѣлана споломъ, посрединѣ коего находишся довольно большая, нѣсколько выдавшаяся шахмашная доска, на кошорую усшремлены глаза Турка. Правая рука его лежишь просшерша по сполу; лѣвая же немного поднята, какъ бы онъ держалъ въ ней куришельную шрубку, что и въ самомъ дѣлѣ было при первомъ появленіи машины, но послѣ того опмѣнено.

Человѣкъ, кошорый показываешъ авшомаша, начинаешъ щемъ, что возишь его передъ зришелями вдоль и поперегъ залы до сама входа въ оную. Попомъ опкрываешъ въ ящикѣ дверцы, двѣ спереди и двѣ сзади, и выдвигаешъ длинный, не весьма глубокой ящикъ, въ кошоромъ лежатъ шахмашы, подушка, подкладываемая подъ локонь Турка и нѣсколько марокъ. Послѣ того опшворяющся въ немъ еще двѣ маленькія дверцы, опдвигающся ширмы изъ зеленой шафшы и

отворачиваешься нѣкошорая часшь плашья Турка. Все эшо сдѣлано въ немъ шолько для прикршя нѣкошорыхъ отверзсшй, находящихя въ спинѣ и нижнихъ чассяхъ, фигуры. Въ семъ положенш возяшъ ошяшъ машину по комнашѣ, дабы убѣдшъ и самага недовѣрчиваго зрителя, чшо во вѣсемъ ея составѣ не скрыто никакого живаго существа. Обозрѣнше ея внушенности еще болѣе облегчается горящею восковою свѣчею, которая освѣщаетъ весь механизмъ ея насквозь. Если по окончанш игры кто нибудь изъ зрителей пожелаешъ снова осмотрѣшъ авшомаша, шо его показывающъ безъ малѣйшей отговорки.

Спина Турка раздѣляется стѣною на двѣ неравныя части, изъ коихъ правая гораздо меньше и не занимаетъ и третшй доли всей внушенности шѣла. Въ ней, какъ въ весьма сложныхъ часахъ, видно множество колесъ, рычажковъ, капчковыхъ, и пр. Левая пущшма заключаетъ въ себѣ нѣсколько колесъ, маленькше боченочки съ пружинами и два квадранша, коихъ поверхности имѣющъ горизонтальное положенше. Сверхъ шото въ спинѣ и въ нижнихъ чассяхъ шѣла видно нѣсколько шрубъ, кои, какъ надобно полагаешъ, служатъ проводниками для приведеня въ движеше различныхъ пункшвъ машины.

Когда любопытство всѣхъ зрителей

удовлетворено и въ нихъ не замѣтно уже никакого сомнѣнiя на счетъ внутренняго устройства машины и ящика, всѣ дверцы и ящички закрываются, на столѣ Турка все приводится въ надлежащее положенiе, машина заводится ключемъ, вспавляемымъ въ отверстiе, находящееся на одной сторонѣ ящика, автомашу подкладывается подъ лѣвую руку подушка и изъ зрительей приглашается первый лучшiй игрокъ въ шахматы сыграть съ Туркомъ партию.

Въ часъ и въ три часа по полудни Турокъ оканчиваетъ со всякимъ, кому угодно, такiя партii, которыя уже давно начаты, и каждый разъ непременно оспариваетъ побѣдителемъ. Для сего, предъ началомъ игры, шахматы разставляются такъ, какъ того пожелаетъ игрокъ. Сверхъ того автомаша играетъ ежедневно въ восемь часовъ обыкновенныя цѣлыя партii, съ какимъ угодно игрокомъ, и также выигрываетъ ихъ, хотя изобрѣтатель машины, при устройствѣ оной, и не имѣлъ особенно въ виду сего послѣдствiя.

При начатii партii Турокъ выбираетъ себѣ обыкновенно бѣлые шахматы и дѣлаетъ первый ходъ; на что всякой игрокъ охотно соглашается. Онъ играетъ лѣвою рукою; правая лежитъ простершая на столѣ. Это произошло отъ недосмотрительности худож-

жника, копорый слишкомъ поздно замѣшилъ свою ошибку и не могъ уже перемѣнить рукъ, что бы, согласно съ общимъ употребленіемъ, заспавишь машину играть правою. Когда игра начинается, Турокъ поводитъ головою, какъ бы желая хорошенько осмопрѣшь доску; поже повпоряешъ онъ и по окончаніи паршіи. Что бы спупишь шашкою, поднимаетъ онъ медлѣнно лѣвую руку, и ведешъ ее къ пому мѣспу, на копоромъ споишь шашка. Тупъ рука его разкрываешся, пальцы раздвигаютъ, берутъ шашку и переспавляютъ ее на по мѣспу, на копорое должна она спашъ; послѣ чего рука весьма еспешспвеннымъ образомъ возвращаетъ опашъ на подушку. Если автомашъ хочешъ у своего прошивника взашъ какую либо шашку, по онъ дѣйспвуетъ рукою вышесказаннымъ образомъ, но спавишь взашую шашку внѣ шахматной доски, попомъ возвращается къ своей шашкѣ, беретъ ее и спавишь на мѣспо взашой. Всѣ сіи движенія производятъ съ чрезвычайною спощоспю и шакъ еспешспвенно, что, кажешся, игрокъ дѣйспвуетъ по обдуманному имъ плану и обращаетъ особенное вниманіе на по, что бы во время игры не задѣшь никакой шашки, кромѣ спой, копорую онъ хочешъ взашъ и вообще не сдѣлаетъ какого либо ненужнаго, или неправильнаго движенія,

Когда прошивникъ спутилъ шашкою, Турокъ сидишь нѣсколько секундъ спокойно, какъ бы размышляя о игрѣ своей; но вскорѣ попомъ ходишь самъ. Дѣлая шахъ царю, прясешь онъ головою, какъ бы желая дашь знашь о помъ игроку. Если сей послѣдній спавишь какую либо шашку не по правиламъ игры, (что довольно часто бываетъ, дабы узнашь, что въ шакомъ случаѣ будетъ дѣлать Турокъ, такъ на примѣръ, если онъ ходишь конемъ какъ можешь ходишь полѣко лодка); по авшомашъ ударяешь правою рукою по сполу въ знакъ того, что ходъ прошивника неправиленъ, берешь его коня, спановишь на прежнее мѣсто и не позволяешь уже игроку, вмѣсто шакого, неправильнаго хода, сдѣлать другой, но играешь самъ, какъ бы желая шемъ наказашъ прошивника за его неосмотрительность. Кажешся, что механикъ съ намѣреніемъ предоспавиль сію небольшую выгоду своему авшомашу, дабы чрезъ то привести силы его съ силами игрока въ нѣкоторое равновѣсіе.

Что хочешь играшь съ шахмашною машиною, долженъ каждую шашку спавишь на самой серединѣ, того мѣста, на которое хочешь спутишь. Если онъ спспавишь ее иначе, по авшомашъ, опуская руку, можешь не попасшь на шашку и чрезъ то не

только распрости игру, но даже и повредишь нѣжному механизму своихъ пальцевъ.

Поставя однажды пашку, нельзя уже перемѣнить хода, а равномерно допронувшись до одной, должно уже непремѣнно ходить ею; спупись другою не позволяется. Эти два правила должны быть непремѣнно соблюдаемы. Если прошивникъ долго не рѣшается какъ ему спупись, Турка ударяетъ правою рукою по столу, какъ бы желая дать шемъ знать, что ему пора ходить.

При всякомъ движеніи машины слышанъ во внутренности ея глухой шумъ отъ обращенія колесъ. Шумъ этотъ продолжается до самаго того времени, когда рука ляжетъ опять на свою подушку, и тогда игрокъ можетъ ходить. Человѣкъ, показывающій машину, заводитъ ее отъ времени до времени, большею частію послѣ десяти, или двѣнадцати ходовъ; въ промежуткахъ же времени расхаживаетъ по комнатѣ, но иногда подходитъ къ автомашу и большею частію съ правой стороны.

По окончаніи игры, когда уже уберутъ шахматны, приглашается обыкновенно кто нибудь изъ зрителей поставить коня на какое ему угодно мѣсто. Турокъ сей часъ беретъ коня и наблюдая ходъ онаго, предписываемый правилами игры, обходитъ одинъ за другимъ всѣ 63 квадрата доски,

не минуя ни единого и не спупая никогда два раза на одно и по же мѣсно. На квадратъ, съ копораго конь начинается свой обходъ, кладешся обыкновенно бѣлая, на послѣдующіе за шемъ красныя марки. Когда Турокъ переспанешъ ходишь, вся доска, исключая шого мѣсна, съ копораго конь высшучиль, бываешъ покрыва красными марками.

А.

ЭЛЕГІЯ.

Въ долину вѣпръ шумишь; всхолмились ши-
 хи воды,
 Послѣдній слышу я пернашыхъ громкій хоръ,
 Поблекли деревья, и скорбный видъ природы—
 Куда ни оглянусь—мой поражаетъ взоръ.

*

Люблю еще смѣрять на блѣдное свѣшило—
 Какъ понешъ палевый его въ шуманѣ лучъ:
 Такъ счастье мое сокрылось, измѣнило,
 Блеснувши лишь на мигъ ко мнѣ изъ гроз-
 ныхъ шучь!

*

Любилъ, любимымъ былъ побой, моя Пль-
 нира!
 Подъ сѣнію любви спокойно цвѣлъ мой вѣкъ;
 Блаженство жизни пѣлъ: одушевлялась лира;
 Но вдругъ дохнулъ Борей и дни швои пре-
 сѣкъ!

*

Какъ упромъ два луча румяныя Авроры—
 Такъ наши два сердца—зачемъ вы не сли-
 лись?

Я къ небу обращалъ мои попухши взоры.
 Но шамъ лишь громъ гремѣлъ, лишь молніи
 вились!

А. Н—б.

*Вѣ Албломѣ къ запутанному вѣ
 свѣти Амуру.*

Что вижу? И Амуръ въ сѣняхъ!
 Онъ, видно, бѣдненькой, любуюся шобою,
 Въ забаву поразитъ копѣль шебя спрѣлою
 И гордо закричашъ: “неперъ въ моихъ ру-
 кахъ!,,
 Но чупъ лишь на шебя малюшка заглядѣлся,
 Своею сѣпью самъ одѣлся
 И невзначай плѣненнымъ спалъ.
 Съ шѣхъ цоръ онъ опъ шебя на мигъ не оп-
 лешалъ;
 Въ деревнѣ, въ городѣ—вездѣ, вездѣ съ шобою
 Съ колчаномъ, лукомъ и спрѣлою!

Бертеневъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

1. *Аристіонъ, или Перевоспитаніе, справедливая Повѣсть. Сочиненіе Василья Нарѣжнаго.* 1822. Въ шип. В. Плавильщикова. Въ малую 8 ку, 2 часши, въ 1й 195 во 2й 186 стр.

Вотъ содержаніе сего романа: Семилѣтняго Аристіона берутъ отъ отца и отдають въ пенсіонъ, въ копоромъ онъ получаешь обыкновенное, модное воспитаніе, и семнадцати лѣтъ записывають его въ военную службу. Изъ похода возвращается онъ Капитаномъ; ложный другъ увлекаешь его въ распущство, копорое разспроиваешь его здоровье и имѣніе: нѣсколько времени онъ не получаешь отъ родителей ни писемъ, ни денегъ, продаешь свои экипажи и хочешь заложить людей, но они отъ него убѣгають; любовница его обманываетъ, начальство выключаетъ изъ службы—и несчастный Аристіонъ рѣшается, по совѣту слуги своего, ѣхать на его счетъ въ деревню. Оспановясь на постояломъ дворѣ, близъ своего помѣстья, узнаешь онъ, что родители его умерли и все имѣніе укрѣдили другу ихъ Горгонію. Молодой человекъ, доведенный до крайности, просить его покровительства; Горгоній при-

нимаешь сына своего друга съ шемъ условіемъ, что бы онъ ему во всемъ повиновался, содержитъ его весьма строго, нанимаешь для него учителей и наконецъ вида, что Аристіонъ образовался, и совершенно исправился, женишь его на дочери приятельницы своей Зинаиды—Людмилъ, въ которую Аристіонъ влюбленъ. Послѣ открываешься, что Горгоній есть Валеріанъ, опецъ Аристіона; Зинаида—Софія, его мать, а Людмила дочь Графа Родіона, друга Валеріанова—и что онъ, зная, по письмамъ слуги, о дурномъ поведеніи своего сына, рѣшился его перевоспитать и уговорилъ всѣхъ сосѣдей утверждать, что онъ самъ давно уже умеръ.

Въ этомъ романѣ нѣтъ опличныхъ картинъ, нѣтъ сравненій, поршрешовъ; но за то содержаніе его весьма нравоучительно; описаніе жизни богашыхъ, молодыхъ людей въ столицѣ и Украинскихъ помѣщиковъ—справедливы и остроумны, хотя нѣсколько преувеличены; только развязка его кажется не совсѣмъ правдоподобною: вѣроятно ли, что бы всѣ слуги, всѣ даже знакомые и сосѣди Валеріана сохранили его тайну и что бы ничто не открыло Аристіону истины? Имена, употребленныя Г. Сочинителемъ, весьма странны: герой его романа называется Аристіономъ, другъ его Графомъ Кронидомъ, любовница Фіоною, слуга Макаромъ

ошець Валеріаномъ и Горгоніемъ; машь—Софією и Зинаидою *); другъ опца Графомъ Родіономъ и Кассіаномъ; наконецъ служищели ихъ Трофимомъ и Сысоемъ—между шёмъ какъ дѣйствіе происходишь сначала въ Пешербургъ, а попомъ въ Украинъ. Впрочемъ это недоспашокъ маловажный; но вошь чшо весьма важно: слогъ сочинишеля шяжелъ и неровень, иногда даже неправиленъ, въ немъ встрѣчающся слова обвешшалыя и выраженія приказныя. Вошь нѣсколько примѣровъ: “Разумѣшся, чшо послѣ довольно шрудной “службы, Валеріану надобенъ былъ отдыкъ, “и онъ, по особенной своей склонности, про- “должалъ *заниматься* науками, хозяйшвомъ, “охощою и шому подобнымъ *препровождени-* “*емъ времени.*,, (Ч. I. стр. 3) “Родители “его, слѣдуя закону природы, одинъ за дру- “гимъ *отошли во обитель отцевъ своихъ.* Ва- “леріанъ оплакалъ ихъ по долгу сыновнему, “*строго соблюдалъ* уротное время *поминокъ* и “*панахидъ*; а когда все конгилось, то онъ же- “нился, сдѣлался опцемъ, Аристіона и рѣ- “шился воспитывашъ его по своему вкусу, “какъ *по матери добротный дѣдъ* его., весь- “ма важный и богатый *человѣкъ*, вспомнилъ

---

*) Валеріанъ и Зинаида ешь и въ Драмахъ Е. Ѳ. Ганина. Изд.

“о своемъ внукѣ и расположилъ въ мысли
 “своей воспишашъ его по новому способу.
 “*Вб слѣдствіи сего* молодой Аристіонъ,, и пр.
 (Тамъ же.) “Съ темъ еще, сказала Лѣкаръ,
 “*что хотя бы глаза у васъ подвело къ сало-*
 “*му затылку,* шо ко мнѣ уже не присылашь.,,
 —“Онъ раскланялся и *быстро* вышелъ.,, (Ч.
 2. стр. 24.) “Вскорѣ госпожа вбѣжала съ
 “распрепанными волосами, *осажденными* ку-
 “лаками, съ помупившимися глазами.—Прав-
 “да-ли, вскричала она осиплымъ голосомъ:
 “*правда-ли, что пы пожралъ* яйца? Тарахъ,
 “*вмѣсто* опѣша, укушалъ голову одѣяломъ
 “и вздыхалъ.—Такъ пы—продолжала она за-
 “дыхаясь — *надѣлалъ* сію сумашоуху, *прокля-*
 “*той* лаколка, *безстыдный* прожора? *Предавъ*
 “*сего* проклятію,, и проч.—Я бы не кончилъ,
 если бы хошѣлъ выписашъ всѣ ошибки про-
 шивъ вкуса, находящіяся въ эшой книгѣ, и
 для шого взялъ первыя, пошавшіяся мнѣ на
 глаза . Впрочемъ, недоспашки сего романа
 маловажны, и онъ могъ бы назвашъ очень
 хорошимъ, если бы слогъ былъ чище и рав-
 нѣе. Желая Г. Нарѣжному успѣховъ въ семъ
 родѣ Словесности, не менѣ другихъ полезномъ
 и занимашельномъ, но кошорый у насъ еще
 очень мало обрабошанъ.

2. *Урокъ холостыиъ, или наследники, Комедія въ стихахъ въ одноиъ дѣйствии. Представлена въ первый разъ на Императорскоиъ Московскоиъ Театрѣ Мая 4 дня 1822 года. Москва, въ цип. Августа Семена, въ 8 ку 64 сшран. *)*

Г. Загоскинъ давно уже извѣстенъ съ весьма хорошей стороны Публикѣ Комедіями своими въ прозѣ, какъ по: *Богатонъ, или Провинціалъ въ столицѣ, Добрый Малой, и пр.* Нынѣ написалъ онъ первый разъ Комедію въ стихахъ: *Урокъ холостыиъ*, и весьма удачно. Характеры выдержаны, положенія забавны, разговоръ естественъ, версификація легка и свободна. Весьма бы желашельно увидѣшь сію небольшую, но прекрасную Комедію на здѣшнемъ Театрѣ. Два отрывка изъ оной помѣщены въ I N^o *Соревнователя Просвѣщенія* и въ XXVI книжкѣ *Благонаименнаго*.

---

*) Продается въ Москвѣ у А. С. Ширяева, и въ П. С. бурѣ у В. А. Плавильщикова. Цѣна 2 р. въ бум.

*Оправданіе Автора, касателвно
статви о Хореграфіи, помѣщенной
въ XXXV N° Благонамѣреннаго.*

Замѣчаніе: *это-то не понятно* *), сдѣланное Г. Издашелемъ на спашью мою о Хореграфіи, весьма справедливо. Спашья сія или переведена не шакъ какъ должно по недосмотрѣнію переводчика, или сдѣлана ошибка переписчикомъ; и шакъ какъ переводчика здѣсь нѣтъ, шо я просиль перевести оную вшорично; а для избѣжанія всякихъ сомнѣній, присоединиль къ сему переводу мнѣніе Г. Новерра, касателвно Хореграфіи, разсматриваемой какъ искусство.

Новый переводъ статьи о Хореграфіи.

Хореграфія есть искусство замѣчать на и фигуры какого либо сложнаго и къ данной музыкѣ приспособленнаго танца. Она показываетъ какое должно сдѣлать на и какую линію описать въ данномъ пространствѣ. Но сія маловажная часть для танцоровъ, равно и самыя замѣчанія на оную, не научать его никогда дѣлать на съ прищностью, располагать движеніями шѣла сооб-

---

*) См. въ XXXV N° стран. 34г.

разно его стану, фигурѣ и характеру его шаца; а по сему она и не употребляется; слѣдовательно бесполезно было бы и говорить о ней болѣе *).

Мнѣніе Г. Новерра о Хореграфіи.

Г. Новерръ, разсуждая о Хореграфіи въ *Письмахъ своихъ о танцахъ* (1772 года), говоритъ: “сіи предспавишельные знаки легко можно понять; имъ скоро выучиваются, но также скоро ихъ и позабываютъ. Я учился Хореграфіи и позабылъ ее **). Если бы она была полезна моимъ успѣхамъ, то я снова бы началъ ей учиться. Лучшіе танцоры и знаменитѣйшіе балетмейстеры презираютъ ее, пошому что она, кажется, никакой сущеспвенной пользы имъ не приноситъ. Она не показываетъ намъ ни приятныхъ движеній головы, ни разныхъ благородныхъ и ловкихъ положеній, несбходимыхъ въ сей часпи. Я почиаю Хореграфію бесполезнымъ искусствомъ, пошому что она не можетъ служить къ совершенству шаца. Такъ, М Г., Хореграфіа умерщвляетъ теній; она помрачаетъ и ослабляетъ вкусъ сочинителя, который ею руководствуется.,,
Что остается говорить мнѣ послѣ этого?

Д.

~~~~~

*) Теперь и понятно и складно! Изд.

**) И я также. Сог.

Анекдоты.

Герцогъ Монморанси любилъ дѣлать людямъ добро. Проѣзжая однажды чрезъ Лангедокъ, увидѣлъ онъ на полѣ чешырехъ крестьянъ, кошорые обѣдали подъ шѣною куспарника. Герцогъ приближается къ нимъ и спрашиваетъ ихъ: счастливы ли они? Трое изъ нихъ отвѣчали ему: «мы довольны темъ, что Богъ послалъ намъ, и не желаемъ больше ничего.»—А ты?—спросилъ онъ чешвертаго.— «Одного только, отвѣчалъ пошъ: недоспаетъ къ совершенному моему благополучію.»—Чего же?—«Мызы, кошорою владѣлъ отецъ мой, дѣдъ, прадѣдъ.»—А еслибъ получилъ ты эту мызу, былъ ли бы ты доволенъ?—«Какъ нельзя больше, клянусь вамъ!»,—Сколько же спойшь мыза?—«Двѣ тысячи франковъ.»—На, возьми ихъ; пусть же скажутъ обо мнѣ, что и я сдѣлалъ одного человека счастливымъ.

Знаменишый Философъ Бель былъ чрезвычайно безкорыстенъ и не легко было принудить его принять даже самый малозначущій подарокъ. Милордъ ***, замѣтивъ, что у Беля не было часовъ, вынималъ безпрестанно передъ нимъ изъ кармана свои часы и посматривалъ на нихъ съ большимъ вни-

маніємъ. Наконецъ Бель изъ любопытства взялъ у него посмотришь эти часы и похвалилъ ихъ. Милордъ, желая воспользоваться симъ случаемъ, предложилъ ихъ ему въ подарокъ; Бель покраснѣлъ отъ стыда; разсердился, не хотѣлъ брать часовъ и принялъ ихъ уже тогда, какъ Милордъ поклялся ему, что онъ нарочно привезъ ихъ для него изъ Англїи и показалъ ему собственныя свои часы, копорыя были несравненно дороже.

Когда Лудовикъ XIV назначилъ 6000 ливровъ пенсіона Генеральному Адвокату (Avocat General) Талону, то Ламуаньонъ, первый Президентъ Парижскаго Парламента, просилъ Короля о назначеніи ему такого же пенсіона.—Король сказалъ ему, что онъ о томъ подумаетъ.

Прошло шесть мѣсяцовъ, въ продолженіи копорыхъ Ламуаньонъ часто бывалъ у Короля, но не напоминалъ ему о своей просьбѣ. Однажды Король спросилъ его: «Г. Ламуаньонъ, что вы не скажете мнѣ ничего о своемъ пенсіонѣ?»,—Ваше Величество! я долженъ заслужить его.—«А когда жакъ, что вамъ давно уже слѣдуетъ и получаешь его.», Король назначилъ ему пенсіонъ съ того самаго дня, въ копорый сказалъ онъ Ламуаньону, что *подумаетъ о этомъ*.

Карль II, Король Гишпанскій, будучи еще очень молодъ, во время поржесшвеннаго хода при празднованіи Юбилея, встрѣшилъ на дорогѣ нищаго и бросилъ ему бриллиантовый крестъ, кошорый имѣлъ погда на себѣ, шакъ что никто пого не примѣпилъ. Когда вошли въ церковь, то придворные увидѣвъ, что на Король не было креста, подумали, что онъ кемъ нибудь въ тѣсношѣ украденъ, и спали громко о томъ говорить. Нищій, слѣдуя за Королевскою свипою, вскричалъ: “вошъ онъ! Его Величешво самъ изволилъ мнѣ его пожаловать.,” Нельзя было ошавишъ крестъ у нищаго и шакже уничшожишъ Королевскій даръ. Государешвенный Совѣшъ заключилъ единогласно, что дары Королевскіе ни въ какомъ случаѣ опмѣняемы и уничшожаемы бышъ не могушъ. Въ слѣдешвіе сего оцѣнили крестъ въ 12.000 ефимковъ и немедленно выдали ихъ нищему.

СОЮЗЪ ПОЭТОВЪ:

Сурковъ Тевпонова возносишъ;

Тевпоновъ для него вѣнцовъ безсмершья про-
сишъ;

Барабинскій, прославленный опъ нихъ,

Ихъ прославляешъ обоихъ.

Одинъ напишешъ: мой Горацій!
 Другой въ опивѣшъ: любимецъ Грацій!
 И прешій другъ,
 Возвысивъ духъ,
 Кричишъ: вы, вы любимицы Грацій!
 А шъ ему: о нашъ Горацій!

Тевпонова Сурковъ въ посланьяхъ восхва-
 лялъ:

О Геній на всѣ роды!
 Тевпоновъ же къ нему взывалъ:
 О баловень Природы!
 А прешій другъ,
 Возвысивъ духъ,
 Кричишъ: вы баловни Природы! —
 А шъ ему: о Геній на всѣ роды!

А я скажу пишомцамъ Музъ:
 Цвѣши хвалебный вашъ союзъ!
 Другъ друга прославляйте,
 Другъ друга разбирайте,
 Съ Гораціемъ равняйте,
 Посланья сочиняйте,
 Въ Журналы отсылайте,
 Видѣнія слагайте,
 Другъ другу посвящайте,
 Слѣпую насъ толпу, счастливыцы! забавляйте —
 И свой опшорный слогъ любя —
 Хвалише вы — самихъ себя!
 Условныя желанья,

Нблыя ожиданья ,
 Кипящія лобзанья
 И сладострастьє нбгб
 Твердише и швердише!
 Увядиши для цтбхб,
 Въ окно не зря, глядите!
 Надъ ташами дремлише,
 И ташами спучише!
 Чипашелей глушише!
 Другъ другу дребезжише
 О ташахб вы своихъ!
 Безъ ташб не полонъ спихъ .
 Беспетность, свободу,
 Вб кустахб огорода
 Зовише лепашъ,
 Лепашъ и порхашъ,
 Друзей пркликать!
 И въ юноши бывалой
 Вбнки брусники алой
 Любише воспоминашь!
 Заслугой вы велики—
 Вамъ Музы воздадутъ! ...
 Вбнками васъ брусники
 Къ безсмершю увьюшь!

Д. Врс—вб.

КЪ ПОРТРЕТУ N. N.

Онъ, говорящъ, охошникъ спашь —
 Однакожь въ што одномъ посланьѣ
 Онъ доказашь имѣль желанье,
 Чшо онъ охошникъ усыплящъ.

Д.

~~~~~

Шарада.

Слогъ *первый* восклицаемъ;
 Когда о чемъ нибудь вздыхаемъ;
 А слогъ *второй*,
 Бышь можешъ, шихимъ сномъ покоишся на
цѣлолѣ;
 А *цѣлое*, по смерши роковой,
 Бышь можешъ общимъ намъ удѣломъ.

Э.

~~~~~

Шарада, напечатанная въ XXXVII N^o.
 значить: *пар - о - ходѣ*.

~~~~~

ОГЛАВЛЕНІЕ ХІХ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Отрывки:

	Стран.
Изъ Комедіи: <i>Хитрый Женихъ</i>	60.
— Поэмы: <i>Кавказскій Плѣнникъ</i>	361.

Оды и прог. лирическія стихотворенія:

Умирающій отецъ сѣмейства	81.
Рѣка Жизни	301.
Море и земля	304.
Гробъ	464.

Романсы и Пѣсни:

Нѣшъ его	83.
Зомиръ и Зора	201.
Грусь	302.
Романсъ Едвина	335.

Элегіи:

Плачь Давида о смерти Саула и Іоанана ана	459.
Могила М.	85.
Аминъ	185.

Ночь на кладбищѣ	462.
Элегія	—

Посланія:

Къ Вадиму	186.
Послѣдній объѣздъ	187.
Къ другу	275.
Къ Н. А. Л.	337.
Къ другу на новоселье	386.
Я. А. М.	417.

Басни:

Гусеница и Муравей	205.
Цвѣшны и Мошылкѣ	206.

Смѣсь:

Цвѣшочикъ	204.
Мое уединеніе	385.
Союзъ Поэшовъ	512.
Надпись къ моему альбому	305.
Въ альбомѣ къ запущанному въ сѣши Амуру	502.
На кончину Державина	416.
<i>Надгробіе</i> Стихотворцу Бошлеру.	465.
Къ поршрешу Н. Н.	515.
<i>Эпитафія</i>	276 и 416.
<i>Эпиграммы</i>	276 и 435.
<i>Экспромптѣ</i>	440.
<i>Омонимѣ</i>	240.

III

Стран.

Логогрифы	319 и 359.
Шарады 40, 80, 120, 200, 320, 360, 440 и 515.	
Загадка-Омонимъ-Анаграмма-Шарада- Логогрифъ , ...	400.

Проза.

Отрывки:

Нѣчто о Томасѣ Мурѣ	41.
Гельвеллинь. (<i>Изъ Валтера Скотта</i>)	132.
Отрывокъ изъ моего журнала 1821 г.	265.
Черпокъ Зораиды (<i>Изъ Повѣспи: Вѣ- нецъ Калифа Алманзора</i>).	327.
Безымянное письмо. (<i>Изъ Жюи</i>)	419.
Мысли по случаю кончины Графа П. П. Коновницына	429.
Отрывокъ изъ Истории Юстина	481.

Повѣсти и Анекдоты:

Жаркій день	100, 135, и 160.
Делилевъ обѣдъ	209.
Зюма, или опкрыпіе цѣлебныхъ свой- спвъ хины	241 и 281.
Красныя дѣши	366.
Трое друзей	372.
Заблужденія Флорины	401.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

О новомъ аеролишѣ	192.

О великомъ характерѣ	306 и 321.
О панцахъ	339.
Описаніе о бракѣ между Ея Высочесш- вомъ АННОЮ ПЕТРОВНОЮ, Цесарев- ною Всероссійскою и Его Королев- скимъ Высочесшвомъ Карломъ Фри- дрихомъ Герцогомъ Голшпеиногш- шорпскимъ	441.
Шахматная машина	492.
О Хореграфіи	508.

III. КРИТИКА.

Разсмотрѣніе <i>Заливтаній на новый пе- реводѣ Федры</i> , напечатанныхъ въ VIII № <i>Вѣстника Европы</i>	3.
Замѣчанія на спашью: <i>Кастріотѣ</i> , про- званный <i>Скандербегомѣ</i>	69.
Разборъ <i>Идилліи: Рыбаки</i>	86 и 121.
Разборъ <i>Комедіи Водевиль: Статья избъ газетѣ</i>	171.
Замѣчанія на спихошворенія, напеча- шанныя въ XXXIV № <i>Благонамѣрен- наго</i>	381.
<i>Дружеское Посланіе къ Издашелю Благо- мѣреннаго</i>	465.

IV. ТЕАТРЪ.

Школа Женщинѣ, Комедія въ пяти
дѣйствіяхъ, въ спихахъ, переведен-

ная изъ соч. Мольера Н. И. Хмель-
ницкимъ, и *Пурсоньякъ-Фалалей, или*
Рохусъ въ новомъ видѣ, свяпочный
Водевиль въ одномъ дѣйсствіи, пере-
дѣланный съ Французскаго К. А. А.
Шаховскимъ, представленныя на
Большомъ Театрѣ 21 Юня . . . 19.

V. СМѢСЬ.

Увы и ахъ! (<i>Прозаическая галиматья</i>)	439.
Мысли и Замѣчанія	373 и 455.
Анекдоты	75, 118, 189, 277, 375 и 510.
Извѣстія о бѣдныхъ	39 и 232.
Благошворенія	79, 119 и 356.
Книжныя извѣстія	76, 193, 233, 353, 436, 475 и 503.
Опшъ Издашеля	357.

